

[Polaris]

ФЛОЙД ГИББОНС

КРАСНЫЙ
НАПОЛЕОН

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXV

Salamandra P.V.V.

**Флойд
ГИББОНС**

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОН

Salamandra P.V.V.

Гиббонс Ф.

Красный Наполеон. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 247 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXV. Факсимильное издание).

«Красный Наполеон» — фантастический роман, написанный в жанре альтернативной истории и использующий темы «желтой» и «красной» опасностей. В центре романа — советский военачальник Иван Карахан, который приходит к власти в СССР после убийства И. Сталина в 1932 г. Став диктатором, Карахан ведет советско-азиатские орды на завоевание мира и покоряет одну страну и континент за другим, пока не сталкивается в решающем конфликте с Соединенными Штатами.

Флойд Гиббонс (1887-1939) — знаменитый американский военный репортер, радиоведущий и сценарист; освещал бои на фронтах Первой Мировой войны (где потерял глаз), мексиканскую революцию, голод в Поволжье, итальянское вторжение в Эфиопию и гражданскую войну в Испании.

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОН

ФЛОЙДЪ ГИВОНСЪ

—

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОНЪ

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 3 0

Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ПРАУТСЬ»
Рига, Петропавловская плоча 25-27.

Сегодня 17 июля 1941 года.

Со дня окончанія войны между Соединенными Штатами Америки и Мировымъ Союзомъ Советскихъ Республикъ прошло ровно пять лѣтъ.

Я сижу на верандѣ стараго отеля на одномъ изъ Бермудскихъ острововъ; зѣвкій вѣтерокъ колышетъ листья пальмъ, и она блестятъ подъ лучами солнца, словно мальчуганъ смазалъ ее жиромъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня въ шезъ-лонгѣ сидятъ человѣкъ, заставившій весь міръ содрогнуться, человѣкъ, гордившійся своею цѣтной кожей и задавшійся честолюбивой цѣлью уничтожить расовыя разнородія — создать изъ всѣхъ человѣческихъ расъ одну всечеловѣческую расу.

Я нахожусь на этомъ райскомъ островѣ въ качествѣ представителя всей міровой прессы, и на меня возложена обязанность быть при этомъ человѣкъ до его конца. Ежедневно я посылаю сообщенія о состояніи его здоровья, о его мысляхъ и соображеніяхъ, которыя онъ порой высказываетъ по поводу тѣхъ или иныхъ одержанныхъ имъ побѣдъ или понесенныхъ поражений.

Я сообщая міру его слова о томъ, что цѣлью его было даровать цѣлнымъ расамъ множество бѣлыхъ женщинъ и тѣмъ самымъ отомстить за всѣхъ тѣхъ цѣлныхъ женщинъ, которыя стали военной добычей бѣлыхъ завоевателей.

Онъ побѣжденъ, но онъ не сломенъ. Его армія болѣе не существуетъ, флотъ его потопленъ, воздушный флотъ сбитъ, и все же онъ остается символомъ непреклонной воли, осмѣлившейся продиктовать міру свой девизъ: „Завоевывай и плодись!“

Даже ныне, в изгнании, он остался все тем же гордым и непреклонным человеком, подавшим пример своим последователям тем, что он велел себя в жены брать женщину и имел от нее трех сыновей ситшанной крови.

Он не отказывается от своих воззрений. Он гордится, что столько детей унаследовали его монгольскую кровь, и что рождены они белой женщиной, чья красота, ум и социальное положение привлекали его внимание.

В Европу, в Северной и Южной Америке, полководцы, куда ступали его победоносные полчища, живут тысячи индейцев, мулатов и метисов — все это новое племя, результат его походов, и этому поколению ситшанной расы суждено осуществить то, что он именует „первым шагом к освобождению мира от расовых предрассудков“.

С 1923 года прошло тринадцать кровопролитных лет, и эти годы кажутся мне вечным. В 1928 году я возвратился из Европы в Америку убежденным пацифистом. Война пресытила меня — мне суждено было в течение четырнадцати лет работать в качестве военного корреспондента.

Я был свидетелем мексиканской войны, боев на американо-мексиканской границе, мировой войны, (которая должна была положить конец всем войнам). Наступившее в 1918 году перемирие заставляло меня повторять то, что мои кровавые обязанности окончены, но оказалось, что это было лишь началом новых кровопролитий.

В период с 1918 по 1928 год мне пришлось ежегодно быть свидетелем новой военной кампании. Польско-русская война, ряд восстаний в Германии, взятие Ирландии, война в Прибалтике, в Южной России, в Сибири, на ближнем Востоке, в Китае, в Марокко, переворот в Польше и военные действия в Никарагуа.

Но откуда я мог знать, что последующее ужасное десятилетие заставит меня быть свидетелем еще более страшных кровопролитий?

Разве я мог предвидеть безжалостное нашествие бэйлых в Южной Азии и австралийскую войну? Разве мог я

предполагать, что обновившаяся Европа превратится в арену неслыханных досел боев?

Разве мог я предполагать, что изолированная от всего мира Америка принуждена будет бороться против всего мира и что ей будет угрожать величайшая в мире армия?

Разве мог я предполагать, что мне выпадет на долю сопровождать полководца, за которым пойдет эта величайшая армия, и что мне придется бороться против него? И что, наконец, я буду свидетелем его величайшей славы и величайшего падения?

Меня всего я мог предполагать, что мне суждено будет разделить его изгнание на одном из островков Атлантического океана, и что я напишу историю его жизни, историю человека, чья желанная воля, безграничное честолюбие и военный гений превратили мир в груды развалин.

Всю свою жизнь я был корреспондентом, и то, что я пишу сейчас, также является корреспонденцией, состоящей из происходящего. Но личность этого человека настолько значительна, что мои корреспонденции неминуемо должны принять историко-биографический характер. К тому же я настолько близко стою к нему, что многое из написанного мною принимает автобиографический характер. Говорят, что никто так хорошо не познал его, как я, и мне кажется, что это действительно так.

Карахан, несмотря на свои сорок один год, еще очень молод. Годы не склонили его, и он попрежнему высок и строен. Лишь бледность кожи свидетельствует о подтачивающей его болезни, — он медленно умирает.

Живя в заточении, он редко надевает мундир, в котором совершил победоносные походы. Обычно на нем светло-коричневый легкий костюм, — единственное, что в этом костюме напоминает о военном укладе его посетителя, это стоячий наглухо застегнутый воротник. Вот и сегодня на нем этот костюм.

Его смолисто-черные волосы подернуты легкой седью; он попрежнему стрижет их коротко; в таком виде его изображали несчетное число раз каррикатуристы всего

мира. И попрежнему на желтой его коже выдѣляется блѣднѣйшій слѣдъ отъ пули, отчетливо видимый на всѣхъ его снимкахъ.

Его темные глаза горятъ попрежнему огнемъ молодости, какъ тогда въ 1933 году, когда онъ на пятый день послѣ третьей битвы на Марѣ диктовалъ въ Парижѣ миръ.

Его холеныя руки съ тонкими пальцами покоятся на ручкахъ шезь-лонга. На кофтинкѣ его лежитъ карта Карибскаго моря, — сегодня онъ занялся изученіемъ битвы въ заливѣ Уиндворта, которой военные историки приписываютъ его поражение.

Взоръ его устремленъ въ синюю даль Атлантическаго океана, — кажется, словно онъ пытается проникнуть въ глубины, въ коихъ утонуло солнце его славы.

Впервые я встрѣтился съ Караханомъ осенью 1933 года. Однако значеніе этого человека обязываетъ меня сообщить нѣкоторые свѣдѣнія о болѣе раннемъ періодѣ его жизни и вскрыть читателю, откуда взялся этотъ источникъ неокружимой человѣческой воли и энергии, этотъ человекъ, которому суждено было занести свое имя въ перечень величайшихъ завоевателей и полководцевъ нашего мира.

Караханъ родился 16 июля 1900 года въ селеніи Алма на востокъ отъ Казани. Его отецъ Федоръ Караханъ былъ казачиномъ есауломъ, женившимся на татаркѣ. Для него его жена всегда оставалась представительницей иной расы, азиаткой, которую онъ ваялъ въ жены, соблазненной ея красотой и приданымъ. Вмѣстѣ съ молокомъ матери мальчуганъ питалъ ненависть къ бѣлой расѣ и ихъ мощи. Мать воспитала своего сына монголоидъ.

Въ дѣтствѣ онъ позналъ приволье уральскихъ отроговъ. Въ немъ рано пробудилось чувство гордости, — онъ гордился своимъ отцомъ-воиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ выдержку и упорство матери, качества, сочетавшіяся съ военными способностями, унаследованными отъ отца.

Будущій диктаторъ мира росъ привольной жизнью пастуха. Отецъ рѣдко навѣщалъ его и мать, и мальчикъ на-

учился питать къ нему почтеніе, ситшавное со страхомъ. Раннія его воспоминанія объ отцѣ были ему непріятны.

Въ этомъ онъ ивъ признался какъ-то впоследствии, когда я спросилъ его, почему онъ брестъ усы и бороду. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что въ немъ по сіе время живо воспоминаніе о томъ, какъ отецъ при первомъ своемъ посѣщеніи поднималъ его и поцѣловалъ въ губы.

И на всю жизнь запомнились лохматая борода, обросшія волосами губы и тяжелый запахъ воды, табака и огурцовъ.

Есаулъ Караханъ палъ въ бою подъ Мунденомъ, — ему не было суждено возвратиться съ русско-японской войной домой. Послѣ его смерти осталось множество долговъ, поглотившихъ все состояніе семьи. Мальчикъ росъ въ Приуральѣ подъ надзоромъ старика-татарина, потерявшаго на войнѣ руку. Этотъ инвалидъ обучалъ мальчика начаткамъ грамоты.

Знали инвалида Сабутай, и отъ него Караханъ впервые услышалъ монгольскія сказанія о Сабутай, великомъ монгольскомъ воитѣ, преемникѣ Чингизъ-Хана. Отъ него же мальчуганъ узналъ о томъ, какъ монголы воели по всей Европѣ смерть и разрушеніе, и какъ вѣногда власть ихъ простиралась отъ Желтаго моря до Персидскаго залива. Эти легенды породили въ его душѣ честолюбивыя мечтанія о томъ, чтобы послѣдовать по стопамъ Чингизъ-Хана, Сабутая, Александра, Цезаря, Ганнибала, Аттилы и Наполеона.

Сабутай научилъ его вѣдѣть верхомъ, обращаться съ оружіемъ, и отъ него же мальчикъ научился презирать толстые мужчины. Ихъ презирали всѣ обитатели гуръ.

Толстые мужчины не были мужчинами. Толстые мужчины были предназначенными для убоя, откормленными скотомъ. Они были рабами и походили на евнуховъ.

У Сабутая молодой Караханъ научился воодержавію и спартавской суровости. Какъ гордился онъ, когда, возвращаясь домой послѣ длиннейшаго цѣлый день скачки, привозилъ съ собою непочатую флягу воды, изъ которой онъ не отпилъ ни глотка!

Стояла холодная ночь, но Сабутай спалъ подъ отиры-

тишь небомъ, прикрываясь конскою попоной, и Караханъ слѣдовалъ его примѣру. И Сабутай открывъ Карахану весь смыслъ и глубины азіатской философіи: жизнь и смерть были наградою сильного, смерть и рабство — удѣломъ слабого. Караханъ научился различать по достоинству важнаго человека. Если мужчина былъ силенъ, то за нимъ слѣдовало наблюдать, его слѣдовало остерегаться и одновременно пытаться найти его уязвимое мѣсто. Если мужчина былъ слабѣе его, то все было въ порядкѣ вещей — болѣе сильный долженъ былъ подчинить слабого своей волѣ.

Эта философія дала первые результаты на двѣнадцатомъ году жизни Карахана. Какъ-то онъ пасъ вѣсть съ Сабутаемъ табунъ въ Уфимской губерніи. Незадолго до наступленія сумерекъ они замѣтили какое-то движеніе въ дощанѣ — всугнувшая лошадь бросилась въ различныхъ направленіи.

Караханъ и Сабутай знали, что это означаетъ. То были конокрады. Обмѣнявшись немногими словами, старикъ и мальчуганъ вскочили въ сѣдло и бросились въ погоню.

На развѣстѣ мальчугану удалось настичь часть табуна, угнанныя конокрадами. Караханъ соскочилъ на землю, приложилъ ружье къ плечу и разрядилъ его. Пораженная лошадь дрогнула подъ конокрадомъ и упала придавивъ всадника.

Караханъ осторожно приблизился къ упавшему. Лицо конокрады было искажено отъ боли — при паденіи онъ сломалъ ногу. Онъ былъ безоруженъ, ружье его осталось пригнѣтеннымъ къ сѣдлу. Конокрадъ перевелъ взглядъ на мальчугана, мальчуганъ смотрѣлъ на конокрада. Они не обмѣнялись ни словомъ. Да это было и ни къ чему.

На разстояніи десяти шаговъ отъ лежавшаго на землѣ татарина Караханъ остановился и разрядилъ ружье. Онъ всадилъ конокраду пулю межъ глазъ. Затѣмъ мальчуганъ отправился въ обратный путь собирать свой табунъ.

Такъ Караханъ впервые въ своей жизни пролилъ кровь. Онъ убилъ человека, и это событіе не произвело на него никакого впечатлѣнія. Онъ поступилъ такъ, какъ ему ве-

дѣлъ его законъ, и онъ былъ радъ тому, что смогъ осуществить его.

Вдослѣдствіе, когда по повеленію его руки сотни тысячъ людей шли на вѣрную смерть, онъ оставался все тѣмъ же безчувственнымъ и спокойнымъ человекомъ. Для него побѣда сильного и гибель слабого были закономъ природы.

До четырнадцати лѣтъ Караханъ проводилъ зиму у своей матери. Семья его обидѣла и испытывала нужду. Матери Карахана было нелегко воспитать троихъ сыновей и двухъ дочерей.

Въ Казани отставной офицеръ и сослуживецъ есаула Карахана обучалъ дѣтей военныхъ грамотѣ, — онъ согласился позаботиться и объ образованіи сына своего сослуживца.

О пребываніи Карахана въ этой домашней школѣ мы узнаемъ изъ книги „Школьные годы Карахана“, написанной полковникомъ Субиловымъ (такъ звали отставного офицера) незадолго до своей смерти.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе, — пишетъ онъ въ своей книгѣ, — произвели на меня его огромный запасъ знаній, прилежаніе и молчаливость. Онъ презиралъ дѣтскія игры своихъ сверстниковъ. Для него жизнь въ степи со старикомъ Сабутаемъ была гораздо болѣе значительной и замѣчательной игрой, чѣмъ всѣ игры его сверстниковъ.

Особенно поражалъ интересъ Карахана къ точнымъ наукамъ. Онъ обладалъ изумительной памятью. Математика давалась ему безъ труда, — онъ мысленно производилъ сложныя вычисленія и никогда въ нихъ не ошибался. Географія привлекала его въ неменьшей степени, чѣмъ современную дѣтскую книгу.

Карты оживали подъ его рукою. Онъ измѣрялъ на нихъ разстоянія, опредѣлялъ ихъ числомъ переходовъ и перегоновъ. Заслуживаетъ вниманія и его отношеніе къ исторіи, которая не являлась для него только перечнемъ хронологическихъ фактовъ и пышныхъ церемоній и празднествъ. Онъ всегда старался выявить въ существовавшую между отдѣльными событіями причинную связь и установить ихъ происхожденіе.

Онъ внимательно изучалъ жизнеописанія великихъ людей, но никогда они не вымывали въ немъ удивленія. Онъ не преклонялся передъ ними и гораздо болѣе преувеличалъ въ критикѣ ихъ ошибки, чѣмъ въ оцѣнкѣ ихъ подвиговъ.

Прочтя Пугаря, онъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, каждый совершаетъ ошибки, и я знаю, какія ошибки совершилъ каждый изъ нихъ. Чѣмъ больше человекъ, тѣмъ меньше его ошибки. Маленькія ошибки большихъ людей идутъ на пользу маленькимъ людямъ.

У Карахана не было друзей среди школьных товарищей. Онъ всегда сознавалъ, что оди́тъ бѣдѣе, чѣмъ они, и лишенъ карманныхъ денегъ. Каждый ифдакъ выѣзъ для него большое значеніе. Никогда онъ также не забывалъ о томъ, что кожа товарищей свѣтлѣе его кожи, и это вызывало ненависть къ нимъ. Но въ то же время онъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ.

Какъ-то одинъ изъ сотоварищей, сынъ генерала Королева, бывшій на три года старше его, сказалъ ему:

— Желтая образина съ горъ, отъ тебя скверно пахнетъ и у тебя въ твоей овчинѣ водятся блохи.

Караханъ неожиданно схватилъ лѣвую руку генеральскаго сына и сгиснулъ ее. Не проронивъ ни слова, онъ сжалъ ее и сталъ медленно выкручивать, пока мальчикъ не застоналъ отъ боли. Караханъ заставилъ его встать на колѣни.

Тщетно Королевъ призывалъ своихъ сверстниковъ на помощь — остальные мальчики, замѣтивъ загорѣвшіеся въ раскосыхъ глазахъ Карахана бѣшеные огоньки, поостереглись принять участіе въ происшествіи.

— Теперь ты будешь знать, какъ болятся горные плечи, — сказалъ Караханъ. — Теперь тебѣ запахъ моей овчины пріятнѣе?

— Перестань! Мнѣ больно! Я поштилъ!... Пожалуйста, перестань, ты сломаешь мнѣ руку... помогите мнѣ, — хныкалъ мальчуганъ.

Караханъ оттолкнулъ его и сказалъ:

— Маленькія психы могутъ отправляться домой. Волонки позвуть лучше горныхъ козловъ, но онѣ слабѣе ихъ.

Въ дѣтствѣ ему суждено было пережить еще одно событіе, сильно задѣвшее его гордость.

Какъ-то къ матери Карахана попросился переночевать какой-то бродяга. Дѣтей въ эту ночь не было дома, и подъ утро бродяга отплатилъ одинокой женщинѣ за гостепріимство тѣмъ, что попытался изнасиловать ее.

Женщина не растерялась, швырнула въ него котелокъ съ кипяточкомъ, и бродяга, вопя отъ боли, поспѣшнѣе убѣжалъ изъ дому.

На слѣдующій день мальчикъ, возвратившись домой и узнавъ о происшедшемъ, схватилъ ножъ и побѣжалъ по кабакамъ разыскивать оскорбителя. Поиски его были тщетны, но зато противъ насильника онъ затаялъ навсегда — и въ будущемъ за оскорбленіе, нанесенное его матери, поплатилось множество людей.

Въ 1914 году вспыхнула война. Годы ученія Карахана закончились. Для него началась новая эра, и война явилась для мальчика той школой, въ которой ему суждено было отнынѣ обучаться.

Россія нуждалась въ людяхъ и въ коняхъ. Ремонтеры отбирали для арміи лошадей и стогнаи ихъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Сабутай и мальчуганъ во время объявленія войны оказались въ стени. Къ югу отъ Уфы на желѣзнодорожныхъ станціяхъ скопилось большое количество лошадей — чувствовалась нехватка въ вагонахъ, дорога была забита эшелонами.

Въ Уфѣ Сабутай получилъ приказъ вести свой табунъ въ Казань. То было первое соприспособленіе Карахана съ военными и военной службой. Сабутай былъ слишкомъ старъ для такого перехода, и Карахану пришлось замѣнить его.

На слѣдующее утро неразлучные друзья разстались, и на разсвѣтѣ Караханъ пустился въ путь.

Четырнадцатилѣтнему мальчику въ сопровожденіи трехъ людей и трехъ лошадей предстояло переходъ въ четыреста верстъ. Помощниками Карахана были три татарина — одинъ старикъ и двое шестнадцатилѣтнихъ парней.

Караханъ отлично зналъ мѣстность, зналъ, гдѣ пахались лучшіе пастбища и водопой. Въ день они проходили сорокъ пять верстъ. На десятый день Караханъ въ цѣлости доставлялъ свой табунъ въ Казань и сдавалъ его военнымъ властямъ. Власти принимали табунъ и на слѣдующій день размѣстили его въ товарныхъ теплушкахъ и направили на фронтъ. Комendanтомъ поѣзда былъ тучный подполковникъ Брянскій, всю свою жизнь прослужившій военнымъ чиновникомъ и ненавидѣвшій лошадей.

— Послушай, мальчуганъ, — сказала онъ, обратившись къ Карахану и, повидимому, полагая, что его слуга произведутъ на мальчика впечатлѣніе. — Хочешь ты стать войномъ, какъ я? Хочешь слышать громъ пушекъ? Хочешь попасть на фронтъ? Если ты этого желаешь, то я возьму тебя съ собою, но тебѣ придется много потрудиться.

Брянскій, говоря эти слова, не удостоилъ Карахана и взглядомъ. Но Караханъ не хотѣлъ угодить Брянскому, называвшему въ своемъ креслѣ отъ жары.

Карахану хотѣлось попасть на войну и онъ согласился послѣдовать за Брянскимъ, принявъ на себя всѣ заботы о транспортѣ лошадей.

Эшелонъ миновалъ Нижний, Москву, Смоленскъ, Минскъ и, наконецъ, прибылъ въ Пинскъ. Лошади были сданы въ кавалерійскую дивизію великаго князя Михаила.

Подполковникъ Брянскій за успѣшный переходъ былъ удостоенъ награды и отпраздновалъ это событіе достоянствомъ его пьянствомъ. Охмелѣвъ, онъ велѣлъ вызвать молодого татарченка, помогавшаго ему доставить лошадей на фронтъ, и снабдилъ его слѣдующимъ документомъ:

„Предъявитель сего Иванъ Караханъ, — четырнадцати лѣтъ отъ роду, глаза черны, волосы черные, пѣтъ кожи желтый, смуглый, особыхъ примѣтъ не имѣется, проживавшій въ Казани, — причисленъ къ 5-му Донскому казачьему полку и уполномоченъ скупать лошадей для дѣйствующей арміи.

Предъявителю этого документа сканивать всяческое

сопротивленіе въ выполненіи возложенныхъ на него порученій“.

1915 и 1916 годы Караханъ провелъ на войнѣ. Ему суждено было принять участіе въ побѣдоносномъ наступленіи русскихъ на Львовъ и побывать на Карпатахъ. Въ мартѣ 1916 года, когда немцы отбили у русскихъ Мемель, онъ чуть не попалъ въ плѣнъ.

Караханъ отыскалъ казачій полкъ своего отца. Полкомъ командовалъ одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго Карахана, который пригласилъ мальчугана.

Въ 1917 году Карахану суждено было стать свидѣтелемъ развала русской арміи. Онъ былъ свидѣтелемъ массоваго дезертирства, паденія дисциплины и всего того, что послѣдовало за отходомъ на фронтъ.

Критическій умъ мальчика пытался установить связи, повлекшія за собою эти послѣдствія. Затѣмъ наступила революція. Караханъ ненавидѣлъ паря — и эта ненависть основывалась въ немъ на томъ презрѣніи, которое онъ питалъ ко всему слабому. Николай Второй, съ его точки зрѣнія, былъ слабъ и тѣломъ и духомъ. Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что ему выпалъ такой удѣлъ.

Революція застала Карахана семнадцатилѣтнимъ солдатомъ. Онъ отлично усвоилъ „Причины паденія римской имперіи“ Гиббона и трудъ Карлеяля о французской революціи. Нѣсколько біографій Наполеона были ему извѣстны на зубокъ, и Караханъ отлично понималъ, какія передъ нимъ открывались возможности.

Украсившись краснымъ бантомъ, онъ вписался въ шестой отрядъ красной гвардіи, сформированный въ болшинствѣ своемъ изъ такихъ же подростковъ, какъ и онъ самъ.

Три года, проведенныхъ въ арміи, несли Карахану на пользу. На опытѣ онъ позналъ все значеніе дисциплины и организаціи. Прошло двѣ недѣли, и Караханъ сталъ командиромъ взвода, а затѣмъ и роты.

Караханъ былъ воплощеніемъ строгости, но одновременно онъ сумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ созна-

ние, что они не промахнутся со своим командиром. Он безпрестанно заботился о том, чтобы у его людей всего было вдоволь и не заставлял их ни в чем терпеть лишения.

Съ разрешения батальонного командира он посадил свою роту на коней и таким образом превратил ее в одну из первых конных частей красной армии. Отряд его обслуживал штаб, нес разведочную службу, прикрывал отступление. В Москве отряд принял участие в боях на Красной площади и был свидетелем посаженного затѣм расправы съ бѣлогвардейцами.

Въ слѣдующемъ году онъ получалъ въ командование полкъ и отпирался на постой въ Пензу, для борьбы съ командиромъ чеховъ, полковникомъ Гайда.

Гайда со своими чехами былъ оттѣсненъ къ Самарѣ и расположился вдоль желѣзной дороги на Уфу. Караханъ продолжалъ тѣснить отступающихъ на постой чеховъ.

Командиръ чеховъ, полковникъ Гайда былъ на семь или восемь лѣтъ старше Карахана. Въ началѣ войны онъ былъ фармацевтомъ въ Прагѣ и былъ принудительнымъ образомъ зачисленъ въ ряды австрійской армии. При первой же возможности онъ такъ же, какъ и многіе другіе чехи и словаки, сдѣлся на плѣнъ. Въ Россіи Гайда приступилъ къ организаціи чешскихъ легионовъ, вносящихъ сражавшихся противъ Австро-Венгерской монархіи.

Изъ схватки съ чехами Караханъ вышелъ побѣдителемъ и съ лагерьми возвратился въ Москву. Получивъ въ командование бригаду, девятнадцатилѣтній Караханъ перебрасывается на Балтійскій фронтъ и сражается противъ Юденича. Потомъ наступаетъ пора борьбы на югѣ Россіи съ Деникинымъ.

Въ 1919 году Пилсудскій наступаетъ на Кіевъ. Въ моменту начала польскаго наступленія Караханъ дѣйствуетъ на Врангелевскомъ фронтѣ. Кавалерія Карахана перебрасывается навстрѣчу наступающимъ полякамъ. Лѣвый флангъ красной армии прикрывалъ Буденный, на правомъ флангѣ дѣйствовалъ Караханъ. Конница красныхъ удалось нанести

чувствительный ударъ польскимъ войскамъ, и польская армія перешла въ стремительное отступленіе къ Варшавѣ.

Мнѣ суждено было сопутствовать полкамъ въ ихъ отступленіи, ибо я былъ откомандированъ на фронтъ „Чикаго Трибуна“ въ качествѣ военнаго корреспондента. Въ означенномъ пламени Брестъ-Литовскѣ я чуть не попалъ въ плѣнъ къ Карахановскимъ кавалеристамъ.

Веганъ и французскіе танки сожгли Польшу и отбросили красныхъ отъ Варшавы. По окончаніи польской кампаніи Караханъ возвратился въ Москву. Онъ принималъ участіе въ большомъ парадѣ на Красной площади, а затѣмъ въ его жизни наступила существенная перемѣна — онъ женился.

О первой бѣлой женщинѣ въ жизни Карахана писалось не мало.

Линъ Ларкинъ была на шесть лѣтъ старше его. Она была дочерью переселившегося въ Востокъ ирландскаго фабричнаго рабочаго, отъ котораго унаследовала мятежный духъ. Впервые дѣвушка проявила его во время забастовки въ Фолль-Риверѣ. Въ этой стачкѣ она играла видную роль и завоевала извѣстное положеніе въ радикальныхъ кругахъ Нью-Йорка.

Когда въ Америкѣ была введена воинская повинность, она присоединилась въ числу противниковъ этого закона и вышла замужъ за одного изъ нихъ съ единственной цѣлью удержать его отъ вступленія въ армию.

Послѣ заключенія мира она развелась со своимъ мужемъ и рѣшительно встала на сторону русскихъ революціонеровъ. Это она пыталась организовать кинематопротеста противъ присутствія американскихъ солдатъ въ Архангельскѣ и въ Сибири. Затѣмъ она вошла въ число служащихъ делегаціи Мартенса, представившаго собой въ Нью-Йоркѣ новую русскую власть.

Когда 23 января 1921 года Мартенсъ былъ высланъ изъ Америки, она послѣдовала за нимъ въ Москву и имѣла съ Виллемъ Гайзудомъ и Рутъ Брайанъ Радъ вошла въ составъ американской делегаціи Третьаго интернаціонала.

Классовое сознаніе Линъ было развито, но расовое со-

«Красный Новострой»

знание ее было усилено. Мы не раз приходилось беседовать с нею во время нашего пребывания в Москве. Она ненавидела капиталистический строй и гордо признавалась в том, что не питает никакого предубеждения против представителей царских рас.

Карахань не была для нее представительницей нашей расы, она была молодым богом войны, победоносно сражавшимся за дело мира.

Красивая и образованная блондинка являлась для Карахана привлекательным даром свыше, столь же похожим на окружающих его обычных женщин. Она ждала ее и сознавала, что она стала для него необходимостью. И он вступил с нею в брак.

Я познакомился с Караханом в 1922 году, в голодный год. В этом году он находился в Самарь, в городе, бывшем свидетелем его первых успехов против чехословаков. Военские части Карахана несли охрану продовольственных грузов. Самарская губерния, бывшая некогда житницей России, изнывала от голода, а страды Карахана охраняли хлебные грузы, предназначенные для армии и столицы.

Карахань пытался не соприкасаться с податкой. Он был до мозга костей военным и целиком посвящал себя армии. 1923 год он провел на Кавказе, 1924 год в Персии, в следующем году его дивизия была расквартирована в Туркестане. Потому он побывал на Афганской границе — призраке возможного похода красных на Индию заставил содрогнуться не одного англичанина.

В 1926 и 27 году Карахань был в Иркутск и Забайкалье. Его люди организовывали монгольские силы от Верхнеудинска до Урги.

На обоим без Карахана и в 1928 году, когда пробуждающийся Китай впервые столкнулся с Японией в открытой бое у Тайнан-Фу: Япония недоуменно наблюдала за присутствием Карахана на Восточно-Китайской железной дороге. Чжань-Цзо-Линь, маньчжурский диктатор, погиб от бомбы, брошенной в его поезд людьми Карахана.

В 1929 году Карахань был тем человеком, который

сорвал участие Сов. России в созванной по предложению Северо-Американских Соединенных Штатов мирной конференции, на коей должны были решиться судьбы Китая. Вследствием дипломаты всех стран пытались пережить на него неудачу этой конференции, приведшей к тому, что Китай поднял под знамя националистов.

Признание нового Китая Америкой заставило Англию, Францию, Италию, Португалию и Японию отказаться от предоставленных им в Китае привилегий. Это был первый удар престижу старых на Дальнем Востоке.

Ужасные события 1936 года, кровавые бои в Калкутте, Бомбей и Сайгон, завершившиеся изгнанием французов и англичан из Южной Азии, были естественным следствием объединения Китая.

В следующем году страна, поселившая Караханом на всем протяжении Калганского пути, дала пышные всходы. Один за другим пали иностранные концессии на Красном море, в Аденском заливе, в Аравии и Месопотамии. 1937 год завершился восстанием в Северной Африке. Восстание началось в Египте и быстро распространилось на запад, охватило Триполи, Алжир и Марокко, в которых Англия, Франция, Италия и Испания тщетно пытались оказать сопротивление хорошо вооруженным неясным полчищам, захлывнувшим на север из глубин черного материка.

Крошечная планета своего заката суждено было испытать еще один тяжелый удар. Поздним летом 1938 года в Европе вспыхнула тяжелая эпидемия инфлюэнцы. Эта эпидемия, вспыхнувшая вскоре после провала Вашингтонской конференции по ограничению вооружений, сломала огромное количество людей.

В июле 1939 года я выехал на эпидемию в качестве специального корреспондента "Чикаго Трибьюн". После эпидемии последовал ряд продовольственных затруднений, особенно остро сказавшихся на Балканах.

Снабженный полномочиями ряда европейских правительств, я выехал в автомобильную поездку на афри-

канский фронт, пересёк всю северную Африку — от Каабланки до Порт-Саида и Суэцкого канала.

Объединение сил европейских держав насчитывало на африканском фронте три четверти миллиона людей. В число это входили четырехсоттысячная армия французов, полтораста тысяч англичан, сто тысяч испанцев и сто тысяч итальянцев.

Число воинов, входивших в состав отрядов воюющего населения Алжира, Марокко, Туниса и Египта, равнялось примерно миллиону человек.

Африканский фронт был настолько велик, что союзники могли лишь обороняться в разсыпавшихся по всему фронту блогаузах, не раз подвергавшихся нападениям туземцев. Не раз нападения туземцев заканчивались успехом, и каждая новая стычка с результатом в пользу туземцев наносила непоправимый ущерб авторитету бывших в Африке.

Мне повезло, и я первый получил в штаб союзного командования документальные доказательства того, что восстание туземцев было инспирировано Москвой. Москва снабжала вождей восставших оружием, деньгами и агитационным материалом, в котором проповедывалась священная война против господствующей белой расы. На основании сделанных мною разоблачений я получил спешное предписание выехать в Москву и ознакомиться с положением вещей в Советской стране.

В конце августа 1932 года я прибыл в Москву и поселился в отеле „Савой“, где открыл бюро „Чинато Трибуна“.

Там я познакомился с молодыми американцами, с которыми впоследствии судьба так тесно связала меня и которому суждено было сыграть немаловажную роль во всем том, о чем мне предстоит повествовать в этой книге.

Стефен, или как его называли друзья, Спидь Винней был высоким и стройным юношей, со светлыми, как лён, волосами. Ему было всего лишь двадцать два

года. Захватив меня в вестибюль отеля, он поспешно ко мне настрёбу и улыбался сказал:

— Мистер Гиббонс, меня зовут Спидь Винней, а сын вашего приятеля со времени пребывания во Франции Винней. У меня имеется для вас письмо от него. Вы бы прочтёте его?

Почитал ли я Виннея? Да, разумеется. Его сын был, как две капли воды, похож на своего отца. Старший Винней был одним из лучших летчиков нашей армии, это он сбил в бою восемь неприятельских аэропланов, перелетал из тыла неприятельского расположения и там подвергся обстрелу. Нам суждено было встретиться в одном из парижских лазаретов. Наши врачи стояли бок-о-бок.

Я распечатал письмо, врученное мне его сыном. Мой старый боевой товарищ сообщал мне, что сын его страстно увлекается авиацией и что по молодости своей он столько натворил в Америке беды, что больше не представлялось возможным держать его дома. Старший Винней поручал мне сделать из его сына человека. Мне рекомендовалось использовать его для воздушной корреспонденции. Авиация была излюбленным делом юности и заинтересовать его чем-либо другим не представлялось возможным.

Я отложил письмо в сторону и подумал о том, что мне надлежало предпринять. Спидь расположился против меня и правильно улыбался во весь рот. Необходимость признать на себя ответственность за этого молодого человека особого восторга во мне не вызвала. Мне же всего мне надо было играть роль гувернантки при этом необузданном юнше.

Но у молодого Виннея было одно свойство — его улыбка была настолько подкупающей, что я не смог устоять против её чар. Но ведь я был другом „старшего Виннея“, и в качестве друга отца Спидя должен был покурить его. Поэтому, сделав серьёзное лицо, я спросил тоном:

— Спидь, вы много пьёте?

— А у вас какие наития? — спросил он сбится.
— Я прибыл лишь сегодня утром и еще не отведал истинной воды. Но я был бы не прочь отведать ее.

После двух рюмок воды мы договорились обо всем. Наша беседа длилась целый час и закончилась приятным следующим обращением мистера Спайда:

— Теперь вы знаете, что я не принимаю на себя ответственности за вас и что как раз наоборот — на вас возлагается ответственность за успешный исход моих действий. Вы знаете, в чем заключается моя работа, и вы должны мне помочь. Я не стану с вами говорить о том, где когда и сколько вам пить. Вы достаточно взрослые, чтобы следить за собою. Вы мужчина, и я надеюсь, что вы будете вести себя так, как подобает вести себя мужчинам. Понятно?

— Понятно, — ответил Винней, и мы обменялись рукопожатием.

На следующий день он вылетел из Парижа и через неделю возвратился в Москву на собственном двухмоторном аэроплане.

Мы были готовы вступить в год, которому суждено было принести миру ряд событий величайшей важности.

2

— Московская жизнь не особенно приятна для американца, любящего выжить и питающего влечение к красоте, — огорченно объявлял Спайд, шамкая свой авиаторский плащ на мой письменный стол.

— Опять что-нибудь натворили? — спросил я.

— Ничего особенного. Вчера вечером я присмотрел себе на аэроплане обворожительную девочку. Я знаками приглашаю ее выпить со мною, и она принимает на себя руководство нашей экспедицией. Мы приходим в какое-то учреждение, и чиновники требуют, чтобы я предъявил документы. Я, думая, что они нужны для получения казенного вина, вручаю им их. И что же, вы думаете, оказалось?

— Не вижу ни малейшего повода.

— Оказывается, что я попал в ихний ЗАГС. Они чуть-было не обокрали меня, и мы чуть не лишились своего воздушного курьера. Нечего делать, придется начать учиться русскому языку.

— Вам следовало бы выучить язык хотя бы для того, чтобы иметь возможность читать истинные газеты, — сказал я, указывая на ворох газет, лежавших у меня на столе. — Я нуждаюсь в помощи человека, который мог бы мне переводить их содержание. Положение становится все более и более напряженным.

— В этом вы правы. Я забыл, что сегодня дети отправились в школу, захватив с собою маленькие противопартизанские маски. Господи, здесь так напуганы возможностью войны!

— Газеты только и и шутят о возможности войны. Вот взгляните на содержание вчерашней передовицы „Известий“. Я передаю ее в Америке по радио.

Винней прочел вслух:

„Неудача Вашингтонской конференции по разоружению означает вторую мировую войну. Америка, Великобритания, Франция и Япония не смогли прийти к общему решению, и в этом повинна политика английского адмиралтейства, заключившего в 1922 году тайный договор с Францией.

Особое значение приобретает англо-американское морское соперничество, за которым на самом деле скрывается объединяющее всех капиталистов желание соединить свои военные, морские и воздушные силы против нашей страны. В задачу империалистов мира входит подавление восстания в Северной Африке, разделение Китая, вторичное завоевание Азии и Индии.

Империалисты всех стран снова доказали всю живность своих миролюбивых утверждений. Наша социалистическая страна должна быть готова встать до последнего человека на защиту своего дела“.

— Не только газеты полны сообщений о военной обстановке, — сказал Бинней, — об этом сообщается по радио. Даже во время обиденного перерыва ораторы говорят рабочим о том же. За последние два дня только и говорить об этом. Женщины важут носки для армии, некоторые из них приходят в военную подготовку, дети в школах собирают ивдыки на постройку аэропланов в военный школы. Правительство пользуется страхом перед войною в качестве мощного агитационного средства.

Вечерние газеты принесли сообщение, еще более обострившее положение. Совнарком назначил Карахана главнокомандующим всеми сухопутными, морскими и воздушными силами республики. Его снабдили неограниченными полномочиями по приведению страны в обороноспособное состояние.

В газетах были помещены портреты нового главнокомандующего. Рядом с портретами красовались восторженные описания карьеры и подвигов нового военного диктатора. Карахана приветствовали как единственного человека, могущего оградить советскую страну от тибета.

Карахан принял новое звание без каких бы то ни было деклараций. В течение двух недель его штаб-квартира в Москве хранила молчание. В ней шла лихорадочная деятельность. На командных должностях красной армии произведены были перемены. Большинство старших командиров были заменены молодыми, прибывшими в Москву по вызову Карахана, командирами.

После того, как перемены в личном составе были завершены, Карахан заговорил.

Он подчеркнул, что вся ответственность за невыносимую и покой страны возложена на него, и заявил, что застал боевые силы страны в ужасном состоянии. В армии чувствуется недостаток боевого снаряжения. Политический климат, игравший не последнюю роль при назначении на командные посты, и связанная с этим протекция в сильной степени подорвали дисциплину.

Свое сообщение, сдланное непосредственно представителям газет, он закончил следующими словами:

— Страна возложила на меня руководство вооруженными силами и, облеченный ее доверием, я принял на себя заботы по реорганизации вооруженных сил и наемных ивтр, могущих обеспечить ста тридцати миллионам населения нашей страны незыблемый покой. Я не потеряю, чтобы ивштательство политиканов не мешало мне выполнить мой долг!

Массы приняли это заявление Карахана с восторгом. Что касается кругов правительства, то откровенное выступление Карахана вызвало множество нареканий. Слова Карахана были неприкрытым заявлением человека, стремившегося к диктатуре.

Совнарком в экстренном заседании занялся обсуждением вопроса, какие надлежит принять ивтры для поддержания своего авторитета и обуздания непокорного вожди армии.

Один из народных комиссаров Рудзутак резко выступил против Карахана и потребовал отстранения его от руководства армией. Рудзутак нашел поддержку в членах Совнаркома Смирнов, по Маликов, руководитель рабоче-крестьянской инспекции, оговорившись своими товарищами заявлением, что подобная ивтра была бы неосуществима, так как слишком поздно предпринимать что-либо против Карахана.

— Массы устали от политиканов. Мы испытываем серьезные затруднения в снабжении населения продовольствием, и цены растут непомерно, — сказал он. — Карахан сумел найти доступ к сознанию масс. Назначение Карахана главнокомандующим вдохнуло новую силу в уставшую страну. Любая попытка ограничить власть Карахана приведет лишь к тому, что население резко встанет на его сторону и легализирует его диктатуру. Приходится примириться со случившимся.

И на следующий день Совнарком сдлал следующие выводы.

Для часа спустя после выхода из печати номера „Известий“ с рвжой передовицей, клеймившей военного диктатора, население столицы собралось у здания газеты.

Неожиданно надъ шествіемъ вынырнули плакаты: „Долой политикановъ!“ Волтузы предали дѣло революціи!“ „Долой словъ — побольше дѣла!“

На площадяхъ возникали импровизированные митинги. Въ одномъ изъ оконъ второго этажа — тамъ, гдѣ помещалась редакция „Извѣстій“, появился какой-то человекъ и попытался произнести рѣчь въ защиту дѣйствій Совваркома. Въ отвѣтъ понеслись возгласы „Долой!“ и камни. Возбужденная толпа стала ломиться въ зданіе.

Въ то же время на другомъ концѣ площади послышались восторженные возгласы. Къ зданію „Извѣстій“ приближался конный разъѣздъ, во главѣ котораго скакалъ молодой командиръ. Порываясь къ толпѣ, онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Товарищи! Я обращаюсь къ вамъ отъ имени Красной Арміи. Армія, раскинувшаяся отъ Финскаго залива до озера Ошкони, присутствуетъ своего новаго вождя. Подъ его руководствомъ мы не отдадимъ вашихъ завоеваній! Отъ имени товарища Карахана призываю васъ разойтись по домамъ и возвратиться къ мирному труду. Товарищъ Караханъ обѣщаетъ, что впредь „Извѣстія“ будутъ печатать только то, что соответствуетъ воли страны. Да здравствуетъ товарищъ Караханъ!

Площадь огласилась бурными возгласами.

Двумя часами позднѣе на улицахъ Москвы продавался экстренный выпускъ „Извѣстій“. Въ передовицѣ выражалось сожалѣніе по поводу напечатанной по ошибкѣ утренней передовицы и сообщалось о полной сибѣ состава редакціи, допустившей эту оплошность.

Открытъ въ редакціи „Извѣстій“ сидѣли люди Карахана. Въ теченіе послѣдующихъ недѣль, затраченныхъ Караханомъ на захватъ всѣхъ вѣдомствъ своимъ надежными людьми, а ежедневно отсылалъ въ Америку подробныя сообщенія о происходившемъ.

По приказу Карахана, гарнизонъ Москвы былъ увеличенъ вдвое, и на улицахъ безпрестанно патрулировали вооруженные отряды.

Передъ заходомъ солнца у мавзолея Ленина на Крас-

ной площади происходила сибѣ Карахана. При церемоніи присутствовали Караханъ, приветствуемый восторженными толпами народа.

Воспоръ за сенсационными переѣздами въ Советской Россіи послѣдовала новая сенсация въ Америкѣ. Палаты приняли билль Лемпсона, и Филиппинскія острова были дарованы полная независимость.

Этотъ актъ повлекъ большія стратегическія послѣдствія. Азіатская эскадра американскаго флота вынуждена была очистить стоянку на Манилѣ и перенести ее въ Гонконгъ. Тихо-океанская проблема вступила въ новую стадію. Западная граница океана была отодвинута назадъ на большое разстояніе.

Затѣмъ послѣдовали еще болѣе значительныя событія.

Возвращеніе японской делегаціи въ Токио послало сигналъ къ огромнымъ демонстраціямъ, направленнымъ противъ династій, военной партіи и правительства.

Демонстраціи эти были организованы японской рабоче-крестьянской партіей и японскимъ комсомоломъ.

Газетные корреспонденты въ Токио были вынуждены неожиданнымъ введеніемъ цензуры къ молчанію, и я получалъ порученія срочно выяснять положеніе вещей въ Японіи.

Со времени роспуска японскихъ коммунистическихъ организацій, послѣдовавшаго въ 1928 году, японскіе коммунисты перешли на нелегальное положеніе. Несмотря на всѣ мѣропріятія полиціи, пытавшейся ликвидировать ихъ дѣятельность, имъ удалось создать сильную подпольную организацію, распространившую свое вліяніе по всей странѣ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число членовъ японской коммунистической партіи увеличилось на сотни тысячъ. Вліяніе партіи возросло настолько, что въ каждой японской части японской арміи и на каждомъ военномъ кораблѣ была своя ячейка.

Объединеніе Китая привело къ утратѣ Японіей всѣхъ вліяній въ Манчуріи, въ Джа-Ли и въ Шаньдунѣ. Въ свою очередь подобное суженіе дѣятельности Японіи привело къ большому экономическому кризису. Какъ всегда въ

таких случаях, всё тиготы кризиса прежде всего легли на необеспеченные слои населения.

Коммунистическая агитация Москвы умело использовала эту обстановку.

Тысячи студентов объединились с рабочими и вышли на улицу Токио. 3 октября 1932 года демонстрации эти вылились в вооруженные столкновения демонстрантов с императорской гвардией.

Объ отдельных деталях этих столкновений и исходе крупного боя мир узнавал главным образом из московской информации, — в Москве население, по примеру Карахана, шумно манифестировало, провозглашая освобождение трудящихся Японии от монархической тирании.

Ораторы Коминтерна открыто хвастались тем, что огромное количество огнестрельного оружия, пистолетов, ручных гранат и прочего, неожиданно оказавшееся в распоряжении демонстрантов, попало в Японию из арсенала, учрежденного Караханом и т.д. тому назад в Забайкалье.

Поворотным моментом событий в Токио явился переход второго и третьего гвардейских полков на сторону возставших. Император Хирохито со своей семьей и приближенными вынужден был искать спасения в бегстве на аэроплане. В течение трех дней не было никаких известий о месте его нахождения.

Впоследствии выяснилось, что император собрался свистнуть в Йокотаме, месте стоянки японского флота, но затем ему пришлось изменить свой план, потому что радио сообщило, что флот также перешел на сторону кризисных.

Неделей спустя один из пароходов „Америка-Деларз-Лайн“ доставлял низложенного императора в Маньчжу.

В Токио под председательством Ката Ямата образовалось рабоче-крестьянское правительство. Одному из полководцев японской армии, в свое время вынужденному выйти в отставку из-за отказа привести в исполнение смертный приговор, вынесенный одному из своих сол-

дат, уличенному в коммунистической пропаганде, было предложено занять пост военного министра. В состав армии вошли отряды вооруженных рабочих.

За эти события последовала шестинедельная кровавая расправа с приверженцами старого режима, с министрами, высшими чиновниками, депутатами парламента.

Москва немедленно же признала новое японское правительство, и Карахан поздравил японское верховное командование с благополучным исходом революции и выразил пожелание, чтобы японскому оружию и впредь сопутствовала удача.

Несмотря на происшедший в Токио переворот, ряд провинциальных городов все еще продолжал оставаться во власти японских „реакционеров“.

Октябрь 1932 года явился для Сиды и для меня горячим месяцем. Лучшим источником информации обо всем, что происходило на востоке, являлся Коминтерн. Советское посольство, в силу своих личных связей с японскими революционерами, имело возможность непрерывно сообщать по телеграфу с Москвой и сообщать все подробности происходивших в Японии событий.

Как-то, воспользовавшись перегрузкой телеграфа правительственными сообщениями, я добился разрешения послать Сиду с моими корреспонденциями в Ригу. Мощный аэроплан Сиды совершил этот тысячекilометровый перелет в пять часов, и я был первым, кто сумел сообщить миру о взятии в плен и казни японского губернатора в Корею.

Виней возвратился в Москву через два дня и привез нам телеграмму из нашей редакции в Чикаго. Телеграмма гласила, что мы за мой „мировой рекорд скорости газетной информации“ преподносим награду из разбитых тысяч долларов. Я по-братски разделил этот дар небес между мной и Сидом, и мы ринулись вечером отпраздновать наш успех.

Мы отправились в кафе „Монблан“, самое изысканное ночное кафе Москвы. Выпал спать, и в кафе было тепло и уютно. Изъяснившийся на французском языке

лакей проворно взял у нас червонец и предоставил нам столный поблизости от эстрады.

Кафе было наполнено интернациональной публикой. Рядом с европейцами сидели бранные представители восточных народов. Среди них были и молодые девушки. Русские девушки в большинстве своем одивались по парижской моде, что не мешало, однако, некоторым из них носить на шее красивые галстуки, украшенные звачками комсомола.

В кафе вошли два маленьких японца — на руках у них было по красной повязке. Посетители кафе восторженно приветствовали вошедших.

За соседним с нами столиком сидела странная парочка: молодая девушка с коротко остриженными волосами и юноша с темными глазами и желтоватым цветом кожи. Парочка была одета по-европейски, пила чай с лимоном и молчала. Девушка внимательно следила за выступавшими танцорами; он не сводил глаз с ее лица.

— Эта девушка — инесса Советская республика, — сказал мне Синдзю, — она только что возвратилась с курса в Атлантик-Сити. Я не прочь познакомиться с нею. Хотел бы я знать, на каком языке она разговаривает. — Синдзю вынул рюмку водки и снова уставился на красавицу.

— Она похожа на обительницу Скандинавии, — заметил я.

— Къ сожалѣнію, я не владѣю ни однимъ изъ скандинавскихъ языковъ, — сказалъ Синдзю, — но быть можетъ она понимаетъ интернациональный языкъ.

И его взгляд встретился со взглядом девушки. Синдзю улыбнулся и блеснул зубами, словно спрашивая: „Хотите ли потанцевать“? Но девушка невозмутимо поглядывала на него и закурила папиросу.

Синдзю сконфуженно сказал:

— Вы видели, как она на меня посмотрела? Она может заморозить своим взглядом.

Чуть спустя, когда мы без остатка опорожнили бутылку водки, — появился в этом был главным образом Синдзю, — он несколько избавился от своего смущения и

продолжал поглядывать на „полярную красавицу“. Поведение Синдзю особого восторга у спутника девушки не вызвало.

Неожиданно разстроенное веселье было прервано боем, и вышедший на середину зала метр-д'отель заявил:

— Товарищи, в нашей среде находятся два героя мировой революции, товарищи Иши и Каруги. Эти товарищи приняли участие в победоносной борьбе у императорского дворца в Токио, причем один из них, капитан Каруги, получил ранение. Приветствуя их в городе, ставшем колыбелью революции, мы выражаем им свой восторг и просим принять эти цветы.

Под восторженный рев посетителей ресторана Каруги поднялся и, приняв цветы, выразил присутствующим благодарность за оказанную Японией поддержку в борьбе против монархии.

— Плечом к плечу пойдем мы с вами в борьбу за освобождение всего мира из-под капиталистического ига. Россия и Япония — единственные страны в мире, в которых цвет кожи и расовые различия не служат ни для кого препятствием. Все мы, вне зависимости от того, какого цвета наша кожа, — равны, и в жилах наших течет одна и та же кровь. Эти цветы я принимаю в знак существующего между нашими странами союза. И принимая эти цветы, я позволяю себе вручить их здесь присутствующей девушке, наиболее полно воплотившей в себя идеал красоты вашей страны.

И с этими словами он положил букет перед нашей соседкой.

Публика бурно аплодировала поступку японца, а девушка покраснела и смущенно улыбнулась. Но не так реагировать на поступок японца ее спутник. Он вскочил, лицо его покраснело гитом и, схватив букет, он швырнул его с размаху в лицо изумленному японцу.

Вокруг нас раздался грохот, — вседу полетели на пол опрокинутые столы и стулья, послышался громкий разбиваемый подрезки посуды; все, находившиеся в ресторане, вскочили на ноги и бросились к виновникам разгрома.

шейся сцены. Девушка также вскочила съ мѣста и, что-то крича, своему спутнику на незнакомомъ намъ языкѣ, направилась къ выходу. Въ ресторанѣ завязалась свалка.

Спутникъ девушки повалилъ Каруги на землю и, долго увернувшись отъ напавшаго на него исполннн, подставилъ послѣднему подножку. При паденіи исполнилъ задѣлъ дѣвуху и та упала на полъ.

— За мной! — вскричалъ Спидъ и бросился въ гущу человѣческихъ тѣлъ. Я инстинктивно послѣдовалъ за нимъ. Въ то мгновеніе, когда мы поровнялись съ девушкой, въ ресторанѣ неожиданно погасли огни.

— Воссъ, гдѣ мы? — раздался рядомъ со мною голосъ Спиды.

— Здѣсь, — проревѣлъ я въ отвѣтъ.

— Она здѣсь!..

И мы принялись прочищать въ темнотѣ путь къ выходу. По пути намъ попадались опрокинутые стулья, посуда, какіе-то люди. Вокругъ насъ раздавались стоны, вопли, угрозы.

Наконецъ, намъ удалось выбраться къ стѣнѣ, и мы пошли вдоль нея. Спидъ шелъ впереди, а я слѣдовалъ за нимъ. По пути намъ приходилось преодолевать рядъ препятствій. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за ногу, но ударомъ ноги мнѣ удалось высвободиться.

— Вотъ дверь, — прогремѣлъ Спидъ. — Скорѣй сюда!

Мы протиснулись сквозь узенькую дверь. Вокругъ насъ царилъ иракъ. Мы счастливо выбрались изъ общей свалки и теперь находились на небольшомъ дворѣ, утопая по щиколотки въ таломъ снѣгу.

— Славная исторія, — сказали Спидъ. — Быть можетъ, вы будете столь любезны и спросите малютку на французскомъ или какомъ-нибудь другомъ языкѣ, куда можно было бы теперь пойти потяпцовать. Я давно собираюсь пригласить ее на танецъ.

Въ отвѣтъ рядомъ съ нами раздался звонкій хохотъ.

— Вамъ нечего прибѣгать къ французскому языку. Мнѣ кажется, я смогу васъ понять, если вы будете говорить медленнѣе. — Дѣвушка безупречно владела англійскимъ

языкомъ. Голосъ ея звучалъ необыкновенно пріятно и въ немъ все еще слышались нотки смѣха.

— Господи!.. — вырвалось у пораженного Спиды.

— Подождите, я сейчасъ зашью спичку, — сказалъ я.

— Прошу васъ не дѣлайте этого, — возмолвила дѣвушка, и я почувствовалъ, какъ она коснулась моей руки. Мнѣ показалось, что она тѣснѣе прижалась ко мнѣ, словно пыталась укрыться отъ надвигавшейся на нее опасности.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте-ка на улицу, — предложилъ Спидъ. — Будь мы въ Санъ-Луи, полиція давно бы вышлась во все это дѣло.

— Я боюсь, что не смогу сопровождать васъ, какъ бы мнѣ этого ни хотѣлось, — воскликнула дѣвушка.

— Быть можетъ, вамъ угодно, чтобы мы васъ отвели обратно? — спросилъ Спидъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого мнѣ не хочется.

— Тогда чего же, чортъ побери, вы...

— Право мнѣ очень совѣстно признаться въ этомъ, но прежде всего я хотѣла бы получить какое-нибудь пальто. По совѣсти говоря, я нуждаюсь не только въ пальто, но и въ какомъ-нибудь платьѣ. Свое платье я потеряла во время свалки. Здѣсь въ темнотѣ я не ощущаю его отсутствія, но мнѣ не хотѣлось бы показываться въ такомъ видѣ на людяхъ. Вамъ вѣдь это понятно?

— Честное слово, я думала, такіа исторія могутъ быть только во снѣ! — вырвалось у Спиды. — Вотъ вамъ мой пиджакъ, — пусть онъ послужитъ вамъ фартукомъ. Повяжитее ннъ...

— Не особенно надежная одежда, но все же частично прикрываетъ, — вырвалось у дѣвушки.

Я оставилъ ихъ въ темнотѣ, а самъ поспѣшилъ на улицу и остановилъ такси. Потомъ я подѣлился съ ними до отеля, подеждавъ, пока Спидъ сходилъ къ себѣ за длиннымъ дорожнымъ плащомъ, и мы поднялись наверхъ.

Пока дѣвушка находилась въ комнатѣ Спиды и приводила себя въ порядокъ, Спидъ занялся самоваромъ. Вскорѣ появилась и дѣвушка — теперь на ней были сѣрые спортивные шаровары Спиды и свѣтло-синяя фуфайка. Засу-

путь руки въ карманы, она направилась къ креслу и, усѣвшись въ него, закурила папиросу.

— Леди Годива, какъ васъ зовутъ? — осведомился Спидъ.

— Серъ Вальтеръ, развѣ это вамъ не безразлично? — отвѣтила она улыбаясь. — Не забывайте о томъ, что я теперь мужчина.

Я обратилъ ея вниманіе на то, что въ Москвѣ иностранцы находятся подъ непрерывнымъ наблюдениемъ, и поэтому рекомендовалъ ей рассказать о себѣ ровно столько, сколько она считала необходимымъ сообщить намъ.

Она взяла пачку бумагъ и карандашъ и по мѣрѣ того, какъ говорила, заносила сказанное на бумагу:

— Имя? Марго. Фамилія? Дениссонъ. — Адресъ? Софійка 24, третій этажъ, у Ишвиныхъ. Профессія? Машинистка. Занятія? Безработная. Последнее мѣсто службъ? Британская Платиновая Компанія. Уволена три дня тому назадъ.

Причина увольненія? — Заподозрѣна въ томъ, что выдала коммерческія тайны фирмы совѣтскому комиссариату торговли. Короче говоря: заподозрѣна въ шпионажѣ въ пользу красныхъ. Национальность? Англичанка. Остальное васъ, должно быть, не интересуетъ. —

Мы бесѣдовали съ дѣвушкой до поздней ночи. Въ нашей новой знакомой было много своеобразнаго, отъ нея вѣяло спокойствіемъ и сознаніемъ своего достоинства, — она мнѣ понравилась. Она отлично разбиралась въ происходящихъ событіяхъ и знала о нихъ больше, чѣмъ обычно знаетъ двадцатитрехлѣтняя дѣвушка. Въ Москву она пріѣхала заинтересованная социальными экспериментами, производившимися въ совѣтской странѣ.

По своимъ взглядамъ, она симпатизировала культурнымъ и созидательнымъ начинаніямъ московской власти, но ни въ какой степени не раздѣляла дѣятельности Компартии, стремившагося къ мировой революціи.

На мой вопросъ, имѣлись ли у направленныхъ противъ нея подозрѣній какія-нибудь основанія, она отвѣтила отрицательно, и я повѣрилъ въ правдивость ея отвѣта. Ея по-

знанія въ русскомъ языкѣ могли пригодиться мнѣ, и потому я условился съ нею, что она будетъ частъ два проводить у меня и знакомить меня съ содержаніемъ русскихъ газетъ.

Винней отвезъ ее домой, и я легъ спать.

На слѣдующее утро меня вызвали въ Московское ГПУ. Очутившись въ кабинетѣ товарища Зурова, просланившагося своей жестокостью, и глядя въ его сѣрые глаза, я мысленно сталъ сожалѣть о томъ, что у меня имѣется воздушный курьеръ, секретарша-англичанка и что я такъ неосторожно впутался нахвостъ въ свалку въ ресторанахъ.

— Вы знаете, что у насъ контръ-революція, шпионажъ и тому подобное карается смертью? — спросилъ меня Зуровъ.

Я кивнулъ головой.

— Въ числѣ арестованныхъ у насъ есть одинъ изъ вашихъ земляковъ, — продолжалъ Зуровъ, не сводя съ меня глазъ. — Мы хотимъ установить, что вамъ извѣстно о немъ.

— О комъ идетъ рѣчь?

— Я говорю о мѣкоемъ Уитней Адамсѣ Доджѣ, утверждающемъ, что онъ — житель Востона.

— Я что-то не помню о такомъ имени, — медленно отвѣтилъ я.

— У насъ есть основанія подозрѣвать въ немъ англійскаго агента. Онъ признался, что служилъ въ Египтѣ въ рядахъ англійской арміи. Мы знаемъ, что онъ пробрался черезъ передовыя позиціи и, явившись къ командиру египетской красной арміи, назвалъ американскимъ журналистомъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ наши агенты слѣдятъ за нимъ и были свидѣтелями его путешествія по Абиссиніи, Турціи и Арменіи. Мѣсяцъ тому назадъ мы арестовали его въ Астрахани, обвинивъ его въ перездѣ на территорію совѣтской Россіи безъ визы. Съ тѣхъ поръ онъ числится у насъ подъ слѣдствіемъ. Что вы можете сообщить мнѣ о немъ?

— Ничего, — отвѣтилъ я совершенно искренне, почувствовавъ облегченіе. — Но это обстоятельство еще не

можеть служить уликой противъ него. Не могу же я знать всѣхъ сотрудниковъ американскихъ газетъ. Какъ онъ выглядитъ?

— Вы можете, если угодно, взглянуть на него, — отвѣтилъ Зуровъ и, нажавъ кнопку звонка, велѣлъ ввести арестованнаго.

Въ кабинетъ вошли двое солдатъ, веди съ собою какого-то юношу.

Лицо его поросло бородою. На немъ не было пиджака, и воротъ его рубашки защитнаго цвѣта былъ разстегнутъ. Сянія брюки, которыя ему приходилось поддерживать руками, были сильно запачканы. Ботинки его были безъ шнурковъ и на нихъ свисали ничѣмъ не придерживаемые носки.

Отсутствіе пояса, подтяжекъ и шнурковъ для ботинокъ показывало, что заключенному придавали особенное значеніе... ГПУ не хотѣли рисковать жизнью заключеннаго.

— Доджъ, — сказалъ Зуровъ, — если вы американецъ, то вы должны знать этого человѣка. Быть можетъ, вы убѣдите его въ томъ, что вы действительно являетесь его землякомъ, и объясните, почему вы попали въ СССР?

Получасовая бесѣда съ Доджемъ, проведенная въ присутствіи Зурова, окончательна убѣдила меня въ правдивости его словъ. Доджу было двадцать четыре года отъ роду, и большую часть своей жизни онъ провелъ за границей; его бостонскій акцентъ былъ совершенно естественнымъ.

Наша бесѣда закончилась тѣмъ, что я заверилъ Доджа, что сдѣлаю все возможное для того, чтобы добиться его освобожденія.

Онъ сердечно пожалъ мнѣ руку и снова удалился въ сопровожденіи конвоировъ.

— Скажите теперь чистосердечно свое мнѣніе, — сказалъ Зуровъ.

— Дѣло ясно, — отвѣтилъ я, — и, кажется, что мнѣ удастся убѣдить васъ въ этомъ въ теченіе десяти минутъ.

— Какимъ образомъ? — спросилъ Зуровъ.

— Предоставьте мнѣ возможность переговорить по те-

лефону съ нашимъ лондонскимъ представителемъ. Вы можете слушать нашъ разговоръ или потребовать стенографическій протоколъ нашей бесѣды.

Десятью минутами спустя я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ Джономъ Стиллсомъ, лондонскимъ представителемъ "Чикаго Трибюнъ".

— Я хорошо знаю Доджа, — сказалъ мнѣ Стиллсъ, — это старая семья, выселившаяся изъ Англіи. Онъ окончилъ университетъ въ Оксфордѣ, былъ отличнымъ спортсменомъ и принималъ участіе въ гребныхъ гонкахъ. Единственный недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ слишкомъ серьезенъ. Разумѣется, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ шпионажу. Готовъ поручиться за него.

— И я ручаюсь за него, — сказалъ я, вѣшая трубку. — Стиллсъ знаетъ всѣхъ сколько-нибудь примѣчательныхъ американцевъ, жившихъ въ Лондонѣ послѣдніе два десятилетия. Можете положить на его отзывъ.

На слѣдующій день Доджъ былъ выпущенъ на свободу. Онъ переселился въ отель "Савой" и отпраздновалъ свое освобожденіе, отпѣвая его горючей ванной.

Затѣмъ, заговоривъ со мною, онъ нещадно сталъ ругать русскихъ революціонеровъ и коммунистовъ, пока я не принужденъ былъ остановить его.

— Успокойтесь, Доджъ, и не болтайте лишняго. А не то вы снова попадете туда, откуда только что вышли. Я не одобряю ни теоріи, ни практики красныхъ, но я являюсь ихъ гостемъ и нахожусь въ ихъ странѣ. Соотвѣтственно съ тѣмъ я и долженъ себя вести. Я пріѣхалъ сюда въ качествѣ корреспондента-наблюдателя, а не въ качествѣ реформатора.

— Я очень сожалею, что такъ увлекся, — замѣтилъ Доджъ. — Впредь я буду сдерживать себя.

Мнѣ стало не по себѣ, и я искренне пожелалъ, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Москва въ тѣ времена, какъ это подтвердили вскорѣ разыгравшіяся событія, отнюдь не благопріятствовала излишней откровенности и болтовнѣ.

Въ июнѣ 1914 года сигналомъ къ войнѣ послужилъ выстрѣлъ въ Сараевѣ. Въ 1933 судьбы Европы и Азии тоже рѣшился выстрѣломъ.

2 ноября 1933 года былъ убитъ Іосифъ Сталинъ.

Слабоумный и худосочный еврейскій юноша, родители котораго проживали въ Польшѣ, выстрѣлилъ въ Сталина и убилъ диктатора, прозваннаго „сталынскимъ человекомъ“, въ рукахъ котораго находилась вся полнота политической власти СССР.

Сталинъ былъ убитъ въ десять часовъ утра на Красной площади, въ тотъ моментъ, когда онъ выѣзжалъ въ своемъ автомобилѣ изъ Кремля черезъ старыя Спасскія ворота. Пуля пробила оконное стекло и убилъ диктатора наповалъ. Со Сталинымъ ѣхалъ только одинъ человѣкъ, и молчаливый диктаторъ умеръ на рукахъ этого человѣка. Этимъ человекомъ былъ Иванъ Караханъ.

Уолтеръ Дюрантей, московскій корреспондентъ „Нью-Йоркъ-Таймс“, и я случайно находились въ моментъ покушенія на Сталина въ лавчонкѣ одного изъ букинистовъ, помѣщавшихся на Красной площади. Хотя мы и не слышали выстрѣла, но наше вниманіе привлекли обѣгавшіе со всѣхъ сторонъ люди, и мы последовали за ними.

Услышавъ о томъ, что случилось, я тутъ же возвратился въ лавку букиниста и позвонилъ по телефону въ свое бюро, поручивъ передать извѣстіе въ Чингачи какъ по телеграфу, такъ и по радио. Одновременно я поручилъ Марго Дениссонъ передать Спиду, чтобы онъ немедленно же вылетѣлъ въ Ригу съ подробными сообщеніемъ о случившемся. Въ этомъ сообщеніи я первый заговорилъ о томъ, что произошло, и о томъ доврѣи, которое питалъ къ Карахану покойный Сталинъ.

Лишь теперь стало ясно, что не кто иной, какъ Сталинъ, выдвинулъ Карахана на политическую арену и связалъ его чрезвычайными полномочіями. Сталинъ сдѣлалъ этотъ политическій ходъ для того, чтобы удалить изъ состава Политбюро приверженцевъ Троцкаго, продолжавшихъ

втихомолку работать въ пользу бывшаго начальника военныхъ силъ Совѣтовъ.

Сторонники Троцкаго въ составѣ Центрального Комитета слишкомъ поздно раскусили маневръ Сталина. Событія чуть не вызвали конфликта на національной почвѣ, потому что оба политическихъ противника принадлежали къ различнымъ расамъ, а большинство сторонниковъ Троцкаго, развившихъ сильное сопротивленіе противъ дѣйствій диктатора, были евреями.

Сталинъ убѣдилъ Карахана, что единственнымъ врагомъ, котораго ему слѣдовало опасаться, былъ Троцкій и его приверженцы-евреи въ составѣ Центрального Комитета.

Когда по Москвѣ распространилось извѣстіе о смерти Сталина, сразу же пополнились слухи, что убійство Сталина является дѣломъ рукъ евреевъ, организовавшихъ заговоръ для захвата власти въ Совѣтской республикѣ.

Тщетно пытались я получить каки-нибудь доказательства того, что убійство Сталина было дѣланіемъ определенной политической группы. Впослѣдствіи также не удалось установить какой-либо причастности Троцкаго и его сторонниковъ къ акту, совершившемуся втораго ноября.

Тѣмъ не менѣе возбуденіе московскаго населенія было настолько велико, что мало-мальски разсудительное и безпристрастное разслѣдованіе этого убійства было немислимо. Снова вынырнуло старое обвиненіе противъ евреевъ, и на сей разъ его использовалъ въ своихъ интересахъ Караханъ.

Въ день убійства Сталина на улицахъ Москвы были убиты дѣй тысячъ триста евреевъ. То былъ погромъ, изъ котораго страна не переживала со временъ тысяча девятьсотъ пятаго года.

На улицахъ происходили потрясающія сцены. Женщины и дѣти гибли подъ копытами сметающихъ все на своемъ пути конныхъ патрулей. Тщетно пытавшихся спасти евреевъ поднимали на штыки. Народъ громилъ еврейскія жилища и лавчонки.

Ежедневно я посылалъ въ Америку подробныя сообщенія о разыгравшихся въ Москвѣ ужасахъ. Сообщенія эти поднимали во всемъ мірѣ волну возмущенія. Къ удивленію про-

живающих в Москвѣ иностранных корреспондентовъ, московское правительство не приняло никакихъ мѣръ къ тому, чтобы извѣстія эти не проникли за границу, и мы безпрепятственно посылали наши сообщения, слѣдствіемъ которыхъ явилось то, что весь міръ цѣлкомъ ушелъ въ эту сторону событий и проглядѣлъ подготовленный Караханомъ въ Москвѣ переворотъ, выразившійся въ томъ, что отнынь вся полнота власти перешла къ Карахану, сосредоточившему гражданское управление въ рукахъ одного изъ ближайшихъ соратниковъ Сталина, Маликова, доселѣ возглавлявшаго комиссаріатъ рабоче-крестьянской инспекціи.

Караханъ сталъ преемникомъ Сталина и принялъ на себя обязанности несмѣняемаго генеральнаго секретаря центрального комитета партіи.

Маликовъ сталъ его замѣстителемъ и возглавлялъ Совнаркомъ.

Политбюро сосредоточивало въ себѣ дѣятельность всѣхъ краевыхъ комитетовъ партіи. При помощи своихъ людей, возглавлявшихъ краевыя организаціи, и опираясь на подчиненную ему военную силу, Караханъ цѣлкомъ перестроилъ правительственный аппаратъ Совѣтской республики.

Формально полнотой власти располагало все столичное десятимилионное населеніе страны; на самомъ же дѣлѣ вся власть принадлежала одному лицу, бывшему неограниченнымъ властелиномъ надъ страной въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣдній царь.

Мои сообщения по телеграфу и радио подробно описывали силы, на которыхъ опирался Сталинъ, и устанавливали, что и Москва и Ленинградъ были цѣлкомъ подчинены диктатору, и что только на югѣ Россіи — въ Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ — назрѣвала оппозиція противъ новаго властелина.

Но Караханъ отлично зналъ Украину, и тутъ же на югъ были переброшены вѣрные ему отряды, состоявшие изъ татаръ, казачковъ и башкировъ. Въ вызванныхъ окрестностяхъ городовъ было объявлено осадное положеніе.

Въ Кіевѣ дѣло дошло до трехдневныхъ уличныхъ боевъ. Въ Одессѣ беспорядки приняли еще болѣе ватажную форму.

Послѣ усмиренія этихъ городовъ были казнены три тысячи человекъ.

Непосредственно за военными частями Карахана слѣдовали маликовскіе агенты ГПУ, облеченные особыми полномочіями и создавшие въ занятыхъ городахъ чрезвычайные трибуналы, выносившіе смертные приговоры. Терроръ сопровождался публичными казнями.

Не прошло и десяти дней, какъ оппозиція была разгромлена и подавлена въ корнѣ.

Но Караханъ не склоненъ былъ перевести страну на мирное положеніе — съ этимъ слѣдовало повременить. Поэтому агитаторы Маликова и партійная печать стали усиленно распространять слѣднія объ обнаруженныхъ контр-революціонныхъ заговорахъ, и сотни лицъ, заподозренныхъ въ контр-революціонной дѣятельности, были арестованы. Одновременно, пользуясь тревожнымъ настроеніемъ, Караханъ призывалъ на военную службу два дополнительныхъ года.

Заслуга перваго сообщенія объ этой тайно проведенной мобилизаціи принадлежитъ Синду Биваеву. Онъ получилъ это извѣстіе отъ французкини, любовницы одного изъ чинловъ штаба красной арміи. Объ этой мобилизаціи не было опубликовано ни слова, и лишь очень ограниченный кругъ военныхъ былъ осведомленъ о ней.

Регулярная армія Совѣтскихъ республикъ насчитывала шестьсотъ тысячъ человекъ и ежегодно къ отбыванію воинской повинности привозилось пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ человекъ. И такое же количество обученныхъ солдатъ ежегодно уходило домой, зная, что имъ предстоитъ по первому призыву снова вернуться въ ряды арміи.

Мобилизація двухъ сроковъ призыва означала, что совѣтская армія увеличивается сразу на одинъ миллионъ сто тысячъ штыковъ, причемъ это увеличеніе проводилось за счетъ обученныхъ и подготовленныхъ къ войнѣ солдатъ. Такимъ образомъ красная армія сразу возрастала втрое и насчитывала одинъ миллионъ семьсотъ тысячъ человекъ.

Красная армія отнынь была самой многочисленной арміей въ мірѣ.

Какими последствием грозила эта мобилизация, миѣ стало ясно, когда я заглянулъ въ случайно попавшійся старый военный справочникъ за 1923 годъ и отыскалъ въ немъ на страницѣ эту таблицу сравнительныхъ военныхъ силъ, которыми могли располагать отдѣльныя страны.

Такиѣ я нашелъ слѣдующія свѣдѣнія:

<i>Съѣд. Американскіе Соединенные Штаты</i>	18.500.000 человекъ
<i>СССР</i>	14.000.000 "
<i>Германія</i>	8.700.000 "
<i>Великобританія</i>	8.346.549 "
<i>Франція</i>	6.000.000 "
<i>Италія</i>	5.321.649 "
<i>Польша</i>	2.744.372 "
<i>Юго-Славія</i>	2.152.000 "
<i>Чехо-Словакія</i>	2.104.700 "
<i>Румыніа</i>	1.600.000 "

Эти свѣдѣнія, хотѣ и имѣли нѣсколько давность и не соответствовали въ полной мѣрѣ современному положенію вещей, все же позволяли судить о соотношеніи арій, существовавшихъ между СССР и прочими европейскими государствами. Въ томъ же справочникѣ я нашелъ слѣдующую таблицу:

Страна	Населеніе	Регулярная армія	Обученн. резервы	Необучен. резервы	Общ. числ. арміи	Прог.
<i>СССР</i>	149.300.000	608.000	800.000	12.501.900	14.000.000	8,4
<i>Франція</i>	40.922.000	662.800	4.650.000	700.000	6.001.000	14,6
<i>Англія</i>	45.226.300	154.500	305.830	5.676.010	6.136.340	15,6
<i>Италія</i>	43.115.605	240.288	3.120.814	2.000.000	5.321.649	12,6
<i>Германія</i>	62.344.752	100.000	—	8.600.000	8.700.000	13,9
<i>Польша</i>	29.249.000	244.372	—	2.500.000	2.744.372	9,4
<i>Югославія</i>	12.017.323	117.000	2.075.000	—	2.192.000	18,2
<i>Румыніа</i>	17.394.000	226.400	—	1.343.500	1.600.000	9,2
<i>Чехо-Словакія</i>	13.613.172	120.000	1.509.700	474.000	2.104.700	15,5

Значеніе этой таблицы я изложилъ въ корреспонденціи объемомъ въ двѣ тысячи словъ и тутъ же отослалъ ее по радио.

Такъ какъ телеграфъ попрежнему былъ перегруженъ правительственными сообщеніями, у меня вошло въ обыкновеніе посылать концы наиболее важныхъ сообщеній воздушной почтой въ Ригу. Это сообщеніе я также отправилъ въ Ригу со Спидомъ, въ тотъ же часъ вылетѣвшимъ въ путь.

Я легъ спать съ пріятнымъ сознаніемъ, что миѣ удалось снова опередить моихъ коллегъ и создать сенсацию.

Но на слѣдующее утро миѣ суждено было проснуться въ неурочное время — въ шесть часовъ утра меня разбудилъ, неизвестно какъ попавшій ко миѣ въ номеръ, какой-то военный.

— Съ добрымъ утромъ, товарищъ Гиббонсъ, — сказалъ онъ миѣ, привѣтливо улыбаясь, — я полковникъ Бойеръ изъ штаба товарища Караханъ и миѣ поручено пригласить васъ на завтракъ къ нашему главнокомандующему.

Въ первые минуты я не могъ придти въ себя отъ неожиданности приглашенія, болѣе похожаго на приказъ, неурочнаго часа пробужденія и утренняго холода. Итакъ, мое заветное желаніе исполнилось — я не разъ пытался снова встрѣтиться съ Караханомъ, съ которымъ повѣжкомился еще въ 1921 году, но всѣ мои попытки вторично представиться ему терпѣли неудачу.

— Чудесно! — воскликнулъ я, высказывая изъ постели. — Черезъ нѣсколько минутъ я въ вашемъ распоряженіи.

— Бѣдите ли вы верхомъ? — осведомился у меня мой неурочный гость.

— Да.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ надѣньте рейтузы и сапоги. Можетъ быть, товарищъ Караханъ позываетъ васъ съ собою на утреннюю прогулку.

Быстро одѣвшись, я послѣдовалъ за Бойеромъ и поѣхалъ съ нимъ въ его штабномъ автомобилѣ. Въ холодное зимнее утро мы быстро проехали по Тверской, черезъ Триумфальную Арку у Врестского показавъ и затѣмъ повернули на широкое Ленинградское шоссе. Полковникъ Бойеръ вѣжливо предложилъ миѣ закурить и затѣмъ заговорилъ:

Для человека, никогда не бывшаго военнымъ, вы обладаете изумительными военными познаніями. Товарищъ Ка-

раханъ вчера ознакомился съ матеріаломъ о васъ и очень заинтересовался вами. Не менѣе заинтересованъ онъ былъ вашимъ вчерашнимъ сообщеніемъ о мобилизаціи.

— Мое сообщеніе соответствовало истинѣ? — осведомился я.

— Боюсь, что да, — отвѣтилъ улыбаясь Вейеръ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ суждено поднятъ въ Европѣ немалую шумиху, — самодовольно отыкнулъ я.

— О нѣтъ, — отвѣтилъ попрежнему улыбаясь Вейеръ, — ваше сообщеніе не достигнетъ своей цѣли. Боюсь, что миллионы вашихъ читателей на сей разъ будутъ лишены удовольствія читать ваше сообщеніе. Удовлетворитесь тѣмъ, что ваша корреспонденція заинтересовала генерала. Онъ тутъ же потребовалъ изъ редакціоннаго отдѣла имѣющійся о васъ матеріалъ, и результатомъ знакомства съ этимъ матеріаломъ явилось сегодняшнее приглашеніе на завтракъ.

Принятіе цензурою мѣръ къ тому, чтобы моя корреспонденція не получила огласки, подтверждало, что мобилизація была совершившимся фактомъ. Я позволялъ, что не только въ этомъ я оказался правъ, но и что мои предположенія о томъ, что мы стоимъ наканунѣ серьезныхъ событій, также правильны.

Одновременно я попытался утѣшиться мыслью, что Сиаду Баннею на своемъ двухмоторномъ напропантѣ удалось достичь Риги и передать мою корреспонденцію въ Америку. Однако я поостерегся выразить эту надежду вслухъ.

Мы остановились у кѣнда въ Петровскій рынокъ. Передъ Петровскимъ дворцомъ я увидѣлъ нѣсколько десятковъ осбданныхъ лошадей и вѣстовыхъ. Мы въвели въ мраморный вестибюль, въ которомъ находилась длинная лѣй изъ свиты Карахана, — большинство изъ нихъ, судя по ихъ цвѣту кожи, принадлежали къ восточнымъ народамъ.

Вейеръ отворилъ дверь, и я последовалъ за нимъ.

— Намъ придется подождать здѣсь пару минутъ и... — Онъ оборвалъ фразу на полусловѣ, занятый, что мы находились не одинъ въ этой комнатѣ.

У окна стояла какая-то фигура. Когда она повернулась къ намъ, я узналъ жену диктатора. Но какая въ Линѣ

Ларкинъ произошла перемѣна! Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее въ Москвѣ одиннадцать лѣтъ тому назадъ — тогда на лицѣ Линъ не было ни одной морщинки, не было и слѣда печали. Нынѣ выраженіе лица этой гордой и своеобразной прлданки совершенно измѣнилось. То не была прежняя Линъ Ларкинъ, добровольно утѣхавшая изъ Америки въ изгнаніе.

Я мысленно подвинулся происшедшей въ ней перемѣнѣ. Была ли эта перемѣна слѣдствіемъ любви и материнства, или же ея непреклонному духу пришлось столкнуться съ еще болѣе сильной волей? Не сломилъ ли ее человѣкъ, фамилію котораго она теперь носила?

Узнавъ меня, она грустно улыбнулась и протянула мнѣ руку:

— Встрѣча съ вами напоминаетъ мнѣ давно минувшія времена. Что-то повисло въ воздухѣ. Зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Вы ожидаете войны? — я обратившись къ Вейеру, желавшему представить насъ другъ другу, она добавила: — Это совершенно излишне, — мы знакомы со времени голоднаго года. Да, въ тѣ времена Москва была совсѣмъ нива.

— Вы правы, — согласился я съ нею, — но теперь жизнь въ Москвѣ значительно легче, — намъ не приходится дѣлаться послѣднимъ сухаремъ. Съ той поры много воды утекло, и мы теперь засѣдаете въ „Бѣломъ Домѣ“ Москвы и хороши, какъ прежде.

Лицо ея нѣсколько прояснилось, и она замѣтила:

— Я счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Я жена великаго человѣка и на мою долю выпало счастье сопутствовать ему въ годы его возвышенія. У меня трое прелестныхъ дѣтей, и я смѣю надѣяться, что все то, о чемъ я говорила нѣкогда на митингахъ въ Америкѣ, нынѣ осуществится.

Эти нѣсколько патетическихъ слова показались мнѣ не совсѣмъ искренними, и я не повѣрилъ въ счастье госпожи Караханъ.

— Я вижу, что вы собираетесь сегодня съ нимъ на прогулку, — продолжала она. — Давно, давно мнѣ не приходилось выѣзжать съ нимъ. Теперь мнѣ приходится большую часть времени проводить дома у дѣтей. Но сегодня я

хочу приготовить ему скрипач и поехать с ним на утреннюю прогулку. Собственно, мнѣ здѣсь — въ его штабъ-квартирѣ, дѣлать нечего, но я хотѣла ему показать мой новый костюмъ для верховой ѣзды. Онъ спитъ по моему вкусу. Какъ онъ вамъ нравится? Считаете ли вы, что онъ соответствуетъ моему положенію жены гвардіе-командующаго?

Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на ея вопросъ, открылась дверь и въ комнату вошелъ одинъ изъ адъютантовъ и что-то шепнулъ моему спутнику.

Мы встали. Линъ сказала:

— Я позволю себѣ удовольствіе лично представить васъ моему мужу, — и мы вдвоемъ направились въ сосѣдній залъ.

Караханъ находился въ немъ въ одиночествѣ и стоялъ у камина. Его коротко стриженные черные волосы придавали лицу выраженіе жесткости. Голова его была чуть наклонена впередъ, а тонкій ротъ сжатъ. Онъ стоялъ спиной къ камину, развернувъ плечи и заложивъ руки за спину.

Линъ Ларкинъ остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и взглянула на своего мужа. Послѣдній перевелъ на нее свой пылающій взглядъ и не подалъ вѣду, что узнаетъ ее или хочетъ приветствовать ее. Наступило длительное и тягостное молчаніе.

— Дорогой мой, — попыталась нарушить это молчаніе Линъ, — какъ тебѣ нравится... я думала... позволю мнѣ представить тебѣ моего старого товарища... можетъ быть, мы тебѣ помѣшали? ты занятъ?

Лицо Карахана оставалось попрежнему неподвижнымъ. Огненные глаза его продолжали впиваться въ лицо стоявшей передъ нимъ блондинки. Я почувствовалъ ея смущеніе, и мнѣ стало жаль ее. Молчаніе становилось мучительнымъ.

— Немедленно ступай домой, — наконецъ-то раздался его голосъ. Англійскія слова съ шипѣніемъ слетали со сжатыхъ губъ Карахана. — Дѣти ждутъ тебя. И сними съ себя этотъ шутовской нарядъ, прежде чѣмъ ты покажешься имъ. Въ моей семьѣ штаны носятъ только мужчины.

Линъ, ни слова не говоря, повернулась и поспѣшила уйти. Она избѣгала встрѣчи съ моимъ взглядомъ, но я замѣтилъ, что губы ея дрожали. Неужели это была та самая своеобразная и строптивая Линъ Ларкинъ, которую я знавалъ въ Востонѣ и въ Нью-Йоркѣ? Неужели то была та самая Линъ Ларкинъ, призывавшая рабочихъ къ восстанію и проповѣдывавшая мировую революцію и терроръ?

Войеръ и я молча созерцали эту тягостную сцену. Казалось, Караханъ не замѣтилъ насъ. Линъ послѣ того, какъ дверь захлопнулась за его женою, онъ повернулся ко мнѣ, и его глаза пристально осматривали меня съ головы до пятъ.

Казалось, онъ изучаетъ меня, и хоть этотъ осмотръ длился всего лишь нѣсколько секундъ, онъ показались мнѣ вѣчною. Потомъ онъ небрежно кивнулъ мнѣ головой.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, и голосъ его звучалъ чуть привѣтливѣе, чѣмъ тогда, когда онъ говорилъ со своей женою. — Мы пьемъ чай и черезъ десять минутъ пустимся въ путь. Послѣ прогулки вы сможете позавтракать.

Онъ говорилъ по-англійски съ легкимъ американскимъ акцентомъ, унаследованнымъ отъ Линъ, бывшей его учительницей.

Стоя у камина, мы выпили нѣсколько стакановъ чая. Тщетно пытался я заговорить о своихъ корреспонденціяхъ и объявленной мобилизаціи — полковникъ Войеръ безпрестанно говорилъ о погодѣ, лошадяхъ и различныхъ пустякахъ. Караханъ продолжалъ молчать.

Послѣ чая онъ направился къ выходу, и мы последовали за нимъ. Очутившись на дворѣ, онъ указалъ мнѣ на лошадь, стоявшую рядомъ съ его лошадью. Мы вскочили въ сѣдло и въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ поехали на прогулку. Я сказалъ слѣва отъ Карахана; по другую сторону скакалъ Войеръ.

— Какъ обстояли дѣла въ Сѣверной Африкѣ въ моментъ вашего послѣдняго тамъ пребыванія? — спросилъ меня Караханъ.

Я краткѣ изложилъ ему мои впечатлѣнія о томъ, что мнѣ суждено было увидѣть во французской, испанской и

английских армий Африки, и постарался перевести разговор на интересовавшую меня тему:

— Ни одна из европейских держав не располагает армией, которая была бы столь же сильна, как ваша армия, имеющаяся в данное время в вашем распоряжении, или которая будет иметься в вашем распоряжении, после проведения мобилизации.

— Чем войска в Северной Африке, по вашему, наиболее дисциплинированы? — спросил меня Караханъ, не обратив внимания на мою уловку и не удостаивая меня взглядомъ.

Я ответилъ ему, что по моему мнению наиболее дисциплинированы и боеспособны фашистские отряды Муссолини, находящиеся в лучшемъ состоянии, чемъ ихъ французские, английские и испанские соседи по фронту.

— Правда ли то, что французы и итальянцы применяют для переброски силъ на фронтъ большие самолеты? — продолжалъ онъ спрашивать безразличнымъ тономъ.

Я ответилъ ему, что это действительно такъ, и что я объ этомъ не разъ писалъ въ своихъ корреспонденцияхъ. Онъ помолчалъ мгновение, а потомъ переключилъ тему беседы.

— Какого вы мнения о румынской армии?

— Не особенно высокого, — ответилъ я. Я ожидалъ, что онъ улыбнется, но лицо его осталось попрежнему безразличнымъ. Онъ ускорилъ лишь бѣгъ своего коня, и Вейеръ и я последовали его примеру.

— Вамъ приходилось встречаться съ Пилсудскимъ? — спросилъ онъ, и по тону его вопроса я понялъ, что онъ достаточно полно осведомленъ обо всемъ, что касалось меня. Мне оставалось лишь со всей откровенностью заговорить о своемъ прошломъ.

— Да, я встретился сь нимъ въ 1921 году во время войны противъ насъ. Мы тогда застали нисъ пробѣжать немалое расстояние. Отъ Кіева до Варшавы. Около Вресь-Литовска я чуть было не попалъ въ пѣту.

Наша своеобразная бесѣда длилась цѣлый часъ. Мы продолжали носиться по дорогамъ и полямъ, и я долженъ

былъ признать, что подобное интервью было очень утомительнымъ. Караханъ продолжалъ задавать мнѣ рядъ вопросовъ военного характера. Его интересовало состояние дорогъ, авіація, артиллерія европейскихъ державъ, настроеніе населенія, воинскій духъ армій, характеристики отдельныхъ военачальниковъ, короче говоря все, что я могъ ему сообщать.

Возвратившись въ Петровский дворецъ, онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Проходя черезъ вестибюль, онъ небрежно откликнулъ на привѣтствіе своего штаба и, казалось, цѣлкою ушелъ въ разрѣшеніе какой-то проблемы. О чемъ онъ размышлялъ, оставалось для меня тайной.

Вейеръ и я последовали за нимъ въ его рабочій кабинетъ. На сей разъ онъ предложилъ намъ сѣсть. Минуту мы помолчали. Онъ не сводилъ съ меня пристального взгляда. Потомъ онъ заговорилъ:

— Я принялъ рѣшеніе. Вы останетесь у меня, — или вѣрнѣе, вы останетесь въ Москвѣ. Вы слишкомъ хорошо осведомлены въ военныхъ дѣлахъ, чтобы я могъ вамъ позволить безпрепятственно передвигаться по странѣ. Отосланная вами вчера корреспонденція могла бы повредить моимъ планамъ, и поэтому она была задержана. Я не желаю возбуждать беспокойство среди моихъ сосѣдей. Ваши предположенія и расчеты соответствуютъ действительности. Я предпочитаю имѣть дѣло съ разумными людьми, хотя бы они и являлись моими врагами. Вамъ не будетъ дано возможности переслать ваше вчерашнее сообщеніе въ вашу страну, и вы будете лишены права свободного передвиженія по СССР. Я полагаю, что въ той же мѣрѣ вы и ваша газета будете заинтересованы въ томъ, что вамъ будетъ предоставлена возможность находиться при мнѣ: поэтому я надѣюсь, что вы останетесь здѣсь по доброй волѣ. Въ информационномъ матеріалѣ о васъ я нашелъ письмо къ вамъ генерала Першинга. Онъ писалъ вамъ:

„Вы всегда были мужественны и честны, и я привожу вамъ свою благодарность.“ Першингъ никогда не бросался словами. Поэтому, я надѣюсь, что могу вамъ довериться и предоставляю вамъ выборъ — угодно вамъ быть аресто-

панимать, или вы дадите мнѣ свое честное слово? Въ послѣднемъ случаѣ вы будете оставлены подъ надзоромъ Вейера, что отнюдь не означаетъ для васъ какихъ-либо лишеній. Разумѣется, этотъ надзоръ будетъ распространенъ и на ваше бюро, и на вашу секретаршу, и на летчика. Полагаю, что въ моихъ условіяхъ вѣтъ ничего обременительнаго для васъ — я думаю, что ваше пребываніе здѣсь будетъ не лишено для васъ и для вашей газеты интереса. Если вы дадите мнѣ слово, что не будете пытаться посылать за границу сообщеній, минуя нашу цензуру, то вамъ будетъ предоставлена возможность всюду бывать и въ первую очередь получать всю информацию. Однако ваши корреспонденціи не должны содержать ничего, что могло бы повредить нашимъ военнымъ интересамъ. Я не ставлю отъ васъ требовать, чтобы вы подтасовывали какіе-нибудь факты, также я не собираюсь использовать ваше пребываніе въ Москвѣ въ своихъ агитаціонныхъ цѣляхъ. Я въ этомъ не нуждаюсь.

Онъ замолчалъ, и я спросилъ его, будетъ ли мнѣ разрѣшено сообщить о томъ, въ какомъ положеніи я очутился, въ редакцію своей газеты.

— Если вы мнѣ дадите свое честное слово, то я предоставляю вамъ эту возможность.

— Могу ли я вамъ дать честное слово на время, — впрямь до полученія отвѣта отъ моей редакціи?

Онъ помолчалъ мгновеніе, а потомъ добавилъ:

— Разумѣется. Но при условіи, что ваше сообщеніе редакціи будетъ просмотрѣно Вейеромъ.

Караханъ поднялся, и мы съ Вейеромъ послѣдовали его примѣру.

— Завтра утромъ послѣ полученія отвѣта я снова увижу васъ, — сказалъ Караханъ, и мы направились къ выходу.

Вейеръ проводилъ меня обратно въ Москву. Врядъ ли можно было пожелать себѣ болѣе пріятнаго и необременительнаго тюремника, чѣмъ Вейеръ. Онъ былъ очень добродушенъ и особаго значенія возложеннымъ на него обязанностямъ не придавалъ.

Возвратившись къ себѣ въ отель, я замѣтилъ, что у

дверей моей комнаты стояли двое часовыхъ. По знаку Вейера, они отошли въ сторону, и мы вошли въ комнату. Въ комнатѣ оказалось еще двое часовыхъ. Уйти Доджъ и Марго Дениссонъ сидѣли на диванѣ передъ каминомъ.

— Что случилось? — спросилъ Доджъ, увидѣвъ меня. — Я собрался навѣстить васъ, и пока я разговаривалъ съ вашей секретаршей, сюда вошли военные и объявили намъ, что мы арестованы. Надѣюсь, это не находится ни въ какой связи съ вашимъ заступничествомъ за меня въ ГПУ?

— Это не имѣетъ къ намъ никакого отношенія, — поспѣшилъ я зафривольничать Доджа, — всего лишь маленький конфликтъ съ цензурой. Миссъ Марго, берегите наши редакціонныя тайны, не забывайте, что мистеръ Доджъ нашъ конкурентъ.

— Наши редакціонныя дѣла въ порядкѣ, — отвѣтила дѣвушка, — за исключеніемъ одного. Отъ Спиды вѣтъ никакихъ извѣстій.

Впервые я слышалъ, чтобы Марго называла Спиду по имени, и мнѣ почудилось, что въ ея голосѣ звучало опасеніе за его судьбу. Очень возможно, что знала, какое значеніе имѣло сообщеніе, которое онъ везъ, онъ рискнулъ на какую-нибудь головоломную авантюру, лишь бы добиться цѣли.

— Если рѣчь идетъ о нашемъ пилотѣ мистерѣ Бяйнефъ, — замѣтилъ Вейеръ, прочтя какое-то донесеніе, врученное ему однимъ изъ военныхъ, — то я могу сообщить, что онъ сидитъ подъ арестомъ на аэродромѣ.

Вейеръ направился къ телефону и долго о чемъ-то бесѣдовалъ на русскомъ языкѣ. Очевидно, разговоръ забавлялъ его, потому что поминутно онъ разражался вскриками хохота. Затѣмъ, повѣсивъ трубку, онъ сказалъ:

— Товарищъ Гиббонсъ, вашъ молодой пилотъ основательно поработалъ кулаками, но все же ему пришлось убѣдиться, что одному со всей нашей арміей не справиться. Наша воздушная развѣдка обнаружила его аэропланъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ направлялся къ пограничной станціи Себежъ, пытался перелетѣть границу, вопреки установленнымъ на сей предметъ правиламъ. Его заставили

спинаться и арестовали. При этом он оказал ожесточенное сопротивление. Ночным поездом его доставили в Москву, и, если вам угодно, я распоряжусь, чтобы его доставили сюда.

— Надюсь, он не ранен? — спросила, обезпокоившись, Марго.

— Ого! — воскликнул Бойер и многозначительно улыбнулся девушке. — Прелестная дама заинтересована не на шутку судьбой своего заоблачного рыцаря. Смѣю заявить прелестную даму, что он не пострадал, — но нашим авиаторам он нанес ряд ушибов, и надо позаботиться, что они при первом удобном случае рассчитаются с ним.

— Надюсь, вы его не упрчете в ГПУ, — заметил Додж.

Полчаса спустя к нам явился Сидъ, сопровождаемый двумя конвоирами. Увидев его, мы громко расхохотались. Один из глаз его был сильно подбит и отливало всеми цветами радуги.

Пока Додж завтракал, а Сидъ переодевался, я составил телеграмму, адресованную моей редакции. В телеграмме этой излагалось предложение Карахана и запрашивалось, как поступить в этом случае.

Бойер наложил на телеграмму свою визу, и она была отправлена с одним из караульных солдат на телеграф. Затѣм мы сѣли за стол и плотно позавтракали. Пиршество наше возглавлялось попрежнему настроенным на добродушный лад Бойером.

Винней за завтраком рассказал о своей стычке с летчиками и о том, как его арестовали. Бойер предложил тост за наше здоровье, и мы провели весь день в легкой бесѣдѣ, ожидая ответа из Чикаго.

Поздно ночью я получил телеграмму. Ея содержание гласило:

„Срочно.

1 ноября 1932 года

Из Чикаго.

Гиббонсу Москва.

Дайте слово останьтесь у Карахана точка Ежедневно телеграфируйте о событиях точка Огромный интерес во всем мире

Чикаго Трибюн“

И таким образом мне не осталось ничего другого, как дать Карахану свое честное слово и остаться в Москвѣ.

Я обещал Карахану, что все мои корреспонденции будут проходить через цензуру, и получил в отвѣтъ заявленіе, что буду иметь возможность знакомиться со всем, что могло для меня представлять какой-нибудь интерес.

Бойер, официально числившийся моим цензором и надсмотрщиком, на самом дѣлѣ оказался моим товарищем и неразлучным спутником.

Установившіеся съ ним отношенія, которыми суждено было развиться въ дружбу, впоследствии сыграли немаловажную роль. Больше чѣм когда-либо я былъ убежденъ въ томъ, что мне суждено стать свидѣтелемъ значительныхъ событий, но то, чему я сталъ свидѣтелемъ, превзошло все мои ожиданія.

Ежедневно я отсылалъ нѣсколько телеграммъ, но въ нихъ не было ничего кромѣ официальныхъ матеріаловъ, полученныхъ отъ приближенныхъ диктатора. Караханъ удовлетворилъ мою просьбу и далъ мне свое первое интервью, но при этомъ онъ столь тщательно скрылъ свои мысли и планы, что интервью это не достигло своей цѣли и не произвело особого впечатлѣнія. Я украсилъ интервью портретомъ этого европеизированнаго азіата, продолжавшаго быть для всего міра загадкой. Впрочемъ, въ такой же мѣрѣ загадкой онъ являлся и для меня.

Особенный интересъ я питалъ къ быстрому усиленію военной мощи Карахана. Я писалъ десятки статей и кор-

респондент на эту тему, но всё он неизменно застревал. Бойер, попрежнему приветливо улыбающийся, запрещал им их отpravку, замечал:

— Попробуйте! Еще рано!

Я был свидетелем получения в течение восемнадцати месяцев тысяч автомобилей. Огромное количество подержанных машин, забитых американский рынок, прибыло в Москву через Черное море, Тихий океан, Балтийское море — и было приведено в порядок на фабриках, на которых работали сотни немецких механиков.

Неисчислимое количество аэропланов пришло в Москву из Японии, Чехо-Словакии, Германии и Австрии, и снова немецкие инженеры, работавшие на всех авиационных фабриках, собрали эти машины и привели их в боевую готовность.

Фабрики, построенные в 1920 году Фордом и Дженерал-Электриком, были значительно расширены и увеличены.

Большие запасы фосгена, оставшиеся после мировой войны и неизвестно куда исчезнувшие из Германии после заключения в 1918 году мира, покоились в подземных подвалах русских крепостей. В 1931 и 1932 году были пущены в ход новые огромные химические фабрики, изготавлившие взрывчатые вещества.

Советская армия попрежнему была вооружена устаревшими винтовками, но одновременно шло тайное производство пулеметов и автоматических ружей, с тем, чтобы в решающий момент армия оказалась перевооруженной.

Моя корреспонденция о массовой реквизиции лошадей в Монголии и Сибири стала жертвой красного карандаша цензуры. Та же участь постигла и мою корреспонденцию о продовольственных реквизициях на нужды армии.

Недостаток предметов первой необходимости в СССР привел к тому, что снова население было посажено на норму и ограничено в своем потреблении. Это однако не помешало радио-станциям СССР утратить своих слушателей в том, что во всех продовольственных затруднениях повинны империалисты всего мира.

Агитаторы безпрестанно говорили об опасностях на-

дававшейся войны и о раскрытых заговорах контр-революционеров.

1 декабря вспыхнули волнения в Бессарабии. Тысячи бессарабских крестьян направились в Вухарест, чтобы повзбывать о своих бѣдах румынскому королю.

События в Бессарабии ничем не отличались от волнений, вспыхивавших там в предшествующие годы. Столь же незначительно по своим последствиям должно было быть и переадресование румынских военных частей на линии Дибстры, но Карахан использовал эти события для переброски частей красной армии к западной границе.

В Одессе, Киеве, Гомеле, Минске и Смоленске формировались армии, и все железные дороги на запад от Москвы были загружены эшелонами. Мнѣ стало известным, что крупные силы были переброшены из Поволжья в Харьков и Екатеринославль.

Разумеется, моя корреспонденция об этих военных приготовлениях попала под запрет, но все же кое-какие сведения о мобилизации проникли в европейскую печать.

Карахан предоставлял в мое распоряжение несколько официальных сообщений, из которых некоторые были пересланы мною в Чикаго. Официальная информация московского правительства гласила, что нѣтъ ни одной части красной армии, которая находилась бы в двадцатимильной пограничной полосе и что предприятия Москвы носят лишь оборонительный характер.

Сообщения из европейского бюро „Чикаго Трибун“ информировали меня об охватившей Европу болезни. В декабре 1933 года Франция, Испания и Англия прекратили переброску новых сил в Северную Африку и все внимание сосредоточилось на Москве.

И, наконец, в канун Нового года последовало решающее событие — загадочный взрыв адской машины в советском полпредствѣ в Варшаве. Полпред Игорь Ядгар и восемь человек дипломатической миссии были убиты.

Сообщение об этой катастрофе достигло Москвы на рассветѣ.

Тут же оно было опубликовано по радио. Лишь теперь стало ясным, как близка и непосредственна была угроза войны. Все взоры обратились на красного диктатора.

Польский посланник в Москве посетил Карахана и выразил свое глубочайшее сожаление по поводу произошедшего.

Но Караханъ оставался невозмутимъ. Онъ указалъ, что вотъ уже второй полпредъ погибаетъ въ Варшавѣ отъ руки террориста. Въ прошломъ дипломатическіе шаги ни къ чему не привели.

— Польша не сочла нужнымъ защитить нашего посла, — сказалъ Караханъ и, улыбаясь польскому послу, добавилъ:

— Варшавскихъ убійцъ будетъ судить въ Варшавѣ нашъ военный трибуналъ!

Это было объявленіе войны...

4

2 января 1913 года Караханъ перешелъ польскую границу. Завоевание Европы его войсками началось.

Первое мое сообщеніе о началѣ военныхъ дѣйствій гласило такъ:

„Срочно

Минскъ 2 января 1913 двѣнадцать часовъ дня
Флойдъ Гиббонсъ

Наступленіе совѣтскихъ войскъ на Польшу началось сегодня подъ личнымъ руководствомъ Карахана точка. Наступленіе развертывается на фронтѣ протяженіемъ въ шестьсотъ пятьдесятъ километровъ точка. Красныя войска вторглись на тридцать километровъ на польскую территорию точка. Фронтъ растянулся отъ Минска до Каменецъ-Подольска точка. Польское сопротивление сломлено точка. Интервьюировалъ командующаго красной арміей точка. Визитъ вылетаетъ подробнымъ сообщеніемъ въ Ригу точка.

Гиббонсъ“

Отлетъ Синда съ Минскаго аэродрома произвелъ эффектное впечатлѣніе. Сидъ расписалъ плоскости аэроплана американскими цифрами, на которыхъ красовались буквы „С“, вписанныя въ зеленый кругъ.

Эта же буква красовалась у насъ на рукавахъ и обозначала, что мы являемся официальными военными корреспондентами, непосредственного участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимающими.

Ночью штабъ-квартира Карахана помѣщалась въ Гомелѣ, но вскорѣ послѣ полуночи онъ вылетѣлъ въ сопровожденіи офицеровъ своего штаба на фронтъ.

Бойеръ, Синдъ и я вылетѣли съдомъ за авіаціоннымъ отрядомъ, эскортировавшимъ Карахана на нашемъ аппаратѣ.

— Открытіе военныхъ дѣйствій въ это время года противорѣчитъ всемъ моимъ свѣдѣніямъ въ военномъ дѣлѣ, — замѣтилъ я Бойеру. — Снѣга и морозы сильно затрудняютъ продвиганіе войскъ. Весь планъ военныхъ дѣйствій представляется мнѣ очень рискованнымъ. Эта война разразилась еще неожиданно, чѣмъ мировая война. Безъ предварительныхъ переговоровъ, безъ ультиматума. Весна или лѣто болѣе пригодны для открытія военныхъ дѣйствій.

— Вы разсуждаете, словно вы были бы польскимъ генераломъ, — замѣтилъ улыбаясь Бойеръ. — Во всякомъ случаѣ мы убѣждены въ томъ, что польскій генеральскій штабъ разсуждаетъ такимъ же образомъ. И въ этомъ кроется весь смыслъ Карахановскаго плана: неожиданное наступленіе, гибкость организаціи, быстрота дѣйствій. Можете не сомнѣваться въ томъ, что Караханъ все обдумалъ и не станетъ дѣйствовать по шаблону. Пилсудскій старъ, и во всемъ польскомъ штабѣ нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы моложе шестидесяти лѣтъ. Все эти старцы не могутъ себя представить, что можно военать зимой. Не забудьте, что Карахану всего лишь тридцать два года. Это борьба молодежи противъ старшаго поколѣнія, и не приходится сомнѣваться въ томъ, что молодость побѣдитъ. Морозъ и снѣга не страшатъ насъ — наши передовыя части состоятъ изъ сибирскихъ формированій. Имъ русско-польская граница покажется Ривьерой.

— Поживемъ — увидимъ, — перебивъ я его, потому что мнѣ хотѣлось часокъ соснуть до утра. Онъ замолчалъ, и я попытался задремать.

Разсвѣтъ наступилъ поздно. Мы продолжали летѣть на сѣверъ, приближаясь къ фронту. Не разъ насъ обгоняли эскадрильи советскихъ боевыхъ аэроплановъ, направлявшихся на западъ. Намъ пришлось наблюдать издали за нѣсколькими воздушными стычками красивыхъ летчиковъ съ польскими авиаторами.

Красные во много разъ превосходили численностью неприяТЕЛЬСКУЮ воздушную развѣдку.

Внизу подъ нами на дорогахъ видѣлись колонны направлявшихся на фронтъ солдатъ. Иногда на поляхъ видѣлись отряды кавалеріи, утопающіе по колѣно въ снѣгу. На западѣ видѣлись клубы дыма — должно быть, горѣли селенія, подожженные бомбами, сброшенными съ аэроплановъ.

Наконецъ-то мы снизились поблизости отъ какого-то селенія, расположеннаго у желѣзной дороги. Аэропланъ Карахана прибылъ нѣсколькими минутами ранѣе, и когда мы выѣзжали изъ машины, къ намъ обратился одинъ изъ штабныхъ офицеровъ. Бойеръ перевелъ мнѣ сказанное офицеромъ:

— Мы находимся въ польскомъ мѣстечкѣ Лаква. Мы позавтракали здѣсь — фронтъ отодвинулся на западъ, — все развивается такъ, какъ предполагалъ нашъ командующій. Спидъ, поспѣшите напompъ ваши моторы, — скоро снова двинемся въ путь.

Вскорѣ мы полетѣли, взявъ курсъ на сѣверо-западъ. На западѣ видѣлся густой рядъ столбовъ дыма, выгнувшихся, словно нескончаемая аллея деревень.

Незадолго до полудня мы спустились въ Минскъ, гдѣ расположилась ставка дѣйствующей арміи. Тамъ я и составилъ сообщеніе, приведенное ранѣе. Послѣ отлета Бип-нея Бойеръ предоставилъ въ мое распоряженіе одинъ изъ штабныхъ аэроплановъ.

Русское наступленіе на западъ развертывалось вдоль желѣзнодорожныхъ линій: Минскъ, Ленинъ, Вугъ и Камен-

ецъ-Подольскъ. Вслѣдъ за инженерными частями, производившими въ порядкѣ желѣзнодорожное полотно, шли эшелоны.

Параллельно желѣзнодорожному полотну шли безконечныя вереницы тракторовъ, поставленныхъ на полозья. Сверху все это казалось какнй-то переселеніемъ народовъ.

Послѣ обѣда мы спустились въ занятый польскомъ селеніи Острогъ, изъ котораго была установлена непосредственная телефонная связь съ Москвой. Бойеръ разрѣшилъ мнѣ отослать вторую корреспонденцію, и я вызвалъ по телефону мое московское бюро и продиктовалъ сообщеніе Марго Денисовѣ.

При этомъ я упомянулъ о быстромъ продвиженіи красныхъ войскъ впередъ и о доблести польскихъ уланъ, тщетно пытавшихся задержать неприятеля и оказывавшихъ отчаянное сопротивление.

Въ своемъ сообщеніи я подробно описалъ методы наступленія красныхъ, растянувшихся по всему протяженію фронта; польская артиллерія не могла нанести нѣмъ достаточно ощутительнаго урона. Упомянулъ я также о томъ, какъ были удивлены красные командующіе арміями, когда обнаружили, что на рядѣ участковъ фронта отсутствовали проволочныя загражденія. Наступленіе развернулось настолько неожиданно, что польскія части не успѣли установить проволочныхъ загражденій, хотъ въ нихъ распоряженіи и имѣлись мотки колючей проволоки.

Польша готовилась къ возможному столкновенію съ Москвой съ 1919 года, и все же наступленіе Карахана за-стало ее совершенно врасплохъ.

— Спидъ съ вами? — освѣдомилась у меня Марго, принявъ сообщеніе. Я сказалъ ей, что Спидъ вылетѣлъ въ Ригу, и спросилъ у нея, что съ Уайтомъ Доджемъ.

— Вѣднѣга въ отаратительномъ настроеніи, — отвѣтила она. — Дѣло его еще не уладилось и его не хотятъ пропустить на фронтъ.

Несмотря на то, что Доджъ былъ моимъ конкурентомъ, мнѣ стало жалъ его. Но мое вниманіе было привлечено болѣе важными событіями. Лишь поздно ночью я узналъ о

номъ, что СССР въ этой войнѣ съ Польшей обрѣла союзника.

Маленькая, но боеспособная литовская армія выступила въ походъ, и операціи ея были настолько согласованы съ операціями Карахана, что можно было предположить, что она состояла подъ его командованіемъ. По мѣрѣ развитія наступленія красныхъ литовская армія продвигалась къ Вильно, городу, отторгнутому у Литвы въ 1920 году.

Литва, порожденная Версальскимъ договоромъ и чувствующая себя въ кругу остальныхъ государствъ расминомъ, рѣшила самостоятельно отомстить за нанесенную ей польскимъ соседомъ рану.

Пилсудскій обратился съ призывомъ къ остальнымъ государствамъ Малой Антанты: къ Чехо-Словакии, къ Румыніи и Юго-Славии.

Въ соответствии съ существовавшимъ договоромъ, за которымъ скрывалась Франція, въ Бухарестѣ, Прагѣ и Віднѣ была объявлена мобилизація.

— Я раздобылъ послѣднее сообщеніе непріятельскаго радио, — объявилъ Бойеръ, входя ко мнѣ съ листкомъ бумаги. — Малая Антанта собралась на совѣщаніе въ Прагѣ и рѣшила выступить на помощь Польшѣ. Теперь игра начинается всерьезъ. Карточный домикъ Европы заколебался.

Я тутъ же заказалъ разговоръ съ Москвой и сообщилъ Марго полученные свѣдѣнія.

Въ отвѣтъ Марго объявила мнѣ, что въ Москвѣ состоялись бурныя демонстраціи въ пользу войны.

— По улицамъ проходятъ огромныя массы народа. Демонстранты носятъ интернаціональ и носятъ портреты Карахана. Мобилизація, объявленная въ государствахъ Малой Антанты, будетъ истолкована какъ дальнѣйшій шагъ капиталистическаго міра, направленный противъ Москвы.

Я повѣсилъ трубку и обратился къ Бойеру:

— Что дальше?

— Вашъ аэропланъ находится здѣсь. (Мы находились въ польскомъ городкѣ въ Тарнополѣ). Мы сейчасъ летаемъ съ главнокомандующимъ на югъ.

На слѣдующій день мы вылетѣли слѣдомъ за аэрона-

вомъ Карахана и полетѣли вдоль линіи фронта на югъ до Одессы и затѣмъ снова поднялись обратно. Отвѣтъ, данный Караханомъ на присоединеніе къ польской арміи румынскихъ, югославскихъ и чешскихъ силъ, послѣдовалъ очень быстро и превосходилъ быстроту даже быстроту наступленія на Польшу.

На протяженіи трехсотверстной полосы отъ Тирасполя до Каменецъ-Подольска азіатская конница Карахана переправилась черезъ Днѣстръ и перешла въ наступленіе.

Маленькіе румынскіе гарнизоны на западномъ берегу рѣки тщетно пытались организовать сопротивленіе. Восставшіе бессарабскіе крестьяне встрѣтили наступающихъ, какъ избавителей, и еще болѣе затруднили оборону страны.

Наступленіе красныхъ развивалось съ быстротою лѣснаго пожара. Красныя войска, поддерживаемыя воздушными силами Карахана, двигались вглубь непріятельской страны, развертывая наступленіе вдоль желѣзныхъ дорогъ и шоссе. На сѣверѣ войска Карахана заняли Черновцы, главный городъ Буковины, на югѣ въ Добруджѣ подняли восстаніе болгары и, выбросивъ красный флагъ, заставили румынъ перенести часть войскъ на этотъ новый фронтъ.

Марго сообщила Виннею по телефону о томъ, что случилось въ послѣдніе часы въ Москвѣ. Малая Антанта обратилась къ Франціи и Англіи съ призывомъ выслать въ Черное море эскадру. Въ отвѣтъ на это Москва обвѣщала соглашеніе, заключенное ею съ Кемаль-пашей: Дарданеллы были минированы и проходъ иностранныхъ судовъ закрытъ.

Главнымъ союзникомъ Карахана была погода. Дороги были засыпаны снѣгомъ, затруднявшимъ передвиженіе французскихъ грузовыхъ автомобилей, тогда какъ красная кавалерія преодолѣвала это препятствіе безъ труда.

Въ Румыніи климатъ былъ мягче, но тамъ на помощь наступающимъ пришли бессарабскіе крестьяне и слабая организація румынской арміи.

На десятый день послѣ начала войны войска Карахана заняли столицу Румыніи — Бухарестъ. Бойеръ и я немедленно же выѣхали въ штабномъ автомобилѣ въ занятую

столицу и прибыли туда вслед за занятой городъ кавалерией. Городъ такъ же, какъ и во времена мировой войны, когда его заняли Македонцы, сдался безъ боя.

Въ отелѣ „Афины“ мы должны были встрѣтиться съ Марго, которая должна была прелетѣть вмѣстѣ со Спидомъ изъ Москвы.

Еще до ихъ прибытія я имѣлъ возможность отправить сообщеніе въ двѣ тысячи словъ о разгромѣ румынской арміи и паденіи Бухареста. Мнѣ это удалось сдѣлать при помощи радио-станціи Бухареста, потому что румыны въ паникѣ отступленія не успѣли ее разрушить.

Послѣ обѣда мы вылетѣли въ Варшаву. Марго сидѣла рядомъ со Спидомъ за рулемъ, а я съ Вейеромъ склонился въ кабину аэроплана надъ картами. Неожиданно, къ нашему своему изумленію, мы увидѣли рядомъ съ нами Биннея. Аэропланъ летѣлъ на высотѣ тысячи пяти-шести сотъ метровъ.

— Господи! — воскликнулъ Вейеръ, — кто же управляетъ аэропланомъ?

— Марго, — отвѣтилъ улыбаясь Бинней. — Я успѣлъ по дорогѣ изъ Москвы въ Бухарестъ обучить ее авіаціонному искусству. Она еще не умѣетъ подыматься и опускаться, но на такой высотѣ можетъ безъ особой опасности управлять машиной. Я назначилъ ее своимъ замѣстителемъ.

Я отослалъ Биннея обратно къ рулю. Мы продолжали летѣть въ сѣверномъ направленіи и внезапно захваченные нами города Львовъ и Черновцы, — красныя войска развивали свое наступленіе въ направленіи Карпатъ.

Пролетая надъ Галиціей, я вспоминалъ о сотняхъ тысячъ австрійцевъ и русскихъ, павшихъ въ мировую войну подъ Перемышлемъ, и обратилъ вниманіе Вейера на то, что Караханъ развиваетъ свое наступленіе въ томъ же направленіи, въ какомъ развивалось оно въ 1914 и 1915 году.

— Но царской арміи не удалось добиться успѣха, — замѣтилъ Вейеръ. — Караханъ идетъ по стопамъ полководца, значительно болѣе крупнаго, чѣмъ генералы Романова. Первымъ полководцемъ, проложившимъ себѣ путь черезъ горы, были чело-вѣкъ желтой расы.

— Кто?

— Примѣрно, семьсотъ лѣтъ тому назадъ и также въ январѣ мѣсяцѣ, — если мнѣ не напоминаетъ память, — это было въ 1241 году, — Чингизъ-Ханъ выслалъ сюда одного изъ своихъ полководцевъ, Сабутая, который перешелъ Карпаты и спустился въ венгерскую равнину. Вамъ, должно быть, извѣстно, что Караханъ очень внимательно изучалъ походы Чингизъ-Хана. Очень возможно, что вамъ суждено увидѣть въ ближайшія недѣли многое, напоминающее походы великаго полководца прошлаго. — И Вейеръ многозначительно улыбнулся.

На слѣдующее утро мы снялись въ Прагѣ, въ правобережномъ предмѣстѣи Варшавы. Въ теченіе ночи поляки очистили Варшаву, и въ половинѣ одиннадцатаго утра съ балкона гостиницы „Бристоль“ мы были свидѣтелями триумфальнаго въѣзда Карахана во главѣ своей конницы въ городъ.

Несмотря на то, что въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль Караханъ продвинулся со своими арміями на четыреста километровъ, несмотря на то, что фронтъ красныхъ войскъ растянулся на тысячу сто километровъ и былъ вдвое длиннѣ западнаго фронта въ мировую войну четырнадцатаго года, несмотря на то, что онъ занялъ двѣ неприятельскія столицы и разбилъ польскую и румынскую арміи, — Караханъ не далъ своимъ войскамъ даже самой краткой передышки.

На югѣ отъ Варшавы на слѣдующій день палъ очень важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ — Краковъ, открывавшій доступъ въ венгерскую равнину. Отнявъ правое крыло красныхъ находилось тамъ. Лѣвое крыло надвигалось со стороны Бухареста, охватывало Трансильванскіе Альпы и двигалось на Бѣлградъ.

Центръ наступленія красныхъ развивался по львовскому направленію. Этотъ сложный и требовавшій большихъ силъ планъ былъ выполненъ только потому, что Караханъ располагалъ несметнымъ количествомъ войскъ.

Но гораздо болѣе значеніе, чѣмъ численность войскъ, имѣли властичность и подчиненность всей организаціи Карахана и порой нечеловѣческая выносливость его людей.

Серьезное сопротивление наступлению красных было оказано в Восточной Пруссии, где против полчищ Карахана выступил германский экс-кронпринц с сорокатысячным отрядом немецких националистов. Война в Восточной Пруссии окончилась победой красных под Алленштейном.

Взрыв мины, заложенной красными в Альтгаузенском туннеле, стоил жизни двум сотням солдат 233 колониального полка французской армии и предал гласности тот факт, что Франция, вопреки возражениям радикальной части правительства, оказывала тайный поддержку отступающим полякам.

На переброску французских и итальянских войск в Европу последовал новый, более сильный нажим восставших в Северной Африке. Фанатики-туареги изгнали французов из Бискры и заняли садз Аллага. Египтяне продвинулись на линии между Каиром и Александрией. Марокканцы снова заняли Фецу.

Судьба центральной Европы решилась на Прессбургской равнине. Два дня длился ожесточенный бой, начавшийся утром 20 января и закончившийся победой красных над силами Малой Антанты. Из трехсот тысяч своих войск, участвовавших в этом сражении, две трети составляла сербская армия.

В ночь на 21 января я предиктовал сообщение об исходе боя Марго, находившейся в Варшаве. Ванный вылетел за ней и за всеми материалами нашего бюро — мы знали, что следующим нашим этапом станы будет Вена.

Маленькая Австрия, безпомощный остаток некогда могущественной двуединой монархии, не оказала красным никакого сопротивления.

Хотя правительство этой ослабленной годами голода и унижения страны и осталось консервативным, управление города перешло к более левым социалистическим кругам. Вена, некогда самый веселый город, стала самым красным городом Европы.

Ганс Врейтвер, венский диктатор, выехал на-

встречу Карахану и сопровождал его при торжественном въезде в город. Вайер и я следовали за ними в одном из штабных автомобилей.

Когда мы выехали на Ринг, мы увидели, что венские полицейские попрежнему несли свою службу и регулировали уличное движение. Но теперь каждый из них стоял на посту под охраной одного всадника и одного пехотинца Карахана.

Мы расположились в Гранд-отеле, и Вайер тут же позвонил в Гофбург, некогда бывший резиденцией Франца-Иосифа, а ныне ставший штаб-квартирой Карахана.

— Скорее берите шляпу и собирайтесь в путь, — крикнул он мне, взяв трубку. — В Гофбурге происходит нечто, чего мы не должны пропускать.

Мы поспешили вниз и, когда заняли места в автомобиле, Вайер объяснял мне, что австрийское правительство во главе с министром Игнатием Зейнелем и президентом Гайншом арестовано и доставлено в Гофбург.

В числе арестованных находился и доктор Думба, бывший австро-венгерский посол в Вашингтоне.

— Карахан убьет их всех, — сказал Вайер.

У меня перехватило дыхание. Тронуть из числа обреченных Караханом на смерть я знал лично. Пять лет тому назад я опубликовал интервью с ними. Эти люди повсеместно пользовались симпатиями, и только благодаря их неустанным стараниям Австрия снова приобрела некоторую устойчивость.

— Но почему? — вырвалось у меня, когда мы проехали под сводами ворот в Гофбург. — Видь эти люди не борцы, они ничем не провинились перед Караханом. Австрия не оказала им никакого сопротивления. Население ведет себя очень лояльно, и в стране царит покой. Это — бессмысленное убийство.

— Все то, что вы говорите, соответствует истине, за исключением одного, — ответил Вайер. — Карахан ничего бессмысленного не делает. Эти казни являются частью общей политики террора. А террор — необходи-

мое лишение во время войны. Примерно, то же самое пѣмпы продолжали въ Бельгiи, но они считали необходимымъ вса-чески отрицать это. Англичане, примерно, такъ же дѣйство-вали въ Египтѣ и въ Индiи. Французы принимали подоб-ныя мѣры въ Африкѣ и такъ же считали необходимымъ от-рицать ихъ. А развѣ вы, американцы, на Филиппинахъ и на Гаити дѣйствовали иначе? Позитивна Карахана состоятъ въ томъ, чтобы лишить жизни нѣсколько десятковъ реак-ціонныхъ главарей страны, и эта политика гораздо мягче и менѣе жестока, чѣмъ если бы онъ задумалъ для достиженiя той же цѣли лишить жизни нѣсколько сотъ ничтожествъ изъ числа рядового населенiя.

— Но вѣдь это возстановитъ противъ васъ весь міръ! — вскричалъ я. — Неужели вамъ мало казней въ Варшавѣ и въ Вухарестѣ? Эти люди пользуются уваженiемъ во всемъ мірѣ, и расправа съ ними вызоветъ возмущенiе про-тивъ васъ.

— Совершенно вѣрно, — согласился со мною Вейеръ, — это вызоветъ возмущенiе и пробудитъ страхъ передъ Караханомъ, заставитъ считаться съ нимъ. Непосредствен-нымъ результатомъ этой мѣры явится то, что повсюду кон-сервативныя группы ослабѣютъ и усилятся вліяніе ради-кальных круговъ. А развѣ это не стоитъ десятка живей?

Воспоминанiе о томъ, что мнѣ суждено было увидѣть въ этотъ день, будетъ живо во мнѣ всегда.

Казни произошли во внутреннемъ дворикѣ Гофбурга. Вейеръ подвелъ меня къ окну, — мы находились во вто-ромъ этажѣ, и я увидѣлъ въ небольшомъ отдаленiи отъ себя лица осужденныхъ. Справа отъ меня находился бал-конъ, съ котораго Караханъ взиралъ на эту возмутительную расправу.

Онъ высился на балконѣ во весь свой ростъ, и лицо его было по обыкновенiю неподвижно и непроницаемо. За нимъ стояло нѣсколько штабныхъ офицеровъ.

Несчастныхъ вывели на дворъ со связанными на спинахъ руками, и взошедъ китайскихъ солдатъ подвелъ ихъ къ стѣнѣ. Надъ головами солдатъ, которымъ суждено было прикончить

ихъ, они могли видѣть жестокую желтую маску того, по чьему приказу ихъ обрекли на смерть.

Въ тотъ моментъ, когда я приблизился къ окну, раз-дался залпъ, и одинъ изъ приговоренныхъ къ смерти упалъ. Убитого вынесли на носилкахъ, и затѣмъ наступила очередь президента австрiйской республики.

Вставъ у стѣны, онъ запрокинулъ голову и, не дро-гнувъ, встрѣтилъ смерть.

Слѣдующей жертвой былъ докторъ Зейпель. На немъ была длинная черная сутана, присвоенная его ордену, и четырехугольный беретъ. На губахъ его змѣилась тонкая улыбка. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно, съ вѣрой въ Бога.

Потомъ мнѣ суждено было присутствовать при смерти несчастнаго доктора Думба. Онъ умеръ столь же достойно, какъ и жилъ.

Тщетно обратилъ я къ Карахану молящiй взглядъ, — лицо его было непреклонно строго и непроницаемо. Мольба была бесполезной. Глаза его пристально смотрѣли на не-счастныхъ — онъ былъ воплощенiемъ безжалостной жесто-кости.

— Это ужасно, — прошепталъ я, обращаясь къ Вейеру. — Я долженъ уйти отсюда, — я не могу вынести этого. Вѣдь эти люди были моими друзьями. Это самое ужасное, что мнѣ когда-либо суждено было пережить.

Мы возвратились въ отель. Я подбодрилъ себя нѣ-сколькими глотками алкоголя и засѣлъ за работу, пытаюсь изложить на бумагѣ видѣнное. Вейеръ сказалъ мнѣ, что моя корреспонденція о бессудныхъ казняхъ будетъ пропу-щена. Я вправѣ сообщить газетамъ все, чему былъ сви-дѣтелемъ.

— Сообщите все, — сказалъ онъ. — Пусть міръ знаетъ, какая сила пробудилась на востокѣ.

Послѣ обѣда весь міръ съ трепетомъ читалъ мою теле-грамму въ четыре тысячи словъ, въ которой описывалась смерть членовъ австрiйскаго правительства. Незачѣмъ го-ворить, что сообщенiе мое произвело на всѣхъ ужасное впе-

чугунные. Весь мир содрогнулся при вѣсти объ этой жестокости.

Позднѣе я узналъ, что въ Чикаго мое сообщеніе вызвало сильныя опасенія за мою судьбу. Въ редакціи предположили, что меня за мое откровенное сообщеніе ожидаетъ участь бѣдныхъ австрійцевъ.

Такъ не представляли себѣ, что въ напѣреніи Карахана входило вселить ужасъ въ весь миръ, и что онъ напѣренно далъ мнѣ возможность разсказать о томъ, чему мнѣ суждено было быть свидѣтелемъ.

Послѣ обѣда въ Вѣну прибыли Сидъ Винней и Марго Деппсонъ. Мы занялись устройствомъ бюро въ отелѣ, и Сидъ разсказалъ мнѣ, что моя свѣтловолосая секретарша въ теченіе всего пути самостоятельно управляла аэропланомъ.

— Если война не прекратится столь же неожиданно, какъ началась, то Марго научится и подъему и спуску, — добавилъ Сидъ.

— Объ этомъ вамъ нечего беспокоиться, — замѣтилъ Воеръ. — Вамъ суждено еще сегодня быть свидѣтелемъ дальнѣйшаго развертыванія событій. Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что передъ вами теперь новый врагъ — первый въ Европѣ, достаточно сильный для того, чтобы бросать вызовъ Карахану. Итальянская армія перешла черезъ Бреннеръ и наступаетъ на Инсбрукъ. Одновременно итальянскія войска наступаютъ вдоль желѣзнодорожныхъ линій Триестъ-Лайбахъ и Фиуме-Аграмъ.

— Трижды „ура“ въ честь старинны Муссолини! — кричалъ Винней.

— Скоро ему придется призадуматься надъ тѣмъ, на что онъ рѣшился. Наши войска снѣжно перебрасываются въ юго-западномъ направленіи. Воздушныя силы уже вступили въ бой съ непріятелемъ, и вскорѣ мы войдемъ въ сотрудничество съ нимъ и на землѣ. Выступленіе Муссолини какъ нельзя болѣе соответствуетъ планамъ Карахана. Для австрійцевъ это удобный случай отомстить за всѣ униженія и угрозы, раздававшіяся по адресу Австріи со стороны

южнаго сосѣда. Все населеніе Австріи станетъ подъ знамена Карахана.

Въ ту же ночь итальянцы дали знать о себѣ въ тѣлу красныхъ. Огромная непріятельская воздушная эскадра появилась надъ Вѣной и подвергла городъ отчаянной воздушной бомбардировкѣ.

Одна изъ бомбъ упала во дворѣ, на которомъ утромъ происходили казни, и вырвала воронку въ тридцать метровъ въ діаметрѣ. Отъ сотрясенія въ Гофбургѣ полопались всѣ стекла, и нѣсколько осколковъ стекла упали въ кровать, въ которой спалъ Караханъ.

Поднявшіеся вмѣстѣ аэропланы красныхъ тутъ же вступили въ бой съ непріятелемъ, и надъ городомъ при лунномъ свѣтѣ разыгралось воздушное сраженіе.

Въ этомъ сраженіи итальянцы потеряли семь бомбометовъ и тринадцать легкихъ аэроплановъ. На одномъ изъ боевыхъ итальянскихъ аэроплановъ въ качествѣ пилота находился маститый итальянскій поэтъ Габріель Д'Аннуцио, впервые совершившій полетъ надъ Вѣной въ 1918 году во время борьбы австрійцевъ и итальянцевъ у Изонцо.

На слѣдующій день мы вспомнили о томъ, что во время перваго полета Д'Аннуцио сбрасывалъ въ Вѣну итальянскія прокламаціи. Теперь рѣчь шла не о театральномъ жестѣ, а о болѣе существенномъ. Муссолини послалъ поэта въ полетъ, снабдивъ его большимъ количествомъ бомбъ и взрывчатого вещества. Д'Аннуцио выполнилъ возложенную на него задачу и заплатилъ жизнью за свое мужество.

Караханъ продолжалъ въ Вѣнѣ руководить подготовкой боя на итальянскомъ фронтѣ и часто вылеталъ на аэропланѣ на фронтъ.

На сѣверѣ продолжавшія развиваться наступленіе войска достигли Познани. Наступавшія изъ Лодзи и Кракова войска перешли нѣмецкую границу и заняли Вреславль.

3-го февраля полчища Карахана ватолпились у Коллина въ Эльбеталѣ, въ пятидесяти километрахъ отъ Праги, на остаткахъ чехо-словацкой арміи, находившейся подъ командованіемъ генерала Гайды.

Краснымъ уничтоженіе остатковъ героически сопротивлявшейся арміи обошлось въ шестьдесятъ тысячъ людей.

Черезъ два дня красные заняли Прагу, и 8-го февраля войска Карахана заняли Пильзенъ, въ которомъ находились огромныя орудійныя фабрики, изготовлявшія во время войны 1914 года испанскія сорокадвухсантиметровыя орудія.

— Завятіе Пильзена, — пояснилъ я Сиду, — самое крупное достиженіе Карахана въ этой войнѣ. Пильзенъ — это арсеналъ центральной Европы.

— И одновременно городъ, въ которомъ водятся лучшее пиво въ мірѣ, — подхватилъ Сидъ. — Подъ пивоварней находится подземное озеро пива, а крыша на домѣ бургомистра выложена окороками. Вотъ гдѣ намъ слѣдовало бы разбить свое бюро.

8-го февраля, послѣ долгихъ мытарствъ, Уайтъ Доджъ прибылъ въ Вѣну и сообщилъ намъ о наступленіи совѣтскихъ войскъ, миновавшихъ Трансильванію, на Бѣлградъ.

— Я ожидалъ, что сербы будутъ защищать свою столицу, — продолжалъ Доджъ, — но послѣ того, какъ красный Наполеонъ уничтожилъ три четверти ихъ арміи подъ Прессбургомъ, имъ ничего другого не осталось, какъ безъ боя очистить городъ. Королева Марія вмѣстѣ съ маленькимъ Михаиломъ бѣжала въ Бѣлградъ къ супругу Александру, и оба королевскихъ семья вылетѣли изъ Бѣлграда на аэропланѣ. Я полагаю, что въ настоящее время они находятся у короля Зогу въ Албаніи. О мѣстонахожденіи Кароля ничего не извѣстно, и я полагаю, что и онъ направился туда же. Югославія цѣлкомъ во власти красныхъ — бой тамъ законченъ. Распри между сербами, хорватами и словенцами привели къ тому, что краснымъ удалось безъ особыхъ усилий занять всю страну. Всѣ эти народы мечтаютъ объ автономіи, и совѣтское командованіе обѣщало имъ ее. Приблизно такое же положеніе въ Греціи съ македонцами. Болгарія пытается сохранить нейтралитетъ, но это явно безнадежная попытка. Король Борисъ покинулъ страну.

— А что съ Венгріей?

— Она въ рукахъ красныхъ, — отвѣтилъ Доджъ. —

И венгры винить въ этомъ не приходится. Версальскій договоръ разоружилъ ихъ, и теперь, когда они очутились въ окруженіи побѣдоносныхъ красныхъ войскъ, они не смогли оказать сопротивленія. Въ Будапештѣ снова у власти красные, какъ во времена Бела-Куна. Адмиралъ Хорти бѣжалъ. По пути на Прессбургъ Караханъ не встрѣтилъ сопротивленія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мадьяры въ прошломъ азіаты, и теперь многіе сочли нужнымъ убить, что состоитъ въ кровномъ родствѣ съ полчищами Карахана.

Каждый новый день приносилъ множество сообщеній — пороховою погребу Европы взлетѣлъ на воздухъ. Мои сообщенія въ Америку порой достигали двухъ тысячъ словъ. Все происходившее въ центральной Европѣ нагнало на западныя страны и Америку ужасъ.

Въ то время, какъ на итальянскомъ фронтѣ шла подготовка къ рѣшающему сраженію, центръ военныхъ дѣйствій передвинулся на сѣверъ.

Я поручилъ Марго руководство нашимъ бюро въ Вѣнѣ и вылетѣлъ съ Биннеемъ въ Берлинъ. Со времени вторженія въ Силезію Германіи дважды, хотъ и не особенно рѣшительно, протестовала противъ нарушенія ея нейтралитета.

Лондонская и парижская пресса откровенно сообщала, что между германскимъ правительствомъ и Караханомъ существуетъ тайный договоръ, предусматривающій пропускъ красныхъ арій черезъ Германію.

Берлинская пресса категорически запротестовала противъ этого обвиненія и переложила всю отвѣтственность на происходящее на Францію и Англію, лишившихъ по Версальскому договору Германію какой бы то ни было возможности сопротивляться.

Въ полночь мы снялись на Темпельгофскомъ аэродромѣ, и я поѣхалъ по пустыннымъ улицамъ къ отелю „Адлонъ“, въ которомъ помѣщалось бюро „Чикаго Трибюнъ“.

Загрядъ Шульцъ, нашъ корреспондентъ, владѣвшій множествомъ иностранныхъ языковъ, находился въ этотъ поздній часъ у себя въ бюро.

— Я радъ вашему пріѣзду, — сказала онъ. — Право,

пора, чтобы Чингаго сбила меня. В течение последней недели мне приходилось работать по двадцать часов в сутки. Мы накавунт пуща — все данные указывают на это.

— Я доверяю вам, Зигридъ. Кто могъ бы быть лучше насъ осведомленъ обо всемъ этомъ? Видъ вы предсказали все возстанія, разыгравшіяся въ Германіи послѣ сверженія кайзера.

— Но это возстаніе превзойдетъ все прежнія, — заявилъ Зигридъ. — Наши красивые силы же сейчасъ, чѣмъ когда-либо, тогда какъ правы организаціи сильно ослаблены. Послѣ разгрома Штальгелма въ восточной Пруссіи коммунисты — единственная организованная сила, и договариваются, что они сумѣли проникнуть даже въ рейхсверъ и ряды полиціи. Затѣмъ у насъ царитъ очень большая неприязнь къ бывшимъ союзникамъ. Страна претерпѣла много и совершенно безоружна. За все это отвѣтственность возлагается на Версальскій договоръ. И все, что можетъ освободить Германію отъ версальскаго преступленія, — такъ называютъ здѣсь этотъ миръ, — будетъ встрѣчено съ распростертыми объятіями.

— Но развѣ Германія уже забыла объ ужасахъ французской оккупации и расквартированныхъ на Рейнѣ войскахъ? — спросилъ я. — Развѣ Германія не знаетъ, что войска Карахана сформированы главнымъ образомъ изъ азіатовъ, впервые празднующихъ побѣду надъ бѣлой расой? Неужели ваши мужчины не понимаютъ, что означаютъ для этихъ полчищъ бѣлая женщины?

— О да, — отвѣтилъ онъ. — Германія суждено было испытать много тяжелаго, и поэтому она предпочитаетъ видѣть войска Карахана въ качествѣ союзниковъ по оружію, чѣмъ въ качествѣ врага-побѣдителя.

Въ соответствии съ предсказаніями Шульца въ слѣдующій день въ Берлинѣ произошелъ государственный переворотъ. Тысячи демонстрантовъ, въ большинствѣ своемъ члены германской коммунистической партіи, вышли на Унтер-денъ-Линденъ и миновали Бранденбургскія ворота.

Правительственные войска, занимающія улицы, не оказывали имъ сопротивленія.

Безъ пролитія капли крови столица Германіи перешла на сторону Карахана и попала въ руки коммунистовъ.

Въ Гамбургѣ, Бременѣ и Штеттинѣ состоялись демонстраціи въ честь Карахана — портретъ желтаго завоевателя несли впереди процессіи вышедшихъ на улицы съ красными флагами.

Къ вечеру правительство Германіи вышло въ отставку, и было объявлено о диктатурѣ пролетаріата, возглавляемого агентомъ третьяго интернационала Эрихомъ Шульценбергеромъ.

Это измѣненіе политическаго строя Германіи, происшедшее 10 февраля 1933 года, явилось немаловажнымъ событіемъ для всей остальной Европы.

Въ восточной Пруссіи, Саксоніи и Баваріи образовались большіе отряды рейхсвера, примкнувшіе къ наступленію Карахана и направившіеся вмѣстѣ съ его войсками на западъ.

Вплотнѣе я вылетѣли обратно въ Вѣну. Несмотря на то, что мы прибыли на рассвѣтѣ, мы застали въ Грандъ-отелѣ ожидавшую нашего прибытія Марго. Лицо ея было серьезно:

— Въ Вѣну прибыла жена Карахана, — объявила она намъ. — Я хотѣла сообщить вамъ объ этомъ до прихода Вейера. Караханъ запретилъ ей выѣзжать изъ Москвы. Я предполагаю, что ему уже извѣстно объ ея отъѣздѣ, но врядъ ли онъ осведомленъ о томъ, что она прибыла въ Вѣну.

— Гдѣ она? — спросилъ я.

— Она въ моей спальнѣ, — отвѣтила Марго. — Она прибыла въ ночь послѣ нашего отъѣзда въ Берлинъ и осѣдлалась о насъ. Я представилась ей въ качествѣ нашей секретарши и сказала, что мы вылетѣли въ Германію. Она объяснила мнѣ всю тяжесть своего положенія и сказала, что хочетъ подождать нашего возвращенія въ Вѣну. Удалить ее отсюда я не рѣшилась. Надѣюсь, я ничего сквернаго не натворила.

Приезд Линь создавал ряд затруднений, которые могли повлечь за собой непредвидимые последствия. Для меня Линь была блондинкой, американкой, рванувшейся в самый центр ужасов войны и попавшей между жерновами военной машины. Ея муж возглавлял эту войну и одновременно являлся отцом ея детей.

Я вспомнил о том унижении, которому Карахань подверг ее в последнюю нашу встречу в Москве. Чего можно было ожидать от него сейчас, когда он узнает, что она последовала за ним на фронт и, нарушив его запрет, задумался явиться к нему в станку?

И как он будет реагировать на мой поступок, когда узнает, что несчастная женщина нашла убийцу у меня?

Я было хотѣл принять определенное решение и сдѣлать видъ, что мнѣ ничего неизвестно объ ея прѣбытіи и уклониться отъ встрѣчи съ нею, но въ это мгновеніе дверь въ соседнюю комнату отворилась, и на порогѣ предстала Линь Карахань.

— Пожалуйста, пройдите съ ней въ соседнюю комнату, — возманилась Марго. — Войеръ можетъ схеминуть придти сюда.

Я схватилъ протанутую ко мнѣ руку Линь и последовалъ за нею въ соседнюю комнату.

— Я знаю, что мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, — сказала она. — Знаю, что это можетъ быть ужаснымъ послѣдствіемъ, если онъ застанетъ меня у васъ. Вѣдь онъ въ своемъ гнѣвѣ дьявольски жестокъ.

— Такъ почему же вы пріѣхали сюда?

— Для того, чтобы находиться поблизости отъ него, хотя бы я и рисковала тѣмъ самымъ навзничъ на себя его гнѣвъ. Я знаю, что мое присутствіе здѣсь излишнее, но я не могла поступить иначе. Я болѣе не та дѣвушка, которую вы некогда звали. Я стала инымъ человекомъ — я его жена и мать его детей. Онъ превратилъ меня въ свою рабыню. И я люблю его.

И снова я поразился силѣ этого человека, сумѣвшего

поработить эту некогда непокорную и своевольную американку и превратить ее въ азиатскую покорную женщину.

— Чѣмъ я могу быть полезнымъ вамъ, Линь? Ваше присутствіе здѣсь нѣсколько усложняетъ положеніе вещей. Агентъ Карахана несомнѣнно выслѣдитъ васъ. Что я могу сдѣлать для васъ?

— Ничего. Разрѣшите мнѣ остаться въ комнатѣ Марго. Я буду столоваться тамъ и не стану выходить вѣзъ нея. Никто меня не увидитъ. Всѣ новости проходятъ черезъ ваше бюро, и здѣсь я смогу все знать о томъ, что происходитъ вокругъ него.

Одновременно я и понималъ и не понималъ ея желаніе. И въ то же время я былъ безоглядъ предпринять что-либо. Я разрѣшилъ ей остаться въ комнатѣ Марго, и Линь поблагодарила меня со слезами на глазахъ. Возвратиться въ бюро я успѣлъ за минуту до появленія Войера.

— Какъ хорошо, что вы возвратились! — оживленно сказалъ онъ. — Васъ ожидаютъ большія событія. Карахань поведетъ насъ къ трону цезарей. Мы отправляемся путешествовать — насъ ожидаютъ омытые ливнями сѣвтомъ каналы Венеціи, звонъ гитаръ, итальянскія озера и путь на Римъ.

— Когда?

— На разсвѣтѣ мы выступимъ на фронтъ. Событія въ Германіи создали временное затишье на сѣверномъ фронтѣ. Теперь мы начнемъ наносить удары на югъ. Завтра утромъ взорвется занавѣсъ, и начнется слѣдующій актъ.

Такъ оно и было. 16 февраля Карахань началъ наступленіе на итальянскомъ фронтѣ, и я сталъ свидѣтелемъ того, какъ второй Аттила огнемъ и мечомъ разрушалъ колѣбель западной цивилизаціи.

18 февраля 1932 года бомбой, сброшенной съ вертолета, былъ убитъ Бенито Муссолини, находившійся въ станкѣ итальянской арміи въ Удинѣ.

Это произошло на третий день после начала наступления красных на итальянские фронты. Наступлением руководил лично Карахань.

Италию охватили отчаяние и ужас. Америка и Западная Европа, отучившись лицом к лицу с новой опасностью.

Радикальная и антифашистская организация, со смертью Муссолини, развила ожесточенную деятельность. Фашистская армия стойко сражалась, пытаясь оказать сопротивление красным, достигавшим на юге от Инсбрука, Ливорно и Кастельфурта и от западных, от Африки направлений.

Австрийская и словенская дивизии, выступавшие под руководством генерала штаба Карахана, были исполнены ненависти к Италии, к ее войскам, к ее правительству, к ее правителям, к ее войскам. Захватив город Триест, и неприятели, вышедший из долины Поэнцо, заставили сдаться вражеской и стратегической, отключив город Герц.

Войска со Сладом, Виллемом и были свидетелями отчаянного воздушного сражения, длившегося десять часов...

За два дня до смерти Муссолини, лично принявшему участие в воздушном бою, суждено было пережить гибель большей части своего воздушного флота и быть свидетелем полного перебега неприятельских воздушных сил.

Карахань также лично принял участие в этом историческом воздушном сражении.

В Милане фашистская милиция была пятнадцать итальянских коммунистов, но несмотря на столь строгий надзор, правительство не удалось оправдать страну от террористических актов, направленных на ущемление ее обороны.

Политические осуждения в ту пору имели существенный удар итальянской армии и вынудили ее к отступлению.

Уличные волнения во Флоренции повлекли за собой возможность захватить город и сдать генерала Мартини с его отрядом.

Открытый путь на Рим был свободен. Рим через неделю, 6 марта, Вечный Город, стал не оказывать сопротивления.

Находясь на тяжелой балюстраде, Воберг, Винней и я

наблюдали за армией, но ожесточенный сражением, на площади Св. Петра. В этом бою под командой Челлини были самые выдающиеся защитники Ватикана — швейцарцы и французы.

Строгий дисциплины, существовавшая в армии красных, была художественным сопровождением Ватикана от разгрома. Но судьба ватиканского св. Петра была не в руках.

Решение Карахана по поводу захвата Пия XI было истолковано католиками как чудо, истинно божественное явление в свете их многочисленных молитв и жертв.

— Это решение Карахана отнюдь не является результатом его милосердия, — сухо заметил Воберг. — Если бы Карахань приказал убить папу, то за этим последовало бы избрание кардиналом нового папы, где-нибудь не предельно высокой должности. Пока Карахань держит папу у себя в плену, он располагает возможностью контролировать его действия.

— А чего ради держать папу в плену? — спросил я.

— А почему бы и нет? — ответил Воберг, — не имевшее папы папство, в плену. Итальянцы держали папу в плену в течение пятидесяти лет. Не имевшие папы католической церкви имеют в положении уника. До 1929 года папа добровольно был митингом и утратил.

Наступил папа Римский, который семья во главе с архиепископом Ватиканом, Эммануилом, захватил в Неаполе и спустил на борт профессора „Триест“.

Впоследствии она была убита в Лиссабоне. Карахань захватил Книжники, и Воберг простер любовь до того, что ответил тем же пациентам и для меня с Виллемом.

В течение этой недели и продолжал идти напролом над подробностями сообщениями о происходивших событиях. Города непрерывно оглашались ликующими возгласами победителей, призывавшими свое государство. В сообщениях и подробно описывали миссионерскую работу старинных итальянских рыцарей и милитариста императорских турок и студентов, тирито пылавшихся избраться на родину через переполненные порты Бриндизи, Неаполь и Генуя.

Дважды об опасности, которая подвергалась стран-

ние из Итали американские туристы, Бинней и я не могли перенестись мыслями из Марго Дениссонг, оставшейся в Ванде и участь которой отличалась бесправностью прибывшей из Ванде жены Карахана.

То обстоятельство, что из Ванде гонимую Марго находилась и Уайтс. Додж, также не способствовало хорошему настроению Сидди, не раз просившего у меня разрешения доставить Марго из Рима. Но я так условился по обещанию своему удаляющийся Вайер.

— Карахан с первого дня прибытия его жены из Ванде знал о том, что она спряталась у нашей секретарши.

Сидди и я обещались удивительными нагадами.

— Уайтс полковника залезли от того, как хорошо поставлена у него разведочная служба, — продолжал Вайер. — Вы напрасно беспокоитесь за их судьбу. Завтра вы увидите их. В три часа мы вылетим со штабом Карахана на север.

Мы вылетели по направлению из Ливорно. Пролетая над островом Эльбой, я подумал о завоевателях, которому судило было пошатать заточение на этом острове.

— Вот уже десять недель, как войска Карахана переступили польскую и румынскую границы. За эти десять недель нам суждено было быть свидетелем больших кровопролитий, чем их было за десятилетия Наполеоновских войн. Вглядитесь на карту, — продолжал Вайер. — теперь, когда наши войска заняли Германию и Италию, наш фронт образует единую линию от Генуи на Средиземном море до Висселингафена на Северном море. Все, что находится на востоке от этой линии, в руках врагов.

— Наш фронт находится на западе от этой линии. Вы были свидетелем наших успехов в Центральной Европе и в части Западной Европы. Кое-где наш фронт оказался сопротивлением, но всюду на помощь нам приходили союзники распри в странах. Теперь нам суждено поиграть силами с союзниками, объединенными и объединенными миром войны. Наши войска угрожают Франции на итальянской границе, и мы увидим сражение, равного которому не было в мире со времени его существования.

На рассвете мы пролетали над Генуей, оставив за собою Средиземное море и широкое Миланское шоссе. Мы летели в глубь материка.

Слева от нас возвышался Приморский Аппен. Перед нами надвигались покрытые снегами, скалы, вершины. В тот момент, когда мы перелетали через Альпы, — это было ночью, — Вайер разбудил меня и сказал:

— Не так давно через эту ледяную преграду перешел другой Наполеон. Он совершил переход через Альпы в каньон шиповника. Мы же минуем Альпы, даже не обращая внимания на них. Наш Наполеон, по всей вероятности, спит в это мгновение крепко спит в забытых аэропланах. Альпы почти по сравнению с его войн.

Мы миновали Швейцарию и спустились в Фридрихсфельд на Боденское озеро. Наш воздушный флот расположился в ангарах, в которых ранее помещались цесарские. Отсюда же в 1928 году вылетел в первый трансатлантический полет воздушный гигант. Мы посетили в Виртемберг, миновали Штутгарт и на рассвете спустились во Франкфурт на Майн.

Во время полета Вайер сообщил мне последние новости с фронта, о том, какие силы сгруппированы на нем.

— Русско-сибирская армия, подкрепленная штабными, логистическими, тыловыми и инженерными корпусами, вместе с реорганизованными армиями Польши, Венгрии, Болгарии и Австрии, составляет на западном фронте армию в миллион триста тысяч человек. В эту цифру входят и сто тысяч армия Германии и сто двадцать тысяч тысяч человек, входящих в состав германской полиции. Все это количество солдат стоит на линии Рейна.

— А как много мы раскрываеме истребительских самолетов?

— Воздушная армия насчитывает, примерно, сто пятьдесят тысяч человек. Англичане имеют во Франции истребители триста тысяч человек. Для того количества прибыли из Англии, оставших в Африке. Французская армия на нашем фронте составляет девятьсот тысяч человек. В общем сила обеих враждующих сто-

ромъ, пригрозю, ропша. Не думаю, чтобы Америка поддержала своих бывших союзников по западному фронту. На сей раз наша страна, Гиббонъ, не пойдет съ Англiей и Францiей, — мы на насъ.

— Съ какихъ это поръ? — осведомилась я у него.

— Съ того времени, какъ американскiй конгрессъ принялъ резолюцию Вертона. Быть можетъ, Америка и сущесво въ предстоящей борьбѣ сыграть пассивную роль, но эта роль въ данное время для насъ важна всего.

Войеръ поинтересовался, что для него это сообщенiе значило политическую неопредѣленность, и сказалъ:

— Вы были востаново заняты разсужденiями въ Европѣ событиями, что происходили все происходящее у насъ дома. Съ начала войны Америка освободена отвращенiемъ къ военнымъ дѣйствiямъ. Этому немало способствовали наши корреспондентки. Наспрошенiе нашей родины, пригрозю, соответствуетъ тому настроенiю, которое было въ началѣ мировой войны. Вилль Вертона, прошедшiй нѣтъ въ конгрессѣ, предусматриваетъ запрещенiе снабженiя враждующими сторонами оружiемъ. Францiя и Англiя и въ этой войнѣ доуказывали оспору, полагаясь на то, что американская военная промышленность снабдитъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Къ счастью Карахана, на сей разъ американская промышленность не оказываетъ поддержки Францiи и Англiи. Америка не дастъ имъ на одного склада, ни одной пушки. Наша военная промышленность работаетъ полнымъ темпомъ. Въ наши руки попали всѣ тайные склады оружiя и военныхъ припасовъ въ Германiи. Въ настоящее время отъ береговъ Тихого океана до Рейна каждый станокъ работаетъ на насъ. Поэтому я и говорю, что законъ Вертона превратитъ Америку въ нашего союзника.

Последняя фраза легла въ основу моего подробнаго сообщенiя, посланнаго въ Америку. Мы нахватались во Франкфуртѣ, гдѣ скрывались въ огнѣ „Найергофъ“ „Линъ и Марс“.

Радъ вспомнить теоретическое послѣдствiе занятой аналитической подготовительности прирѣченныхъ боенъ, въ время которыхъ Караханъ добился того, что противникъ принужденъ былъ занять позицiю, въ которую ему было нанесено рѣшительный ударъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вашингтонѣ и другихъ главныхъ городахъ мира сидѣли офицеры генеральныхъ штабовъ и тѣло пытались, склоняясь надъ картами, постичь планъ наступленiя Карахана.

Сквозь сильнѣею значительности оставившись у меня отъ пятнадцатого полета надъ различными пунктами фронта, были слѣдующи:

Однорукiй пѣхотинецъ или Уэльса, собиравшiй съ ума, тѣло пытались пробиться сквозь полчища италийцевъ, австрийцевъ Брюссель.

Трутъ сѣдобородаго крестьянина, помѣстнаго въ окрестностяхъ Намюра на приоземныхъ заборѣ.

До потери сознания пытался двинувшись, пригрозивъ къ сѣду бороваго казана.

Слѣпой французскiй пудало, бродившiй съ тросточкой по полю.

Первой жертвой воздушной атаки Караханъ имѣли большiе и англiйскiе отряды. Они собрали всѣ свои авиационныя силы, объединивъ ихъ въ мощную эскадру въ сѣверной части фронта и бросили ее на слабѣйшiй пунктъ неприязнительнаго расположенiя.

Этотъ маневръ оставилъ французскiя авиационныя силы, разбросанными по всему фронту и охранявшими свои войска, вражескихъ.

Войска Карахана продолжали продвигаться черезъ Люксембургъ, но обрѣзая вниманiя на орохную убитъ на людяхъ. На нѣкое увеличенiе французской артиллерiи и танковъ атакими полкомъ вырастали полки полчища азиатцевъ, продолжавшихъ наступать на Менцъ и Седанъ.

Затѣмъ бои не прекращались въ ночь, переменились на Мезу, въ Аретонны и въ Вердену.

На нѣтъ отъ Вердена шли Намуръ и Туль, и вражески удалось продвигаться въ центральныхъ на Баръ де Дюль. За Верденкомъ войска красныхъ сконгулялись у Сентъ-Менегуадъ.

Ежедневно въ руны красныхъ переходили города и селенiя, имѣнные со времени мировой войны: Монсефаканъ, Сентъ-Мизанъ, Грантъ-Пре.

Маршалъ Петенъ во главѣ цѣля французской армiи по-

«Красная Папалая»

такая остановить наступление неприятеля на линии Рейнса, Шалль на Магел, Сент-Дизье, Шомон, Ломтра и Дижон.

Несомненно в разгар боя, на этом участке фронта Карахань перенесет операции на франко-швейцарскую границу, и дивизия, назначенная для переброски на север для оказания помощи генералу Петену, принуждена была по приказу генерала Ламона остаться на южном участке фронта.

Приблизно, такое положение дел оказалось к утру 21 марта, когда началось сражение, вошедшее в историю под наименованием третьей битвы на Марн. Битва началась как раз в пятнадцатую годовщину падения германского императора.

И снова советскому командованию пришлось столкнуться с теми же затруднениями, с какими оно столкнулось пятнадцать лет тому назад. Военное ведомство и записки царя в руках основных штабов, не желавших прийти к тому, чтобы всю попытку командования сосредоточить в руках одного штаба.

Английский фельдмаршал, сэр Эдвард Уайтмен, может частично приписать свое ужасное поражение при Сент-Кентену тому, что не сумел договориться с маршалом Петеном, командовавшим французскими войсками, занимавшими соседний с ним участок фронта.

Генерал Сангери, бельгийский командующий, не пришел к соглашению ни с Петеном, ни с Уайтменом — уроки прошлой мировой войны были осмыслительно забыты.

А на этот раз у союзников не было своего Першиппа, который мог бы настоять на том, чтобы стороны пришли к соглашению.

Плант союзников сворачивал из территориально и силному нападению, то-есть к тому же, к чему сворачивал плант союзников в последние три года мировой войны. Плант Карахана сворачивал к быстроте, внезапности, огромной подвижности и эффективности. Его наступление уподоблялось неудержаемому потоку, к которому безпрестанно добавлялись все новые и новые силы из тыла.

В первые пять дней у Карахана было много стол-десять тысяч человек. Французы, потерявшие в первый

день сражения всего лишь двадцать тысяч человек, потеряли в последний день боя свыше ста тысяч людей.

Паль Рейнса — и снова, во второй раз, собор превратился в груды развалин.

Железные орды, продвигавшиеся по тем же путям, по которым в 1918 году продвигались германские армии, выводили Францию.

Во второй раз взлетать на воздух жост Шато-Тьерри. Французская армия была сломлена, — красные заняли долину Марны.

9 апреля войска Карахана заняли Париж.

Победы Карахана, одержанные во Франции, назвали в жрб еще большее изумление, чем одержанные им победы в центральной Европе и в Италии.

Третья битва при Марн дала ему имя, под которым его знают и по сей день — его стали именовать „красным Наполеоном“, хотя и следует признать, что область, завоеванная им, представляла землиц, подвигавшая под власть французского императора.

Французское правительство сформировало тщетную попытку отбжать в Бордо и было свергнуто. Во главе города стал Наварр, король швейцарцев, впервые выдвинувший на поверхность общественной жизни и объявивший, что признается власть от имени Третьего интернационала.

Карахань занял город 3 апреля и расположился во дворце на Елисейских полях.

Я был свидетелем того, как, убранный в своей безопасности, Наварр подымался представляться Карахану и как пять минут спустя он был расстрелян. Эта расправа показала всему беззащитному большинству французских республиканцев, но не смогла положить конец диким сдвигам, продолжавшимся разражаться на улицах Парижа.

Участие всего было выдвинуто в портовых городах западной Европы.

По истре того, как войска Карахана продвигались вперед всё сильнее-сильнее, обещанные латки бросались в бегом и пытались найти спасение в портовых городах.

Сотни тысяч бывших солдат и офицеров, и после того, как была на Марсе была проведена, бросились на Запад — на этот раз число бывших солдат возросло еще сильнее — за счет французских буржуа.

Вся дорога из моря и из испанской границы была загромождена бывшими, передвигающимися при помощи самых разнообразных средств сообщения. Тысячи людей пытались пробраться в Америку, и за это на палубе платили огромные суммы.

Европейские буржуазные деньги утратили на этом последнем этапе общества какую бы то ни было цену. Тысячи американских туристов застряли в этой человеческой лавине. Американские пароходы получали приказ принимать на борт только американцев, но силою и рядом от соблюдения этого правила администрация пароходов уклонялась.

Первый декрет, изданный Караханом в Париже, гласил о возвращении итальянских и французских войск из Северной Африки, что привлекло на его сторону симпатии всех держав.

Одновременно этот декрет возмущал англичан и испанцев также отозвать из Африки свои войска, так как держали их там теперь не имело смысла.

Возвращение испанских войск на родину повлекло за собою революцию. Король Альфонс разделил судьбу остальных монархов европейских монархов и бежал.

Революция пореволюлась и в Португалию. Через неделю приходу испанского короля последовали один за другим и все оккупированные монархи, пославшие упрямцы в Америку. Пребывание в Англии не представлялось надежным, потому что остринское королевство близило к величайшему кризису, который когда-либо случился было ему переживать.

В течение четырех месяцев Карахану удалось овладеть всеми европейскими континентами. Следом за армией Карахана продвигался Маликов, политический организатор караханских побед. В завоеванных странах устанавливалась диктатура пролетариата, — страны присоединились к советскому союзу, признав или объявлялись советскими.

Домы государств были аннулированы. Власти всех го-

сударств объявили мораторий. Все это было проведено в порядке приказа диктатора.

В то время как Карахан не прекращал продвижения своих войск, перебрасывая германские войска в Италию, а итальянские — в Испанию, он обратил все свое внимание на восстановление европейской промышленности и ее мощи. Особое значение придавал сил промышленности, работавшей для нужд войны.

Чтобы вызвать промышленный кризис, были предприняты массовые обыски и реквизиции. Гражданское население начало испытывать все прелести лишений. Тысячи английских, французских, бельгийских и итальянских солдат, отнюдь не согласных с режимом Карахана, отлучившись без средств к существованию и без самого необходимого, оказались вынужденными поступить в армию Карахана. Попадая на улицы без красной повязки на рукаве было рискованно — это означало немедленную отсылку на принудительные работы или в тюрьму.

Неожиданно всему миру пришлось узнать, что следующие народы, которому суждено было почувствовать на себе прикосновение руи Карахана, были евреи, рожденный ему по кресту.

Парижское издание „Чипаго Трибюн“ сообщило о том, что правительство Филиппинских островов не решилось отменить известный закон о ведении бухгалтерских книг, предусматривавший для японских и китайских купцов ведение бухгалтерии на японском языке.

Постоянно усиливающимся отношения между Японией и Филиппинами еще более ухудшились после того, как правительство Филиппин оказало гостеприимство японской императорской семье. Япония металась в агонии, запертую филиппинцами правительством, в вопросе об употреблении японского и испанского языка, как рабочей, и Карахан дал приказ о наступлении японского воздушного и морского флотов в Манилу.

Американские пацифисты развили в сенате сильную деятельность и тем самым, добившись нейтралитета Америки, создали для Карахана благоприятную обстановку.

Линия Австралия выступила с протестом: по поводу занятия Филиппин Японией, но красное правительство не обратило внимания на протест.

Бойер извещивал информировать меня о ходе событий. От него я узнал о перевозке японских войск на транспортных и десантных. Милиция Филиппин, состояла из двадцати двух тысяч туземцев, бывших под командованием американских инструкторов. В течение двух дней она оказывала наступательные атаки, мужественное сопротивление и принуждена была прекратить сопротивление под воздействием более сильного противника.

Манила пала.

Над Филиппинами появился красный флаг, и из гавани вышел японский флот, сопровождаемый французский дредноут „Парис“, на котором находился представитель Карахина.

Карахин провозгласил на Филиппинских островах диктатуру пролетариата и назначил главой правительства Хуана Эспиносу, в течение ряда лет представлявшего Филиппины от Коммунистической партии Филиппинских островов.

Предсказание Бойера, что атаке на Филиппинских не придадут особого значения, оказалось правым. О нем совершенно забыли, потому что главным образом крутились события в Англии. Там все внимание было устремлено на Дэйва Кука, лидера рабочих, и на рост влияния рабочей партии в парламенте.

Рабочая партия Англии использовала разногласия либералов и консерваторов, добилась отмены англо-японских войн из Египта и удаления флота из Средиземного моря.

1 мая кабинет Черчилля попытался добиться объявления всеобщей мобилизации по коммунизму, поддержанное в рабочей партии, покинули здание палаты общин.

Через полчаса восторженные манускрипты гасет объявили о всеобщей двенадцатичасовой забастовке. Пять утрений всеобщей забастовки правительство Черчилля предприняло в итоге в отставку.

Через три дня Дэйв Кук составил новый кабинет, и королю не оставалось ничего другого, как утвердить составленное им правительство.

Первым действием нового премьер-министра явилось назначение нового первого лорда адмиралтейства. На этот пост был назначен, напрось Вилла Брандона, коммунист, по убеждениям, получивший в Юшидском бою крест Виктории.

Брандон тут же приказал всему английскому флоту прибыть в порты Англии и предоставить флоту Карахина возможность свободного прохода через Ламанш.

Это распоряжение вызвало возмущение и привело к первому столкновению между коммунистами и сторонниками старого порядка.

Почти весь офицерский состав флота отказался признать власть Брандона и, вместе с небольшими группами оставшихся верными старому порядку матросов оказала сопротивление. Но это было тщетно. Брандон предпринял его и одновременно подготовил на всех судах красных из этой возможности. В ответ на выступление офицеров, началась бойня.

Не прошло и нескольких часов, как весь личный состав британского флота перешел в руки красных.

А по прошествии сорока восьми часов, приказ Брандона был выполнен, и весь английский флот, включая бывший красной и гордостью страны, встал на якорь в портах.

На борту шлюзов осталась лишь охрана, — что касается до всего личного состава флота, то они получили отпуск. Министры-президенты Кука, объявили этот акт Брандона величайшей акцией, гарантирующей страсти и миру мир и спокойствие.

На самом же деле действия эти гарантировали лишь разрыв общения, что ему и было известно.

Разоружение величайшего в мире флота, отказ от обороны Англии, отказ Великобритании от морского могущества был радостно встречен английскими пролетариатами, тогда как вся остальная часть населения Англии так же, как и население Америки, узнало об этом с ужасом.

На следующий день я сидел в кафе журналистов, и палат общин и был свидетелем того, как Кук, провозгласив, вслащивая слово:

— Товарищи, парламент Англии распускается.

Тихое молчание воцарилось в зале заседаний. А затѣм это молчание разбилось накованною дѣвой части парламента.

Консерваторы, — некоторые изъ нихъ продолжали еще носить цилиндръ — направились къ дверямъ. Но двери оказались запертыми — то было государственнѣйшій переворотъ.

Спеціально приготовленные для этого случая полицейскіе охраняли все выходы и пропускали лишь тѣхъ членовъ парламента. Остальные депутаты были арестованы. До моего слуха съ улицы довелись выстрѣлы, и мнѣ удалось черезъ боковую дверь выбраться съ отвѣдывахъ для журналистовъ мѣсть и выбѣжать на площадь.

Со всѣхъ сторонъ къ зданію парламента стекались массы народа. Надъ толпами рѣдкли красныя флаги и портреты Лейкина, Кархана и Джозу Кука.

Передъ Уайтхолломъ толпы раздѣлились — часть направилась къ Трафальгари-скверу, остальные къ Кингз-бриджу. Я последовалъ за первыми и попытка пробраться въ лондонское бюро „Чингизъ Трибинъ“, возмущавшееся на Флитт-Стритъ 72.

На цоколѣ мавзолея стоялъ какой-то портняжъ-работникъ. Бривъ его были засучены до локтей, красный носовой платокъ хваталъ его шею — онъ прятался. Собраннымъ нѣтъ на Трафальгари-скверѣ. Голосъ его былъ хриплымъ голосомъ зашедшаго, уличныхъ матингомъ.

— Къ дворцу! Буланчивому дворцу! Четыре года я проливалъ во Франціи кровь за короля? Чего ради? Для того, чтобы потогъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ голодать и мучаться! Милліоны нашихъ братьевъ погибли ради ихъ империалистическихъ замысловъ, десятки тысячъ продолжали жить и по сіе время въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Индіи. Во дворцѣ!!

Лицо оратора стало отъ напряжения свѣтлѣе, фиметомъ, словно поблескивавшее на стеклахъ отъ огня, придавало ему сходство съ достойнымъ пинкомъ.

Толпа подхватила его возгласъ, и затѣмъ по рядамъ пробѣжали слухи о бѣгствѣ короля.

Массы послѣднихъ въ Пелли-Мелли, минуя врата Адмиралтейства. Было темно. Отъ Пикадилли и парка приближались

колонны демонстрантовъ, заливавшихъ Реймаркетъ, Редменъ-Стритъ и Сентъ-Джеймс-Стритъ.

Шотландскія гвардіи у дворца отирали глаза какъ разъ въ то мгновеніе, когда чернь достигла памятника Виктории.

Мой старейшій пріятель, майоръ Обрей Куперъ, былъ подхваченъ толпой у бронзового портала дворца и булвара разорвать на куски.

Выстрѣлы гвардейцевъ лишь усладили гнѣвъ толпы. Она отпрянула назадъ, и на улицахъ стали расти баррикады изъ опрокинутыхъ автобусовъ, скамейки — передъ ними росли горы вывороченнаго голыми руками булыжника.

Подобнымъ же сценамъ разыгралась въ этотъ день во всемъ Лондонѣ. Повсюду, гдѣ полиція или войска подумали оказать сопротивленіе, неизбѣжно откуда пошла орудія. Неизбѣжно откуда появились организаторы-коммунисты руководили ходомъ уличныхъ боевъ.

Послѣ обѣда къ повстанцамъ, подписавъ подражаніе — на Паркѣ прибылъ отрядъ Карханинской арміи, тутъ же переброшенный на островъ, какъ только тамъ стало известно о проваждившихъ событіяхъ. Этому отряду, численности не въ одномъ европейскомъ сраженіи, уличнымъ схваткамъ въ Лондонѣ показались лишь чѣмъ-то шуточными, и они выжили въ ходъ событий лишь тамъ, гдѣ сила повстанцевъ оказалась недостаточной.

Вотъ въ Лондонѣ длились три дня. Шотландцы, занимавшие Буланчивой дворецъ, были перебиты до послѣдняго человѣка, а дворецъ разграбленъ — его сокровища стали достояніемъ развѣдывающихъ женщинъ и подозрительнаго люда.

Послѣдствіемъ мнѣ стало известно, что вся Англія и Шотландія пережили примѣрно то же самое, что выпало на долю Лондона. Консервативные представители власти, марш и члены муниципалитета были убиты, та же участь постигла большое количество полицейскихъ.

Въ теченіе двухъ недѣль не было никакихъ свѣдѣній о судьбѣ королевской семьи. Потомъ стало извѣстнѣе, что новозеландскій крейсеръ „Мангару“ доставилъ ихъ въ Галифаксъ.

Сипду Виннию удалось, при помощи взятыхъ въ двадцать пять фунтовъ золота, получить въ свое распоряженіе аэро-

планы, принадлежавший раньше „Чикаго Трибюн“, и вылететь с ним, сообщением, в Париж.

На обратном пути он доставил ко мне в Лондон: Вейера и Марго.

Вейер помог мне добиться интервью у Буа, главы предсталливого в Англии рабоче-крестьянского правительства и сообщившего мне, что английский флот снова слабее, чем раньше, и что англичане находятся в расстройстве из-за Каракана.

Будь сообщено мне, что вот уже десять лет, как на каждом английском судне имеется тайная коммунистическая организация.

20 июня Каракан обнародовал закон об образовании Панъ-европейского Союза Социалистических Республик и предложил пролетариату несуществующей тогда Великобритании присоединиться к этому союзу.

Англия, Шотландия и Уэльс должны были образовать автономную республику.

Впервые в истории Европы и Исландия оказались едины во своем суждении — оба части отказались от сближения с Караканом.

Канада, Новая Зеландия и Австралия слышали и отвергали образцы протестов против проекта Каракана.

Английские радикалы заявили мне, что они очень удивлены тем, что наиболее рьяные поборники проекта Третьего Интернационала не обратились со стороны рабочего правительства Австралии.

Неожиданно я получил телеграмму от своего австралийского приятеля Тима Кинна, которому довелось прочесть в „Виллеттс Сидней“ мое корреспонденция.

— Англия была мила и сонна с ума, но Австралия разума не утратила. Мы все — американцы, канадцы и австралийцы — кричали во Францию. Если понадобится, мы снова пойдем в бой. У нас в Австралии — рабочее правительство, но мы никогда не принесем в жертву своей чести и достоинства.

Австралийская радио-станция радиослала обращение к немцам, участникам в сражении, полунаркам консервативным.

правительствами. Эти обращения были адресованы в Ванкувер, Оттаву, Вашингтон, Дублин и Белфаст.

На улицах Брисбена и Сидней происходили демонстрации, и правительством объявлено, что отказывается принять предложение Каракана.

Это решение определяло дальнейшую судьбу Австралии.

Каракан вылетел в Лондон и предложил адмиралтейству направить в Австралию в помощь японскому флоту эскадру из двадцати линейных судов.

В переломные часы боя, под охраной судовых орудий, неприятели выдвинулись в Сидней. Десанту предшествовал бой в воздухе, в котором японские воздушные силы одержали победу над австралийцами.

„Потери австралийских войск, пытавшихся воспринять десант японской операции, были ужасны“ — так гласило сообщение японского военного корреспондента Ферри, опубликованное на следующий день в Лондон.

„Вскоре отряды вооруженные лишь легкой артиллерией, пытались сопротивляться и были уничтожены огнем наших судовых орудий. Борьба была очень краткой.

Наши войска без особого труда смогли вступить в Сидней, но австралийцы не сумели оказать на улицах города сколько-нибудь серьезное сопротивление, повлекшее бы за собой гибель многих.

Благодаря этому, город подвергнут был полному уничтожению.

Сидней залит кровью, и по сей день невозможно очистить его от трусов, представляющих опасность для наших войск.“

Через несколько дней мир с ужасом узнал о том, что произошло на японском полуострове. За боем в Сидней последовали бои в Аделаиде, Брисбене и Мельбурне. Население Гобарта-тоуна в Тасмании было вынуждено до последнего человека.

Порты Веллингтон в Новой Зеландии были захвачены до конца. Та же судьба постигла Окленд.

Австралийская эмиграция в США, русско-американцы привозились

участіе въ мировой войнѣ новозеландскихъ офицеровъ, показавъ бой, предпочитавъ смерть рабству подъ властью желтыхъ.

По произшествіи нѣсколькихъ дней я узналъ благосклонный моментъ и спросилъ Карахана, произошло ли это безжалостное уничтоженіе семи миллионовъ людей по его приказу?

Он совершенно спокойно, лишь слегка удивляясь тому, что я смелъ пытаться осведомиться объ этомъ совершенно очевидномъ фактѣ, онъ отвѣтилъ:

— Разумѣется. Это было нужно для будущаго человѣчества.

Онида и я сидѣли въ нашемъ бюро. Стояла теплая июльская ночь. Я диктовалъ Марго очередную корреспонденцію объ этой фразѣ прасяго Наполеона.

— Господи, спаси мою страну и моихъ братьевъ! — сказала она, закончивъ писать корреспонденцію.

— И вѣдь, и нашу страну, — добавила Сидди, — вѣдь затѣялъ нашъ чередъ.

Онида сказала правду — нашъ чередъ наступилъ гораздо раньше, чѣмъ мы могли предполагать.

6

„Караханъ предлагаетъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ присоединиться къ Красному Союзу.“

Съ тѣмъ же энтузіазмомъ вышли американскія газеты, сообщившія объ официальномъ обращеніи Панамериканскаго Союза Соціалистическихъ Республикъ къ народамъ Сѣверной и Южной Америки.

И съ тѣмъ же энтузіазмомъ вышли 25 августа 1933 г. и лондонскія вечернія выпускныя газеты. Я получалъ газеты въ тотъ моментъ, когда вѣстѣ со Сиддогомъ и Марго сидѣли за радио-аппаратомъ, устанавливая на волну Нью-Йоркской станціи. Съ той стороны океана до меня доходила гонимая мною

пріятеля Давида Лоуренса, политическаго обозрѣвателя въ Вашингтонѣ.

Онъ говорилъ:

— Возбужденіе, охватившее столицу, еще значителѣе, чѣмъ то, которое царило въ городѣ въ рѣшительные апрѣльскіе дни 1917 года, когда Америка вступила въ войну.

Передъ зданіемъ Вашингтонскаго почтамта скопились толпы народа.

Несмотря на то, что созванный президентомъ панъ-американская конференція выразилась уже въ пользу, народъ продолжалъ толпиться передъ Вѣлостью Демоса до утра.

Докторъ Роу, председатель панъ-американскаго союза посылалъ меня въ подробности хода конференціи.

Всѣ двадцать одна американскія республики были представлены на засѣданіи своими посланниками или делегатами, — отсутствовали лишь представители Никарагуа, возмущенный изъ родины въ виду того, что тамъ вспыхнула революція.

Статсъ-секретарь Кошверъ Робертсонъ открывалъ засѣданіе, наразивъ съмахомъ, что впервые со времени образованія Союза въ 1889 году союзу предстоитъ разрѣшеніе политической проблемы. Предложеніе, сдѣланное Караханомъ, требуетъ отъ американскихъ республикъ, если не совѣстившихъ дѣйствій, то хотя бы совѣстнаго обсужденія.

Что касается позиціи Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ вопросѣ, то Соединенные Штаты предпочли предложеніе Карахана отклонить.

Затѣмъ послѣдовала трехчасовая обіида, мѣлкій, закончившійся тѣмъ, что собравшіеся делегаты высказались за необходимость запросить инструкціи отъ своихъ правительствъ.

Несмотря на сильный дождь, у зданія, изъ коихъ происходило засѣданіе конференціи, толпился множество народа. О немъ, какое впечатлѣніе произвело предложеніе Карахана на Америку, лучше всего судить по газетамъ, вышедшимъ на слѣдующій день. Въ нихъ Караханъ изображался въ видѣ зловѣщаго и жестокаго существа, противнаго опроверженнымъ руса въ дѣлѣ Славу. Караханъ возсѣдалъ на грудѣ дымящихся ружейныхъ и человѣческихъ череповъ, олицетворявшихъ собою захваченные имъ матеріи.

Передовые статьи газеты были написаны приватно, в тайном же духе и предостерегали американцев о надвигающейся опасности.

Несмотря на то, что предложение Карахана противоречило политическим, хозяйственным и социальным идеалам Америки и ее называло расизмской, некоторым из лондонских газет поступилим обстоятельством, что во ряде стран предложение Карахана встретило сочувствие.

Телеграммы из Нью-Йорка сообщали о столкновениях на улицах, — приверженцы Вильяма Фостера, Беня Гитова и других коммунистов, требовали на митингах, чтобы Америка присоединилась к красному союзу.

Во время происшедшей на улицах свалки и последовавшей за тем панни, две работницы были задвинуты на смерть.

В Ланкаширском подготовились к отказу Соединенных Штатов принять предложение Карахана, но там предполагали, что оставшиеся континентальные государства не проинят единую. Последовавший со стороны всех американских республик отказ был признан силой и единством.

В день получения отказа мы пришлось видеть Карахана. Счастливое пребывание на фронте породило между нами некоторое дружба, — со своей стороны я отнесся к диктатору очень поинтересованно, в соответствии с его пожеланиями. Принципиальное глава Карахана застал на моем лице.

Глядя на него, я с трудом мог поверить, что этот японский художник-ремесленник, которому исполнилось тридцать три года, может через в один год суметь завоевать Европу, Африку, Азию и Австралию. Из двух миллиардов людей, составляющих население земного шара, три четверти находились под его властью. Завоевания Цезаря, Гангиса, Александра, Наполеона были превзойдены силой желтокожих человечком.

— Настанет день, когда вы, американцы, будете вынуждены принять мое требование, — сказал он, не спуская с меня взгляда. — Вы можете это не осуществлять сейчас, но придет день, когда это осуществится. На сейчас должна существовать только одна раса, и эта раса — человечество.

Я спросил, не поразили ли его отказ Америки принять его предложение.

— Нет. Я ожидаю этого, и отказ этот совпадает с моими планами.

Своей явной точку зрения высказала притом печать всего мира. Газеты Лондона, Парижа, Берлина, Москвы и Вены уделили очень много внимания отказу Америки, и в ту же ночь передали содержание появившихся статей в Америку. Вот что писали газеты Карахана:

„Мы протянули руку помощи и предложены братской силой трудящихся Америки, но наше предложение было отвергнуто финансовыми мажорами и рабовладельцами, властвующими по ту сторону океана...“ („Юнионист“, Париж).

„Полтора миллиарда рабочих Европы, Азии и Африки дадут американскому капитализму достойный ответ...“ („Форверкс“, Берлин).

„Тыло Ленина покинута в московском извозе, но дух его живет. И не Америка крадет его победное шествие...“ („Ньюс“, Москва).

„Америка не сможет проинять желанию трудящихся всего мира оить преграды, разрушения мира. Дело идет о счастье всего человечества...“ („Авантис“, Милан).

Лондонский „Дейли Геральд“, несмотря на коммунистическую окраску, написал со статей явного диалектического характера:

„Мир, устал от владычества Азии. Надо положить этому владычеству конец.“

„Красный флаг — символ всех флотов в мире.“

„Наше воздушное море превосходит силы американской авиации.“

„Красная армия одержала известную победу над своим противником и сможет склонить к своему победному врагу.“

„Карахана генеральный командующий в мире...“

„Наше солнце никогда не закатывается в странах Красного Союза.“

— Какую еще разницу антидизин, — замечала Марго, передавая мне некоторые из этих статей. — Все эти газеты находились вблизи от расположения Карахана и печатаются

лишь то, что он не умеет печатать. Я не думаю, чтобы эти статьи выражали мнение народов, от имени которых он говорит.

— Быть может, вы и правы, но вскоре нам удастся создать соответствующее построение, — заметил Свидь. — Эта глупая обезбашенность — начало самостоятельной жизни пролетариата американцев.

Свидь был прав. Печать и радио объявляли подлинный крестовый поход против Америки.

Несколькоми днями спустя я встретил Уайта Даджа из американского клуба на Пикадилли. Он был в ужасе:

— Они работают по-всю и делают все возможное, чтобы разжечь на народах ненависть к Америке, — сказал он. — Русские рабочие они постоянно повторяют о том, что миллионы американцев оказывали поддержку Ленину, Врангелю и Колчаку в борьбе их с Лениным и Троцким. Газеты полны сообщениями о действиях американского экспедиционного корпуса в Архангельске и американских отрядах в Сибири. В Берлине возмущают о „лицемерии лжи“ и о лживых четырнадцати пунктах Вильсона. Французские коммунисты твердят о долгах Франции Америке. Милан, Рим и Неаполь вспоминают о долгах Савойи и Виллети и о тяжелых порядках на Адалье-Исмаиль. В Африке негроты ухаживают в том, что американцы — трусовые лавовые и что для них американцы негроты являются любимыми видами спорта. В Японии и на густонаселенном Кипре безпрестанно напоминают о том, что цветные расы для американцев являются расами низшего порядка, и что поэтому американцы радуются запретительным мерам, пытаются лишить их возможности иммиграции в Америку. Всюду стремятся к одному — к тому, чтобы пробудить на народах ненависть к дяде Саму.

Через несколько дней нам была читана одна из американских газет, помещавшейся на Трафальгар-Сквер, была брошена бомба на автомобиль Карахана.

При взрыве бомбы были убиты одиннадцать человек и

четыре ранены, — автомобиль был разбит, а сам красный диктатор, раненый осколками бомбы, потерял сознание.

Террористом, покушавшимся на жизнь Карахана, оказался Джулио Веронико, личный камердинер Муссолини, присутствовавший при гибели итальянского диктатора в Удине.

Веронико был арестован и с гордостью признался в том, что в его замысле входило освободить мир, от красавого коммунизма и долготного нашествия, и что лишь сожалел он: хотеть отомстить за смерть „величайшего человека современности“.

Он признал, что действовал по своему личному побуждению и ни с какими организациями в связи не состоял. Но все же он признался в том, что после падения Рима бегал в Америку и жил в Нью-Йорке в итальянском квартале. В Англию он прибыл всего лишь месяц тому назад.

Этого обстоятельства оказалось достаточно для того, чтобы вся печать Карахана возложила ответственность за это покушение на Америку.

Америке было брошено обвинение в том, что она дает возможность укрыться подозрительным элементам, таинным контр-революционным замыслам и организовывать заговоры.

Иностранное ведомство Соединенных Штатов тут же опровергло все эти обвинения и выразило свое сожаление по поводу случившегося.

Американский посол в Лондоне лично принес Карахану поздравления по поводу благополучного исхода покушения.

Раз, как-то Карахану, была очень незначительна, и для того, чтобы невеста успокоение в население Лондона, он вышел на балконе дворца и показавшись собравшимся перед зданием толпам. На эту Карахана приседала была толпа. Мы всегда замечали это явление — восторженное толпы и стройная фигура Карахана, вышедшая на балкон в ту же облегающую его стани, френч защитного цвета.

Лицо его было по обыкновению сурово: он принимал восторженный свист толпы так же, как и Муссолини, — лишь нечто ему подобное.

Воспрет отношения между Красным Союзом и Соединенными Штатами, повторенный покушением, стали еще более натянутыми.

В ночь на 19 ноября 1932 года пароход из шести тысяч тонн, „Сандино“, плывавший под флагом республики Никарагуа, направлялся из Панамского канала. Согласно установленному порядку, он остановился около острова Фламенго и привалил на борт дозора и следовавших за дозором таможенных чиновников.

Дозорный перешел руль парохода, а таможенники и члены портового управления прощали в капитанскую каюту проследить судовой бумагой. Обычно эти формальности выполнялись в то время, когда пароход брал курс к сигнальной станции, выходящей у лода в канал.

Что развилось на борту парохода, осталось неразрешенной загадкой.

Из пятидесяти человек экипажа „Сандино“ и четырнадцати человек, доставленных на борт вместе с дозором, в живых не осталось ни одного человека.

„Сандино“ приближался к сигнальной станции с огромной быстротой.

Приближающийся пароход не дал установленный морским регламентом сигнала, и сигнальная станция потребовала следовать сигналам, чтобы находящиеся на борту парохода американские чиновники просигнализировали ответ. Но ответа не последовало, — „Сандино“ продолжал приближаться к сигнальной станции с возрастающей скоростью. Сигнальная станция потребовала от „Сандино“, чтобы он остановился, но и это требование осталось безрезультатным. Следующий сигнал станции гласил:

„Немедленно стать на якорь или будет открыт огонь!“

И в то же мгновение была поднята тревога, и пушки фортов были направлены на таинственный пароход. Не обращая внимания на сигналы, „Сандино“ продолжал идти по своим курсом.

Раздался грохот, и в судно полетела трехдюймовая граната. Ракеты, сброшенные парашютами повисли в воздухе и осветили судно. При свете ракет удалось рассмотреть, что

на палубе „Сандино“ шел рукопашный бой, прерываемый трескотней револьверных выстрелов.

Два десятка орудий, выведенных на „Сандино“, дали залп. Снаряды, попавшие в цель, вызвали огненный взрыв.

„Сандино“ превратился в огромный столб огня. Раздался ужасный грохот — от соприкосновения воздуха потянулись пылающие огни на протяжении восьми километров, в округности.

Береговые укрепления были осыпаны градом осколков. Командующий канальной войной тут же принял соответствующий меры. Орудия солдат и морской пехоты заняли важные пункты у шоссе, артиллеристы приняли замаскированные береговые орудия в боевую готовность, авиация вылетела на воздушную разведку, а истребители и подводные лодки повелись хорошо повеселиться в береговой воде.

На следующий день информационная служба Соединенных Штатов установила, что „Сандино“, плывший под флагом Никарагуа, был зафрахтован ливерпульской фирмой и вышел четыре дня тому назад из порта Салина-Круц с грузом какао.

Когда эти обстоятельства стали известны, исчезли все сомнения относительно намерений „Сандино“. Пароход, выйдя из Салина-Круц, выбросил свой безвредный груз за борт, и привал к берегу всего четыре тысячи триста миль. В заданную „Сандино“ входило морозиться в канал и там сжечь блокпосты его.

Эта попытка называлась в Америке самым опасным. Вашингтон, предполагая, что лондонское правительство принесет соответствующий приказ случае нападения, но американцам суждено было пережить еще одну неожиданность.

Правительством Карахама было подано заявление о нападении на „Сандино“ ирландских ирландцев и потребовало тщательного расследования гибели парохода, на борту которого находилось двадцать два гражданина Красного Союза.

Поведение администрации было квалифицировано в адрес Карахама как „безответственное“.

Пока министерства иностранных дел Лондона и Вашингтона обменивались телеграммами, американский флот в

течение долгого времени стационариваний в Тихом Океане, вытравившись через канал в Карибское море.

Весь этот маневр был проведен тайно, и мир узнал о нем лишь тогда, когда весь эскадр американского флота собрался в Атлантическом океане у входа в Панамский канал.

В ответ на последовавшие со стороны торговцев, каперов и пиратов, расположенных на побережья Тихого океана, протеста правительство заявило, что сосредоточение войск морских сил в Атлантическом океане вызвано тем, что враждебный флот, состоящий из судов, ранее входивших в состав английского, французского и итальянского флотов, а также подпольный японский флот, переведенный в европейские воды через Суэцкий канал, постоянно преследует атлантическую эскадру Америки, что пришлось прибегнуть к этому мероприятию.

Некоторые из газет Америки тут же подняли кампанию, разглашавшую недовольство тем необходимостью этого мероприятия, а потом последовало событие, окончательно убедившее американских публицстов в необходимости умолкнуть.

Мексиканскому посланнику в Лондон было сообщено, что если Салинас-Круц немедленно не улизнет извергательской фирме, зафрахтованной потопившей пароход, десять миллионов долларов в возмещение понесенного ею ущерба, то Панамериканский совет высадит в гавани десант и переймет на себя управление портом. От лица извергательской фирмы в качестве ее правопреемника выступил Красный Совет.

Правительству Соединенных Штатов, узнав об этом акте правительства Карахаи, немедленно сообщило, что подобные действия будут истолкованы не только как акт, направленный против Мексики, но и против Соединенных Штатов.

Американская пресса заканчивалась упреками во то, что высадка войск в Салинас-Круц явилась нарушением „Доктрины Монро“.

Вашингтон предлагал какому правительству взять обратно свой ультиматум и соглашался на то, чтобы вопрос о

возмещения убытков стал предметом суждения третейского суда. Со своей стороны Соединенные Штаты готовы были гарантировать уплату мексиканским правительством, требуемой суммы, в случае если такое решение будет вынесено третейским судом.

Неофициальный отбор Карахаи гласил следующие обрывки:

„Что такое доктрина Монро?

Несмотря на самый тщательный просмотр содержимого дипломатических архивов всех государств, в настоящее время входящих в состав Союза Социалистических Республик, не удалось найти ни одного документа, из которого явствовало бы, что эти государства признали на себя обязательства отказаться от запрета права своих граждан перед другими государствами.

Также правительству Панамериканского Союза неизвестно о том, чтобы когда-либо какая-нибудь или республика Центральной или Южной Америки признала так называемую американскую доктрину Монро.

Союз Социалистических республик также отказывается признать ее.“

Это было равносильно объявлению войны!...

Секретари посольства и атташе сфинили опорожнить личные письменные столы, уничтожили вывешенную переписку и тайно покинули из отряда, — вот какую картину и застали явившиеся в американское посольство на Гросвенор-Сквер. Мне удалось незаметно поговорить с женой атташе Дотсон, обложившей меня, что высадка войск Карахаи в Салинас-Круц преследует ту же цель, которой не могла достигнуть „Салпаго“, и что крайне необходимо то, что бы ни стало разрушить канал. Они объяснили мне, что эскадра в Салинас-Круц предпринимается для того, чтобы отвлечь внимание части американского флота и заставить нашу империю ослабить наши морские силы путем частотной переброски его в Тихий Океан.

Если действительно Карахаи питал подобные замыслы, то ему суждено было привираться с крушением их: американский флот остался в Карибском море, где ему предло-

дло бороться съ объединившимся флотом, входящим въ состав флота, европейских держав.

Сидя въ своемъ бюро, я занималась очередную корреспонденцию, посвященную памятности военного столетия. Други въ мою комнату зашли Сиди, Винни и Уайт Дорси.

Я не знала, у кого изъ нихъ раньше выразился этотъ вопросъ, — возможно, что они произнесли эти слова одновременно:

— Гдѣ Марго?

Марго Денисовъ пришла — съ утра ее никто не видѣлъ.

7

Накануне начала военныхъ дѣйствій мы, трое американцевъ, сидѣли вечеромъ въ Лондонѣ и не могли ни о чемъ думать, кроме какъ объ этой молодой англичанкѣ.

Сиди, Винни и Уайт Дорси были любимами въ Марго, но подъ влияніемъ угрозившей ей опасности забыли обо всѣхъ своихъ распряхъ и о соперничествѣ.

Красный революціонный Лондонъ, столица советскаго Пяти-европейскаго Союза, былъ одновременно и штабъ-квартирой диктатора. Лондонъ больше не походилъ на Лондонъ короля Георга V.

Положеніе Марго въ этомъ городѣ было чревато радостью опасностей. Старая расовая гордость не позволяла намъ прикрититься съ тѣмъ, что русскими прегрѣды, отдѣливши бѣлыхъ женщинъ отъ мужчинъ желтой расы.

Городъ былъ выходящею военными всѣхъ расъ, причудливо перебивавшимися съ солдатами различныхъ европейскихъ арій, и весь этотъ возмущенный обрядъ ливидаль, улицы, рестораны и трактиры мирового города.

Эти солдаты продавали радъ походить, участвовали въ ужасной австралийской бойнѣ, услали пикантъ сладость хозяйничанья въ друтихъ европейскихъ столицахъ и ливидаль моментъ, когда имъ позволено будетъ расправиться и съ этимъ городомъ.

Марго застряла въ этой ужасной жиданнѣ людей. Врядъ ли могъ бы я въ болышей степени безпокоиться о ней, если бы она была моею родной сестрой.

Моя пріязнь къ ней со времени той ночи въ Москвѣ, когда мы ее вывободили изъ ночной свалки въ ресторанѣ, только возросла.

Вотъ уже рѣдкіе мѣсяцы, какъ она не покидала меня, приходи жибъ на помощь въ минуты самой напряженной работы. Ничто — ни тяжелая работа, ни утомительные перебѣды — не могло помѣшать ей исполнить свой долгъ.

Въ Парижѣ и въ Лондонѣ Марго, бывшая свидѣтельница напряженной работы, происходившей вокругъ Карахана, предпринимала изъ своей личной секретарши въ чужаго сотрудника. Она была прекрасно осведомлена обо всемъ происходившемъ вокругъ насъ, обладала безграничъ запасомъ свѣдѣній по вопросамъ европейской политики и хозяйства. Невсѣршенный запасъ ее силъ и огромныя познанія были изумительны.

— Это какой-то адъ, — сказала Уайт, стиснувъ зубы. — У меня чешутся руки при видѣ этихъ жалкихъ образцовъ.

Винни была такъ сильно заволнована, что не могла въ спокойнѣе вынуть изъ себя хотя бы слово.

Мы назвали радъ справку, но намъ удалось лишь выяснить, что Марго позвонила по телефону, и она уѣхала въ закрытой машинѣ.

Лучъ надежды зародился въ насъ слова Вейера.

— Съ всемъ этимъ не случилось, — сказала она — намъ слѣдуетъ выждать.

Въ ночь на 2 января 1934 года мы получили свѣдѣнія о воздушной бомбардировкѣ, которой подвергся городъ Салман Круль, и о высвѣдѣ десанта на мѣстечкѣмъ побережьи.

Населеніе Лондона было ошелощено объ этомъ экстремнѣе вышедшемъ газетъ, вышедшемъ на десяткѣ различныхъ языковъ. Торжественно толпы, вышедшихъ на улицы, достигло много.

Суди по описаннымъ газетъ, можно было съжидать ожиданъ перваго вооруженнаго столкновенья отрядовъ Карахана съ американцами.

Соединенные Штаты должны до свѣдѣній кроваваго Напо-

лесно, что попытки проникнуть на территорию Мексики будут истолкованы, как нарушение договора Монтре, и повлечет за собой военный конфликт с Соединенными Штатами.

Въ отъѣзѣ на это опубликованное официальное сообщение армейской штаб-квартиры гласило следующее:

„Высадка сибирскихъ, монгольскихъ и японскихъ силъ въ Салтин-Круцъ проведена безъ большихъ потерь.

Высадка десанта была произведена подъ защитой японскаго праснаго флота, и ей предшествовалъ обстрѣлъ города. Наши войска продвигаются вдоль жезраной дороги на северъ въ направлении на Техуалтепекъ.

Мексиканскія войска отступаютъ къ западу Канчез. Наши воздушный флотъ продолжаетъ преслѣдовать непріятеля.“

Впоследствии явилось известіе, что въ тотъ моментъ, когда мы въ Лос-Анжелесѣ читали первыя сообщенія съ фронта, произошло первое столкновение красныхъ воздушныхъ силъ съ аэропланами Соединенныхъ Штатовъ.

По моей просьбѣ, Караханъ предоставляетъ мнѣ возможность познакомиться съ ними.

Въ палатѣ Вулвингемскаго дворца царилъ большое возбужденіе. Изъ прикомандованной мнѣ рабочей кабинеты диктора, и я отлучился въедини съ переводчицею Наполеоникой.

Караханъ сѣлѣ за большимъ столомъ. Наклонивъ голову впередъ, онъ изучалъ разстеленную передъ нимъ большую географическую карту. На картѣ выдѣлялись разноцвѣтные флажки.

Провело шѣпотомъ минутъ, прежде чѣмъ Караханъ, оторвавшись отъ созерцанія карты, поднялъ голову и взглянулъ на меня. Онъ не удостоилъ меня словеснаго пріянтія.

— Въ чемъ дѣло? — прозвучалъ вопросъ, и голосъ его былъ сухъ и жестокъ.

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать, что беру данное вамъ честное слово назадъ, — сказалъ я, — вы находитесь въ состоянии войны съ моею родиной. Проидетъ нѣсколько часовъ, и война станетъ фактомъ. Я гражданинъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и въ качествѣ таковаго нахожусь при васъ въ теченіе послѣднихъ дней. Я долженъ образовать научающія цѣлѣмъ оказавшее мнѣ вниманіе и добротѣ. Вамъ,

извѣстно, каковы я мнѣнія о патриотизмѣ и долгѣ передъ страной. Я никогда не скрывалъ этого отъ васъ. Поэтому я прошу разрѣшенія обратиться къ себѣ на родную съ обоями моими соотрудниками.

Послѣдовало долгое молчаніе. Стальное лицо Карахана пожелтѣло въ моментъ молч. Несмотря на все стараніе разгадать, что таилось въ его душѣ, я почувствовалъ себя бессильнымъ передъ этой задачей.

Наконецъ, Караханъ заговорилъ:

— Миръ (слова) на порогѣ новой эры. Земной шаръ слишкомъ малъ для того, чтобы на немъ могли существовать двѣ различные и взаимно исключавшія другъ друга политическія системы. Миръ долженъ быть принеся къ единству, и онъ долженъ падать подъ единую власть. Я не сомнѣю о томъ, что произошло въ Салтин-Круцѣ. Если бы это не произошло, то же самое случилось бы въ другомъ мѣстѣ. Я горжусь тѣмъ, что со временемъ заключеніе мирнаго мира я оказался въ состоянии реорганизовать свою армию такимъ образомъ, что могу теперь пойти навстрѣчу къ новымъ побѣдамъ. Наполеонъ завоевалъ всю Европу, но оказался безсильнымъ передъ недолгой водой, опрѣсненной Англіею отъ материка. Я завоевалъ весь міръ, за исключеніемъ западнаго полушарія. Даманіе остановить Наполеона, и это стало началомъ его конца. Въ этомъ крылась его ошибка, а я учился на его ошибкахъ...

Никогда мнѣ не приходилось слышать отъ Карахана такого обилия словъ. Но онъ продолжалъ:

— Народы Нового Свѣта видѣются въ то, что Атлантический и Тихій Океаны послужатъ для насъ надѣжной преградой. Въ этомъ наше заблужденіе. Океаны больше не являются для меня препятствіемъ. Вамъ извѣстно, каковы размеры и населеніе: за мною стоитъ 900 милліоновъ Азии, 400 милліоновъ Европы, 180 милліоновъ Африки. Въ лагерѣ провиніи 130 милліоновъ Северной Америки и, быть можетъ, 40 милліоновъ обитателей Южной Америки. Состоитъ эта колоссальная: полтора миллиарда людей противъ двухъ сотъ милліоновъ! Въ нашей власти промышленность трехъ континентовъ, неисчерпаемые запасы сырья. Вся европейская промышленность обременена и работаетъ исключительно, производя лишь потребности.

Империализм и возникшие распоряжения торговый флот достаточно велики для того, чтобы перевести через океаны любые количества солдат и боевого снаряжения. Не пройдет ли сутки, как наш флот будет владеть морями на всех морях. Ни один пароход не сможет выйти из плавание под чужим флагом — на морях будет только наш флот!

Последнее обстоятельство я упустил из виду. В самом деле, каким образом удалось бы мне переправиться в Америку?

— Мои армия и флот существуют на всей земле: ширь, — широко продолжал Каракан. — Я хочу в войну с уверенностью, что у меня имеются неисчерпаемые человеческие резервы, и что я могу позолотить любую убыль из своих рядов, как бы велика она ни была. Как вы предполагаете, чего ради подумал я взять разорвать в течение целого года быть свидетелем моих приготовлений к войне? Вы обладаете острым зрением, и вы явно пишете о том, что видите. Я надеюсь, что наши земляки прочтут ваши корреспонденции, убедятся в том, что попытка сопротивляться мне обречена на неудачу. Теперь мне придется прибегнуть к силе — сила научит их многому.

— Теперь переходю к вашей просьбе. Вам, разумеется, известно, что я могу без особого труда удержать вас при себе. Я бы мог это сделать без всяких утрат для себя. Советую во время войны — политический балласт, но я все же предпочту вас отправить на родину. Ошибки жажда предостережениями идти мне на пользу. Своей большой ошибкой, допущенной обидной стороной по время мировой войны, было наделение военной цензурой и жажда скрывать все сведения военного свойства. Цензура не имеет себя оправдания, она была учреждена радиотелеграфом и штабом, пытаясь при этом помочь скрыть от населения свои ошибки и преступления.

— В Европу по моему приглашению были приглашены представители — не было их свидетелей из Варшавы и из Бухареста. Вы видели, как представители буржуазии полагались на своих агентов в Вильне и в Вильнах; как в Вильне, как в Италии были такие фаншесты; вы были свидетелем массовых расстрелов в Англии, Франции и Испании. И я

позволяю вам писать обо всем этом, не отбрасывая нашего литературного дара. Почему и позволяю писать вам обо всем этом с такими подробностями? Да потому, что это — война. Я веду войну. Мне нечего скрывать, и ни о чем не сожалю. Мне нечего стыдиться. Наш мир — свидетелем объединения трех материков и установления нового мира среди полутра миллиардов людей. Отныне хозяйственные и политические интересы трех четвертей человечества объединены под одним знаменем. И все это достигнуто за течение одного года. И этот результат стоит прошлой войны!

Каракан, вставая, по кабинету и остановился перед большой географической картой.

Он провел пальцем по Соединенным Штатам и продолжал:

— Ваша страна и ваше правительство являлись не научились за последний год. Неслыханное благополучие, являющееся на долю нашей страны после 1918 года, являлось вась. С каждым годом, популярность Америки в Европе падает, и в этом повинны были наши политики в вопросах военных действий.

— Деятельность наших политиков вызвала во всем мире возмущение. Ваши президенты Вильсон и Версаль считались тем, что ничего не хотят от мира, и безпрестанно жаловались на то, что остальные предъявляют какие-то требования. Эта политика соответствовала интересам Америки, которая могла ничего не требовать, потому что у нас всего было в избытке, но этот рецепт был очень неудачным приложением к перемещению, обремененным в войну, лишены необходимым европейским государствам. Европа ничего не имела и нуждалась во всем. Я говорю с вами совершенно откровенно, потому что я хочу, чтобы вы рассказали об этом нашим землякам. Пора их узнать, что о них думают в Европе. Вы хотите возвратиться в Америку, и я не препятствую вам осуществить ваше намерение. Вы сдержали данное вами в Москве слово. Иногда мне приходилось задерживать корреспонденции, предназначенные вам для отсылки в Америку. Некоторые из наших выводов были слишком поспешными и могли бы повредить моим за-

мыслили. Но сейчас, когда вы узнаете, и хотел бы, чтобы вы уехали с сознанием, что я ничуть не препятствую вашей корреспондентской деятельности. Все, что вам стало известным, все, что вы увидели, вы можете спокойно сообщить нашей прессе и правительству. Расскажите им обо всех устаревших военных тайнах, в которых вам удалось проникнуть. Я разрешу вам делать любые разоблачения.

Я радостно поблагодарил Карахана, — он взял со стола листок бумаги и прочел его.

— Вам придется Винней поехать с вами, но что касается вашей секретарши, то ей придется остаться. Она не является американкой, — она гражданка нашего союза. Вы будете доставлены в сохранности до линии расположения американских войск, и если счастье будет благоприятствовать вам, то мы с вами увидимся снова. Я буду рад снова встретиться с вами. Ступайте, обо всем остальном позаботится Бойер.

Итак, ему было известно, куда двинулась Марго. С этой мыслью и отправился из себя в биро и застал там верившего Синда и по общему мнению улыбающегося Бойера.

— Где Марго? — спросил я. — Видь вам это известно.

— Теперь я вполне удовлетворен ране любопытство, — сказал Бойер.

— Скучай! — вырвалось у Синда. — Где она?

— Она мила, невинна и счастлива, как только может быть счастлива девушка, живущая в обществе двух злобных и в нее соперников. Видь Уайт, также должен был прийти сюда. Куда он двинулся?

— К черту Уайта, — заревел Синд. — Где Марго?

— Она останется здесь, — ответил Бойер. — И это решено и истекает из семейной обстановки Карахана. К сожалению, его супруга все еще полна западно-европейского представления, что жена всегда должна сопровождать своего мужа. Марго подружилась с ней, когда она прибыла противно Карахана в Вилу. И Карахан очень доволен тем, что его жена нашла себе подругу и теперь не оглашает его своим присутствием. Он настолько уверен в том, что присутствие Марго благотворно действует на Линн, что ра-

шав их не разлучать. Безопасность за судьбу Марго нам не приходится, — я готов поручиться за ее безопасность!

— Ей придется остаться в Англию до окончания войны? — осведомился Синд.

— Если только Карахан не разрешит ей последовать за Линн в Америку.

В тот же вечер, когда я укладывал свои вещи, я обнаружил у себя в носесерф следующую записку:

„Красные собираются захватить всех американцев в концентрационный лагерь. Вам и Синду не придется опасаться этой участи, но и принуждены помыслить уехать от них. Я не знаю, какими способами мы удасться пробраться в Америку, но если я останусь в живых, то проберусь туда и приму участие в обороне страны.

Мне кажется, я знаю, где находится Марго, и попытаюсь повидать ее. Прощайте, желаю Вам счастья

Уайт.“

Подняв ночью я и Синд, напутствуемые Бойером, поехали на аэроплан в Юкогаму.

Бойер пояснил нам, что намерены доставить в Америку через Тихий океан. Большую часть пути мы провезли, не отрываясь от радио-аппарата и внимая сообщениям из Лондона.

Нам удалось услышать голоса красного Наполеона, лично откликнувшегося на корректном английском языке объявление войны и воззвание из „пролетариата Америки“. Потом мы услышали множество речей, произнесенных на различных языках. Среди американских гражданам, не утратившим связи со своей бывшей европейской родиной, общалась автономия.

Таким образом, обращен к немецким обитателям Висконсин общалось создание в Америке автономной немецкой социалистической республики. Скандинавы, поселившиеся в Миннесоте и в Дакоте, сулилась независимая скандинавская республика.

Примерно так же обшарили адресовались итальянцами и ирландцами, проживавшими в Нью-Йорке выходцами из Польши, испанцами, поселившимися в юго-западных штатах.

Негр Мейсей Карлиги, выходящий из Америки, открывший в Москве кафе, обратился перед микрофоном к негритянскому населению Соединенных Штатов и обещал им, в случае, если они подымут восстание против бывших работодателей, образование самостоятельной негритянской республики на территории штатов Луизиана и Миссисипи.

— В Америке имеется больше радиоприемников, чем во всем остальном мире, — пояснил нам Вейер, — у нас, все радио-аппараты подлежат регистрации, и мы имеем возможность контролировать всех радио-любителей, и поэтому я не представляю себе, как вы получаете прием нашего агитационного материала.

Но впоследствии нам пришлось узнать, что американское правительство при желании могло принять свои меры и путем посылки радио-волн воспрепятствовать приему сообщений из Лондона. Но правительство пренебрегло этой возможностью и не помышляло свободной деятельности радио-станций.

Лояльные американцы самого различного происхождения в ответ на призывы Карахана послали по радио негодование протесты, но все же агитация Карахана удалось достигнуть кое-каких результатов.

Прибыв в Йокотаму, мы увидели, что гавань заполнена пароходами. То были флоты, готовившиеся к перевозке войск на мексиканское побережье. Во всех японских гаванях происходило примерно то же самое.

Меня и Спиды погнали на пароходе „Гаррис“, ранее принадлежавшем „Америка-Доллар-Лайн“. Это был один из пароходов, из большого количества секвестрированных Караханом после объявления войны. Отсутствие нейтральных гаваней, в которых мог укрыться американский флот, и неожиданность объявления войны повели к тому, что большая часть флота попала в руки красных.

На пароходе, помимо нас, находились три тысячи японских солдат и большое количество как японских, так и

русских штабных офицеров, направлявшихся в Мексику для образования штаба генерала Камку, назначенного командующим мексиканским фронтом.

Офицеры оживленно беседовали с нами на французском, английском и немецком языках. В большинстве они были молоды, легкомысленны и самонадеянны. Охотились всего болтали они о винт и о джунглях, о лунах сибиря и трюмных гитар, под пальмами.

Сидя и я угромо молчали, но Вейер пытался подшучивать и над нами, и над ними.

Очутившись на палубе с глазами на глаза, Вейер сказал нам:

— Наши войска медленно продвигаются на север от Салтин Круза. Камку — несуществующий дьявол. Он отличился при занятии Филиппин, во время руководства десантной операцией, и он превосходный военачальник. Он, офицер, старой императорской армии, титулованный перебежчик; самурай, перешедший на сторону красных. Ничто вроде старика Чичерина в Москве.

— Скажите, разве наш флот не препятствовал высадке наших войск в Салтин Круз? — спросил я.

— К сожалению, нет. Помимо всего эта десантная операция была проведена с целью отвлечь часть вашего флота в Тихий Океан. Операция Камку совершалась под прикрытием половины японского флота, который вступил бы в бой с вашей эскадрой, если бы она вздумала помешать операции наших войск. Но то обстоятельство, что ваше правительство, несмотря на волю, поднятые политиками с Тихоокеанского побережья, все же не выслало части флота в Тихий Океан, лишь говорит о существовании среди нас здраво мыслящих людей.

— Каковы планы Карахана? Сколько людей имеется в его распоряжении? Что собирается он предпринять?

— В настоящее время на мексиканском фронте находится армия из сто тысяч человек. Ежедневно ее численность возрастает на десять тысяч человек. Но далеко не все это количество прибыло из Японии. Часть из них прибыла из Австралии, Новой Зеландии, Филиппин и прочих

французских и английских владений в Океании. За последний месяц армия эта удвоилась — не думайте, что экспедиция предпринята без подготовки. К ней готовились очень давно. Камку подвигается вдоль желтой дороги от Салина-Круца через Техуантепек к порту Мексико. Его цель — пробиться к Мексиканскому заливу. И мне кажется, он добьется своего. Вы помните о том, что песч. перевозят шмеля всего лишь двести двадцать километров в ширину.

Мы спустились в курительную и оставались перед картой мексиканского фронта.

— Наши войска заняли узловой пункт Сан-Херонимо, — продолжал повествовать Вайер. — Природный уклон этой страны таков, что все бон могут развиваться лишь вдоль желтой дороги. Я не знаю, как сильны стоящие против нас американские и мексиканские войска, но мне кажется, что нам приходится очень тяжело, потому что у нас в тылу имеется всего лишь одна желтая дорога. Опорными пунктами их обороны являются порты Мексико и Вера-Круц.

Одним из немногих штатских пассажиров на борту „Гарриет“ был некто Штейн, уполномоченный московского комиссариата иностранных дел. Он направлялся в Мексику с дипломатической целью, и Вайер познакомил меня с ним.

Вам должно быть известно, что Москва представлена в Мексике госпожей Коллонтай, старой революционеркой и сподвижницей Ленина и Троцкого. Ваша позиция давно интересует ее деятельность в Мексике. В настоящее время она находится в Салина Круц, и это от нас мы получаем сведения о том, что произошло там после получения нашего ультиматума.

— А что там произошло? — осведомился я.

— Обычный в Мексике кризис. Американский посланник Кетчум имел продолжительную беседу с президентом Майтореа. Затем последовали переговоры с Вашингтоном по прямому проводу. Морозов, вождь оппозиции, бросил президенту упрямство в том, что он обращается за помощью к Соединенным Штатам, тогда как Мексика могла бы справиться с затруднениями и без посторонней помощи.

В городе произошли демонстрации, во время которых были брошены лозунги: „Лучше союз с Караханом, чем рабство у Соединенных Штатов!“ — В то время, как проходили демонстрации, президент продолжал торговаться с Соединенными Штатами.

— Как долго длились эти переговоры? Видно каждый час дороги.

— Эти переговоры были лишь фикцией. Прежде чем они завершились, Вашингтон уже приступил к действиям. Соединенные Штаты перебросили свои войска к мексиканской границе. В Тампа, Мобил и Новом Орлеане, не дожидаясь исхода переговоров, войска были погружены на транспорты и направлены в Мексику, пока в Вера-Круц народ продолжает бродить по улицам и вопить о своей независимости.

— Когда американцы приступили к действиям? — спросил Синд.

— Приблизно, спустя час после начала переговоров над территорией Мексики показалась эскадра американских аэропланов. Американские агитаторы отсалютовали мексиканскому флагу, и мексиканские орудия ответили теми же. За аэропланами последовали сухопутные войска, и в настоящее время на желтой дороге на Салина-Круц сосредоточены не только мексиканские отряды, но и войска Северо-Американских Соединенных Штатов. Какова их численность, мне неизвестно.

На севере деятельность Коллонтай сопровождалась большими успехом, чем на юге. В Соноре загнутоались остатки индейских племен, попытавшихся оказать сопротивление наступавшим из Аризоны американским отрядам.

У Гермозило сопротивление индейцев оказалось столь ожесточенным, что американцам пришлось там задержаться почти два дня. Американская артиллерия причинила городу много вреда, и бомбардировка стоила жизни ряду мирных жителей.

На юге от Ирануато повстанцам удалось взорвать один из американских аэропланов. При этом погибло множество солдат.

Впоследствии мне стало известно, что мексиканский гене-

реальный штаб оказался настолько предусмотрительным, что сосредоточил главные силы армии в портах Манзанильо, Мацатлане и Тополобамбо на западном побережье страны, и что побережье Калифорния было заперто бомбардированными бомбами.

Винней безпрестанно жаловался на то, что наш пароход продвигается вперед слишком медленно, да и я сторах от истеризма, желая поскорее попасть на фронт.

Бойерь подавал должное значение патристическим чувствам, что однако не мешало ему с радостью сообщать о каждом новом неблагоприятном для нас событии.

На десятый день плавания он сообщил нам:

— На Гавайи происходят отчаянные бои. Японское население острова возмело и захватило один из фортон. В настоящее время в их руки перешла и подводная станция, снабжающая город питьевой водой. На улицах Гонолулу происходят жестокие бои, и я вынужден, из соображений своему, сообщить вам, что некоторые из американских планаторов были убиты вместе со своими жинами и детьми. Мы перехватили радиотражины американцев и получили также кое-какие сведения от повстанцев. Повидному, поведку повторяется то же самое, что ранее произошло в Австралии.

— Ерунда! — заявил Сидь. — Вы, повидному, забываете, что теперь вам приходится жить дло с американцами.

— Нить, жить, я обь этом не забыл. Да ведь я и не мог бы забыть этого — ведь кроме американцев больше никого не осталось, кто мог бы противаться нам. Но вы забывайте, что наш флот отступил в берега Америки и что поэтому гарнизонам на островах, остается лишь одно — биться до последнего человека. Они не могут рассчитывать на подкрпленя — Океан в нашей власти. Каким судьба постигнет повстанцев на Гавайи, в конце концов безразлично. Не думаю, чтобы Карахань задумал послать на острова экспедицию. Они не имеют для нас такого значения, а что касается вас, то для нас они совершенно бесполезны, потому что наш флот лишь возможности действовать. Разв, если бы мы задумали соорудить там базу для своих подвод-

ных лодок, но мы кажется, мы предпочтете сконцентрировать свои подводные силы в Атлантическом Океане.

— А все-таки наш пароход по ночам идет без сигнальных огней и оглобает как можно дальше Гонолулу, — насильственно заметил Сидь.

Несколько раз во время плавания мы встречали японских истребителей, а кое-то виден на горизонте и судно „Нипп Мару“, превращенное, как сообщили мы, в крейсер и снабженное четырьмя пятнадцатисантиметровыми орудиями.

— На прошлой неделе ему удалось потопить четыре американских парохода. Два из них были потоплены, потому что капитаны не подчинились нашему приказу остановиться. Теперь „Нипп Мару“ доставляет спасенных пассажиров и экипаж в Юконгау.

На двадцать первый день плавания мы прибыли в порт Салва-Круц.

Над берегом мы увидели два дирижабля, блещущих на солнце серебряной обшивкой. Нам проиннали путь тралеры, а по сторонам от нас непрерывно сполали истребители, несшие охрану на случай нападения подводных лодок. Порт был занят пароходами, выгружающими отряды солдат.

Здесь же и увидели стоявшие на рейде японские дредноуты.

Бойерь обратил мое внимание на „Изе“ и „Фузо“, построенные в 1915 и 1917 году. Эти дредноуты имели тридцать тысяч тонн водоизмещения, развивали скорость в двадцать три узла и были вооружены тридцатисантиметровыми орудиями.

Несколько далее мы увидели крейсер „Конго“, развивавший скорость в двадцать восемь узлов, но вооруженный менее сильной артиллерией.

Увидели мы и две плавучие базы — „Акаги“ и „База“, на которых находилось сто гидропланов и которые были вооружены артиллерией.

При вход в порт наше внимание привлекает один из молот, частично разрушенный бомбардировкой.

— Видно, одна из американских птиц сбросила на

сверху подарком, — гордо заштыли Сиди, указывая на по-
преждения.

— Это было вам весьма больше выгодно для нас, — отзы-
вался Бойер. — Нам избегли от труда взорвать этот мост.
Нам все равно пришлось бы это сделать, потому что вход в
гавань был слишком узок для некоторых наших dread-
ноутов. Наши аэропланы продолжают попытки обстреливать
гавань, но наши зенитные орудия атакуют их.

Во внутренней гавани стояло множество судов, и паде-
ющие бомбы разгружали их, перенося на бережную авто-
мобиль, извозов, военное снаряжение и т. д.

Надвигался грохот орудий.

По сходням, переброшенным с пароходов на береж-
ную, обходили колонны солдат. Все они были в полном по-
ходном снаряжении и носили на себе пенсне, мантию,
газовые маски, походные флаги и оружие.

Японцы-носильщики услужливо помогали нам высадиться
на берег и, вежливо улыбаясь, прижали щеки.

Облаченные до пояса мексиканские грузчики везли
наши чемоданы на спицы, и, сопровождаемые молодым и эле-
гантным лейтенантом, мы направились по главной улице
Салива-Круц в отель „Гуаста“, в котором помещался
штаб генерала Камку.

Японский генерал был сравнительно молод, обладал
круглым лицом и не менее округленными бровями. За-
видев нас, он улыбнулся, обнажив ряд острых, белых
зубов, и сказал на безукоризненном французском
языке:

— Мы получили из Лондона приказ доставить вас в
американское расположение. Думая, что неосуществимо, пото-
му что я не ведал, что вы могли наблюдать наши пози-
ции, но завтра ночью вам будет предоставлена возможность
спуститься на парашоте в порт Мехико.

Я вопросительно взглянул на Виннея.

Можно ли было считать ночной прыжок с парашютом
обидным извещением, или подобное упреждение было сопря-
жено с известным риском?

Винней покачал головой.

— Вы тот, что мистер Гиббонс, или мистер Батлер,
ушедший бы наши позиции, или ничего страшного, — мягко
заштыли Бойер, — они...

— Я должен заботиться о безопасности моих войск, —
воскликнул раздраженно генерал, вскакивая с места. —
Мы должны скрывать наше расположение. Я не потерплю,
чтобы шпионы...

— Не угодно ли вам ознакомиться с этой инструкцией?
— перебил его Бойер, протягивая ему сложенный вчетверо
лист бумаги.

Пробрав инструкцию и взглянув на красавицу, по-
шедшей подпись, генерал обратился к одному из своих
адъютантов:

— Предоставьте в распоряжение подполковника Бойера аэро-
планы и дайте ему возможность лично позаботиться обо всем
по своему усмотрению.

И, обменявшись с Камку поклонами, мы поспешно
удалились. Очутившись в коридоре, Винней усмехнулся и
пешину Бойеру:

— Я не знаю, что именно сказано в вашей инструкции,
но на Камку она подействовала, как строгий окрик хозяина.

— Эта инструкция подписана Карзаном. А теперь я по-
забочусь о том, чтобы вы смогли перебраться на американ-
скую сторону.

Носильщики доставили наши багажи в отель „Гамбри-
нус“, а мы вместе с Бойером направились в отель „Тер-
миналь“, превращенный ныне в госпиталь.

— Вы найдете здесь несколько раненых американских
офицеров, — сказал он. — Не вижу причин, почему бы
вам не поговорить с ними.

Ординерс проводил нас в одну из палат, у входа в
которую стоял часовой.

Мы вошли в палату и увидели на одной из постелей ра-
неного американца, курившего папиросу.

Завидев нас, он изругался:

— Чорт меня подери...

— Да и меня тоже, — подхватил я, бросаясь к нему и
возвращая его руку.

То был майор Хиппей Коллинс из пятой бригады морской пехоты.

Коллинс имел репутацию самого отъявленного рутателя по всей морской пехоте и был произведен в офицеры в июле 1918 года, после боя на Мари. Нам же раз приходилось встречаться на фронте и не раз мы вместе купали в тылу. В последний раз я встретился с ним в 1924 году в Пенни, где его батальон нес охрану в американском посольстве. Я вкратце рассказал ему о том, как попал в Салина-Круц, а он посвятил меня в события, разыгравшиеся в последнее время на фронте. Он был ранен и захвачен в плен.

— Наша бригада прибыла в порт Мексико и мой батальон был направлен в глубь страны. В Санта-Лукеция, в указанном пункте, через который проходит дорога на Вера-Круц, мы оставили одну роту, а сам я с двумя остальными ротами продвинулся дальше, — в горы.

А там нам пришлось наглядеться на многое: джунгли, позавчье лапы, змеи, волуган, скорпионы, распаренными солнцем заросли, настолько горячая, что от них идет парь...

Мы продвигались вдоль дороги и попытались обойти. Тут же после нашего прибытия в Чивела вражеские летчики разрушили в тылу у нас железную дорогу и отрезали нам путь к отступлению.

На третий день боя меня ранено осколком бомбы, сброшенной с аэростата, и я потерял сознание. Пришел в себя я лишь тогда, когда очутился в руках неприятеля.

Затем они доставили меня сюда, и теперь я сплю в плену у японцев, закалывающих меня рисом.

Винней и я попытались подняться с ним нашим запасом денег и обещали уведомить его жену о его местонахождении.

Потом мы горячо показали ему на прощание руку.

После lunch Бойер предложил нам последовать за ним и доставил нас на авиа-базу „Акаси“.

Винней, Бойер и я поднялись на большом гидростате и в течение десяти минут кружили над Салина-Круцем, —

к нам присоединился эскадрон из пятидесяти боевых гидростатов.

Вот курс на север, мы полетели по направлению к зеленым зарослям.

Дважды мы увидели на горизонте отряды американских летчиков, а однажды американские пилоты приблизились к нам настолько, что завязался воздушный бой, во время которого были сбиты два американских машины и один японский гидростат.

Часом спустя мы летели над заливом Кампече. Порт Мексико приветствовал наше появление ожесточенным огнем зенитных орудий. Я в последний раз осмотрел свой парашют, прекратил кольцо его к поясу и приготовился к прыжку.

Винней готов был последовать моему примеру.

— Не забудьте передать Марго, что я пишу за нее, — крикнул он на прощание Бойеру.

Неожиданно я почувствовал сильное давление воздуха — наш аэростат быстро снижался. С высоты трех тысяч метров мы снижались до пяти сот метров, и тогда летчик выпрыгнул гидростат, и мы заскользили над поверхностью залива.

Бойер открыл дверцу кабинки, улыбнулся мне и положил руку на мое плечо.

— Будьте здоровы, Гиббонс, — нам пора расстаться, — сказал он.

— Спасибо, Бойер. До свидания, — ответил я.

Моя пальца впились в кольцо парашюта, и я ринулся в воздушное пространство.

В пятистах метрах под нами блеснула синяя вода. Вагланувшись вниз, я в ужасе зажмурил глаза. То был мой первый прыжок с парашютом, и я думал, что этот прыжок будет и последним моим прыжком.

Летя вниз я принуждал себя медленно считать до четы-

режь и сатем потянул за кольцо парашюта. Казалось, прошла вечность, прежде чѣмъ расправились складки шелка — отъ состоянія механизма зависѣла моя жизнь. Потомъ я ощутилъ рѣзкій рыжокъ, — меня закружило въ воздухѣ, словно кубара, подхваченный концами шута, — парашютъ расправился, и я повисъ въ воздухѣ.

Легкій морской вѣтеръ вѣлъ меня къ берегу — по направлению къ бѣлой полосѣ порта Мексико. Я видѣлъ, какъ нѣсколько моторныхъ лодокъ повеселись по направлению моего полета, ожидая моего спуска на воду. Одна изъ этихъ лодокъ, — къ то мгновенію, когда я коснулся поверхности воды, находилась въ пятидесяти метрахъ отъ меня и послѣдила за мной на помощь.

Меня извлекли изъ воды, и я очутился лицомъ къ лицу съ американскимъ морякомъ, приставившимъ къ моей груди револьверъ и скомандовавшимъ: „Руки вверхъ!“

Лодка вышла вѣло и подобрала Бинней, очутившагося на разстояніи сотни метровъ отъ мѣста моего спуска.

Мы попытались разяснить морякамъ, кто мы такіе, но всѣ наши попытки были тщетны. Матросъ что-то слышалъ о томъ, что непріятель спускался при помощи парашюта, шпіонъ и не желалъ принять на себя отвѣтственности.

Черезъ четверть часа я предсталъ передъ моими друзьями генераломъ Феланомъ Логаномъ, комендантомъ города. Онъ узналъ меня и тутъ же телеграфировалъ въ Вера-Круцъ и въ Вашингтонъ о моемъ благополучномъ прибытіи.

Не успѣвъ даже переодѣться, Бинней и я, захвативъ съ собою и оба чемодана, сброшенные съ парашютами намъ вслѣдъ, предостерегаемыя Воферомъ, поѣхали на гидропланѣ въ Вера-Круцъ. Вечеромъ я узнавалъ въ обществѣ генералъ-майора Макъ-Артура, начальника американскаго экспедиціоннаго корпуса, и генерала Мендоза, командира мексиканскихъ объединенныхъ частей.

Передо мною на подушкѣ лежали двѣ телеграммы.

Первая изъ нихъ гласила:

„Поздравляемъ счастливымъ возвращеніемъ точно
Президенты Смитъ желаетъ побесѣдовать съ вами до
завтрашняго засѣданія кабинета.“

Хендъ.“

Это сообщеніе польстило моему самолюбію, и я съ удовольствіемъ продолжалъ телеграмму генералу Макъ-Артуру. Мнѣ казалось, что я начинаю играть значительную роль. Пока генералъ читалъ телеграмму, я ознакомился съ содержаніемъ второй депеши. Она гласила:

„Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ не получали отъ
Васъ оправдательныхъ документовъ Томъ Бухгалтерія
запрашиваетъ счета гостиницы и телеграфныя квитанціи
Томъ Приложите документы, подтверждающіе
размѣнный курсъ доллара.“

Чинаго-Триббонъ.“

Въ эту ночь Бинней и я заснули крыжками спомъ. Военный гидропланъ вѣлъ насъ надъ Мексиканскимъ заливомъ. Мы летѣли на сѣверо-востокъ, черезъ Нью-Орлеанъ въ Вашингтонъ.

Мы не успѣли ни побриться, ни переодѣться въ сухое платье — насъ тутъ же повезли въ Бѣлый Домъ — еще нѣсколько мгновеній, и Чарльзъ Хендъ, секретарь президента, жаль мнѣ руку и велъ меня въ залъ засѣданій.

Президенты Смитъ пріятливо поговорилъ со мною — за время, въ теченіе котораго я его не видѣлъ, онъ нѣсколько пополнился и похлѣлъ. Изъ остальныхъ членовъ кабинета мнѣ лично извѣстны были статсъ-секретарь Кондеръ Рейнольдсъ, генералъ-прокуроръ Франкъ Комерфордъ и вѣдущая сельско-хозяйственнымъ департаментомъ, Рубъ Ганна Макъ-Бермисъ.

— Флэйдъ, расскажите намъ все, что вамъ извѣстно о Карахнѣ, — сказалъ президентъ Смитъ. — Въ чемъ секретъ его успѣха, на чемъ базируется его сила? Каковы его цѣли? Къ чему онъ стремится?

Выдарились молчаніе. Я собирался съ мыслями, готовясь отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Рассказал о том, как „Чикаго-Трибюн“ послала меня в 1932 году в Москву. Рассказал я и о том, как специально занялся личностью Красного Наполеона, о его дѣтстве и службѣ в царской арміи.

Рассказал я также и о его судьбѣ послѣ резолюціи, о значеніи, которое онъ приобрѣлъ у Сталина, о томъ, какъ онъ захватилъ власть. Сообщилъ я также о его подготовленіяхъ къ войнѣ, о сраженіяхъ во Центральной Европѣ, завоеваніи Італіи, уничтоженіи французской, англійской и бельгійской арій въ время третьей битвы на Марѣ.

Затѣмъ я сталъ говорить объ англійской резолюціи, оккупации островаго порожества, невиннослудномъ избіеніи шести милліоновъ бѣлыхъ въ Австраліи и о научной организаціи всѣхъ силы на прѣлтыхъ континентахъ. И, наконецъ, я заговорилъ о конечной цѣли его дѣланій, о борьбѣ съ послѣдней силой міра и установленіи мировой совѣтской федераціи подъ его личной властью.

Мой докладъ длился долго, — не разъ меня прерывали вопросы, — тогда я, наконецъ, умолю, вопросы посылались на меня со всѣхъ сторонъ.

Статсъ-секретарь Рейнольдъ осмѣловился о внутриполитической структурѣ Совѣтскаго Союза и о моемъ мнѣніи о его прочности.

Государственный казначей Джемъ Рескобъ задѣлъ вопросъ о денежной системѣ Совѣтовъ.

Адмиралъ Девидсонъ пожелалъ услышать мое сужденіе о красномъ флотѣ и о подготовкѣ его личнаго состава.

Возглавляющаго департаментъ торговли и промышленности Вилльама Эбергарда интересовали производительныя силы страны и грузоподъемная мощъ желѣзныхъ дорогъ.

Воинный министръ Миронъ Дж. Уоллесъ задѣлъ мнѣ рядъ вопросовъ, касавшихся боеиспособности арій Карахана.

Посѣщая площадь, состояніе скотоводства, запасы продовольствія — вотъ что интересовало мнѣсь Рубъ Макъ-Кориннъ.

Директоръ почты и телеграфа Эмери Олдеръ пожелалъ чтобы я ему обрисовалъ состояніе почтово-телеграфной сѣти въ Европѣ; Джеймсъ Райнъ потребовалъ отъ меня статистическихъ

данныхъ по вопросамъ рабочей силы, ея оплаты и жилищныхъ условій.

Допросъ этотъ длился болѣе четырехъ часовъ, и воздухъ утопалъ въ голубоватыхъ облакахъ сигарнаго дыма.

Выбѣсто ужина намъ сервировали чай, и въ концѣ бесѣды я съ трудомъ вороталъ языкомъ.

Несмотря на опасность, грозившую странѣ, я началъ ощущать въ концѣ бесѣды, что далеко не всѣ члены кабинета отдають себя въ полной мѣрѣ отчетъ въ томъ, какую грозную силу представляетъ собою Караханъ. Въ то же время нѣкоторые члены кабинета считали угрожающую опасность сильно преувеличенной и раздутую.

— Скажите, мистеръ Гиббонсъ, — обратился ко мнѣ Уоллесъ, — не попали ли въ подѣ мнѣніе этого диктатора за время своего пребыванія съ нимъ? Не преувеличенъ ли вашъ сужденія? Не преувеличиваете ли вы желтую опасность? Я считаю, что множество статей, появившихся на страницахъ печати за послѣдній годъ, нагнѣнно нагоняли на страну страхъ и служили пропаганды замасловъ Карахана. Мнѣ кажется, вы были его довѣреннымъ лицомъ, а теперь вы являетесь къ намъ. Желтая опасность въ большей своей частіи создана желтой прессой.

Неуклюжее замѣчаніе Уоллеса задѣло меня за живое. Въ теченіе долгаго срока я подвергался опасности, напряженію и усердно работалъ, наблюдалъ за происходящимъ для того, чтобы имѣть возможность представить какъ можно болѣе полный отчетъ. Но я сдержалъ себя и, проглотивъ просянныя на языкъ рѣзкости, постарался спокойнѣе и дипломатично отзвѣтить на брошенный мнѣ упрекъ:

— Господи! президентъ, я побывалъ на трехъ четвертяхъ земного шара, и все это я сдѣлалъ для того, чтобы нагнѣть на статсъ-секретаря Уоллеса немногого страха. Я являлся сюда потому, что я американецъ и считаю, что мои наблюденія и ознанія могутъ пойти на пользу моей странѣ въ борьбѣ съ краснымъ диктаторомъ. Я видѣлъ въ поляхъ Европы сотни тысячъ труповъ. Я видѣлъ какъ, на улицахъ итальянскихъ городовъ убивали дѣтей и женщинъ. Я былъ свидѣтелемъ Лондонской бойни.

— Господишь президент, а был свидетелем последних минут австрийского президента, я присутствовал при его казни, — я видел, как шли под пулами члены его правительства. Вы должны понять, что человек, ведущий за собой силы трех материков, не может не быть воплощением зла, не может не быть самым смелым, хладнокровным, стоицизмом выше морали и каноничности бытия было запреты, существовать. У него нет ни Бога, ни совести, ни вечной морали. Этот азарт, ненавистный нам так, как лишь может желтый ненавидеть белую расу, сказал мне всего лишь мимолетно тому назад, что он собирается раздать Америку. Господа, да смилостивится Господь над нами, если вы не можете верить моим словам, если я не могу убедить вас!..

Голос мой осел, — я не мог говорить, я устал, табачный дым обволакивал меня... длительный перелет и несвязанные споры истощили без остатка мои силы.

В соседней приемной я столкнулся с Уайтом Доджем. Произошло столько событий, что я не поспел своим глазами.

— Я очень рад вас видеть, — сказал я, пожимая его руку. — Как вам удалось выбраться? Гдѣ Марго? Как онаживает?

— О, все это длинная история, — ответил Додж. — Вы помните записку, которую я сунул в Лондон в вашу несекретную? Я писал вам, что мне удастся спастись, и так оно и было. Я только что был в информационном бюро морского министерства. Поздравьте меня — я лейтенант флота дяди Sama.

Додж доставил меня и Винниа к себе на квартиру, где мы снова ознакомились, приняв ванну, побревшись и, наконец-то, изучив возможность переодеться.

Додж рассказал мне, как ему удалось бежать вместе с агентом американской контр-разведки.

— Некоторое время я прятался в Лондоне. После нашего отхода были расстреляны ряд американцев, — остальных разместили в концентрационном лагере. Надежды всего было, конечно, пробраться в Ирландию. Хотя красные и оккупировали страну, но ирландцы считались с их присутствием в столь же малой степени, как в свое время с

англичанами. Спифейеры продолжали вести партизанскую войну, как и в старое доброе время. Вам известно, что в прошлую войну немцы использовали западный берег Ирландии для стоянки своих подводных лодок. Никто же возможности была предоставлена американским подводным лодкам. Мой спутник, и я направились по направлению к Кинстоу, и нас принял на борт подводная лодка, доставившая нас в Америку. Недалеко от Ливерпуля мы пустили по дну старый английский пакетбот „Цедрайк“, и команда мне показала, что это первое достижение нашего флота в эту войну.

— Гдѣ Марго? — спросил Спид.

Я заметил, как молодые люди обменялись далеко не дружелюбными взглядами.

— Она находится вместе с Линь в Ирландии, — ответил Додж. — Карахань обещал отправить туда и поместить на одном из замков западного побережья. Он не хочет их видеть и желает, чтобы Линь жила вдали от Лондона. В настоящее время она развлекается по обществу леди Блейдсент. Вам ведь известно, кто она? Но вот что интересно: так же быстро покончить с ней, как и с австрийской графиней в Виле и с мадам Дебрей в Париже. Она одержима теперь новой идеей — она хочет жить с бывшими женщинами как можно больше детей — будет время, когда Лондон и Париж будут кишеть его детьми бывших женщин. И у всех офицеров его штаба бывшая жена.

— Я рад, что Марго находится в Ирландии, — сказал он, — и надеюсь, что Карахану не суждено будет встретиться с ней.

У Спиды выразилось проплате, а он резко осведомился у Доджа:

— Почему вы оставили ее? Почему вы не захватили ее с собой на подводную лодку?

— Я хотел захватить ее с собой, но она не позволила следовать за мной, — ответил Додж. — Она поклялась на себя обязанность и хочет ее выполнить до конца. Но об этом я не вправе говорить.

Пока Спид пререкался с Уайтом, я заснул.

На следующее утро Додж снова заглушил со мною о Марго и сказала мне, какими способами я могу бы установить связь с ней. Я мог бы по радио отправлять шифрованные сообщения, которыми она управляла бы в Ирландии. Я неоднократно упражнялся с ней в шифровки, и она смогла без особого труда уловить мое сообщение, установить ключ и расшифровать сообщение.

Додж сказала мне, что он служил на подводной лодке и, находясь с ней в плавании у Ирландского побережья, сможет попытаться послать Марго радиотелеграмму.

— Она мужественная девушка и служить делу белой расы, — сказала он гордо, — хоть и знает, какая ее ожидает участь, если об этом станет известно Каракану.

В этот памятный февраль 1934 года мне случилось было пережить целый ряд потрясений. Война оказала на народное хозяйство более сильное влияние, чем я предполагал. Более всего меня беспокоило то, что американцы в массе своей не отдавали себе отчета в ужасных последствиях происходящего.

В силу подавляющего перевеса объединенного красного флота, американский флот принужден был укрыться в гаванях, и надь океаном главенствовал неприятель.

Большая часть американского торгового флота — двадцать тысяч пароходов с общим тоннажем в пятнадцать миллионов тонн, — застряла в чужих портах или была захвачена из открытого моря.

Падение американского экспорта, выразившегося за предыдущий год в пяти миллиардах долларов, привело к тому, что ряды промышленных предприятий приостановился, а склады, магазины и порты Америки заполнились от машин, металлических изделий, шелков, хлопчатобумажных тканей, хлопчатой и зерна.

Отказ от импорта повлек за собой в стране недостаток в резины, сахара, хмеля, растительных жирах, чае, кофе, что тут же отразилось на уровне каждого единичного хозяйства. Затянувшееся потребление ряда продуктов было нормировано.

Разразившаяся война лишила американцев надежды на

то, что удастся получить от Европы долги, явившиеся результатами предыдущей войны — все новые и новые займы должны были покрыть неукротимые расходы. На Уолл-Стрит разразился ряд банкротств, повлекших за собой осуждения в большом количестве фирм, работавших во всей стране. Вкладчики агитировали банки, и правительство принуждено было объявить мораторий.

Президент Сэнгс созвал экстренное заседание конгресса, которое должно было санкционировать ведение войны. Военный министр предложил конгрессу законы об обязательной военной повинности, и закон этот был принят в обоих палатах подавляющим большинством голосов. Пацифистское меньшинство, находившееся в оппозиции, попыталось выставить проект о добровольческих формированиях, но проект этот был отклонен.

Избирательный аппарат страны был тут же использован для новой задачи и призвал на учет всех мужчин от восемнадцати до сорока пяти лет от роду. Перечень дал следующий результат: в стране оказалось 19 миллионов мужчин, способных носить оружие, — пятнадцать процентов всего населения. Государственный департамент разослал по письмам копии, а президент призвал под знамена первый миллион бойцов.

Костяком формируемой армии являлся офицерский состав регулярных частей и сто десять тысяч офицеров, числящихся в запасе.

— У нас очень скудные запасы снаряжения, — жаловался мне один из моих друзей. — Увеличение кадров миллиона с двумя до восьмидесяти тысяч до трехсот тысяч поглощало все наши запасы. Нам приходится обучать наших новобранцев, не выдавая им обмундирования и снабдив их только ружьями палками. Мы стоим перед необходимостью ускорить наши кадры — с тем же успехом мы могли бы разбить многократным количеством воды. На сей раз наша военная промышленность оказалась гораздо менее подготовленной, чем перед нашим вступлением в войну в 1917 году. Тогда вступление в войну предшествовала долгая подготовка и работа на оборону.

— Европейская и азиатская промышленность давно уже работала на нужды армии, — сказал мэр Джимми Ходжинс из торгового департамента. — Вам об этом известно лучше, чем кому бы то ни было. А наши станки заняты изготовлением граммофонов, иглоу, радиопринадлежностей, вентиляторов и приборов для машинера.

Особенно чувствительным оказался недостаток в противогазях... Избываюся запаса противогазей было недостаточно для того, чтобы снабдить ими армию, не говоря уже о снабжении ими гражданского населения.

Впрочем, и без принуждения со стороны правительства ряды фабрик немедленно же прекратили их производство и выбросили на рынок большое количество масок, которые тут же были раскуплены перепуганным населением по баснословно высокой цене.

Вследствие вышеназванного, что противогазевые маски, изготовленные наспех и без соответствующего надзора, оказались совершенно несоответствующими своему назначению, что многим стоило жизни.

Возле воздушного налета и бомбардировки оказалась небезнадежно испуганной в страхе — толпа покинула из Нью-Йорка китайский квартал, из Чикаго громада дома негров, из Калифорнии личевого агента.

В Гаараме арестовали Горкуса Маркса, президента негритянского ордена „Черное Перо“ — при этом был обнаружен большой запас прокламаций, призывавших американских негров к восстанию.

Соответствующий результат дали и облавы, предпринятые полицией в коммунистических клубах. Были обнаружены попытки взорвать мосты, порчи динамомитом и пр.

В политическом отношении страна слонялась и образовала единый фронт, но каждое новое заседание кабинета вскрывало все новые и новые проблемы в стране. Дело дошло до открытого конфликта между военным и морским министерствами по вопросам снабжения, что также не могло способствовать успешному проведению мобилизации.

Центром внимания стали события на тихоокеанском побережье Мексики.

Тысячами американские войска оказывали жестокое сопротивление. По мере того, как неприязельский десант расширял базу своей деятельности и захватывал новые участки побережья, задача его облегчалась, потому что они получали возможность увеличить свои силы. Неприязельский флот мог все увеличиваться, и было ясно, что рано или поздно ему удастся достигнуть Панамоканского перешейка.

Тяжелый удар нанесли на долю Соединенных Штатов 9 февраля.

Транспорт „Мемфис“, на который были погружены два полка, был подорван миной и потоплен. 2700 американских солдат обрели смерть в море, — лишь немногим удалось спастись и добраться до берега.

Гибель „Мемфиса“ привлекла общественное внимание к положению на море, и вскоре стало известно, что порт Клинтон на острове Ямайка служит базой для их подводных лодок.

Дипломатическая озабоченность, последовавшая за объявлением войны, задержала разрешение вопроса о Ямайке. Вопрос этот разбирался вочередь порядком — неприязельское население острова, предводительствуемое китайцами и индусами, вызвало штурмом двореца английского президента и убийство его и его семьи, захватив власть в свои руки. Теперь, когда выяснилось, что остров служит базой для подводных лодок, Карайма, было ясно, что все это было заранее согласовано с ними.

Порт Клинтон был хорошо защищен с моря, и попытка морского нападения на него была обречена на неудачу. Выслать на остров десант с Кубы было затруднительно, потому что в распоряжении Соединенных Штатов на Кубе имелись очень ограниченные по численности отряды. Благодаря этому, Ямайка превратилась в серьезную опасность, угрожающую нашему флоту, с которой до поры до времени приходилось мириться.

Основными пунктами Красного флота являлись Бермудские острова и Тринидад, — флот блокировал побережье и вынуждал американскую эскадру упрямиться в Мексиканском заливе. По всему Атлантическому побережью раздалась волна

протестов — раздались недоуменные голоса, почему американский флот избрал местом стоянки Мексиканский залив, а не Нью-Йорк, Восток или Филадельфию.

Но на этот вопрос ответить было очень трудно. Карахан находился не только на море, но и в воздухе. Его воздушные силы могли в любой момент разрушить морские базы нашего Атлантического побережья. Что касается Мексиканского залива, то достичь к нему было невозможно, а береговые укрепления могли воспрепятствовать воздушному налету.

Свершилось неизбежное: Карахан со своим флотом атаковал надь океанами, а американский флот был заперт и оперт в Мексиканском заливе, так же, как и флот Германии был заперт в Голландской бухте в мировую войну.

Этот флот составлял первую оборонительную линию Америки. Вторую оборонительную линию составляли береговые укрепления залива.

Карахан занялся изучением наших позиций и попытался нанести на наиболее уязвимое место.

Столетие мирных добрососедских отношений между Канадой и Соединенными Штатами привело к тому, что оба государства могли позволить себе роскошь оставить общую границу неукрепленной. На американо-канадской границе не было возведено ни одного форта, — реки и озера Канады не имели флота.

И Карахан решил использовать это обстоятельство для нанесения следующего сокрушительного удара.

Вечером 1 марта 1934 года американская подводная лодка Ф 29, крейсировавшая в шестидесяти километрах от мыса Флетчер в штате Вашингтон, была постигнута японскими истребителями, действовавшими в качестве прикрытия для большой эскадры транспортов, крупных боевых единиц и вспомогательных судов.

Японские истребители вывели американскую подводную лодку из боя и захватили ее.

2-го марта, в разовити, на высоте трех тысяч метров над дорогой на Жун-де-Фуа, показалась огромная неприятельская флотилия гидропланов и бомбометов.

Павстричу ей вылетел американский эскадрилья, сшибавшая с зарослей Викторю, Ванкувера, Саттля и Бремертона.

Неприятель однако оказался не перелет.

Обитатели Викторю и Британской Колумбии были разбужены оглушительными взрывами — то неприятельские авиаторы бомбардировали морской арсенал в Эссимауте. Через пять минут на воздух взлетели пороховые склады.

Нынче неприятельскому флоту открывалась свобода действия, и воздушный флот его похвастался на восток. Старые тридцатисантиметровые мортиры, составляющие вооружение порта Тукседа, были подорваны первыми же сброшенными на землю тысячефунтовыми бомбами.

Та же судьба постигла и форт Казей, расположенный в девяти километрах на восток.

За форт Казей наступила очередь форта Флетчер.

Воинские части были отбито отовсюду из форта, и мортиры не дали ни одного выстрела — все оборонительные сооружения были рассчитаны только на возможность нападения с моря.

Соглашение Канады и Соединенных Штатов, предусматривавшее отказ от возведения дальнейших оборонительных сооружений за границей, привело к тому, что граница оказалась совершенно безоружной, на случай воздушного нападения.

Утром надь покровом тумана краснел флот выслал вперед надь всего побережья океана тридцать траллеров, занявшихся освобождением моря от мин. Воздушный флот, закончив свое разрушительное дело, взял на запад и полетел над желтой дорогой Мильоны, разрушал и ее, и автомобильные шоссе.

Для американских тяжелых батарей и бронепоездов были изобретены, прежде чем, смогли оказать сопротивление воздушным силам противника.

Таким образом, Карахану удалось при помощи своих воздушных сил в течение нескольких часов парализовать сопротивление противника и разрушить ряд центров обороны.

Опубликование этих сообщений привело на американцев ужасное впечатление.

В день неприятельского налета 1-я Визинг выходила у его отца из Сант-Луис. Отец его был японский старик боевым товарищем по авиации еще во времена первой мировой войны. Чуть спустя мы летели на аэроплан по направлению к новому фронту на северо-запад.

Дни второго и третьего марта заставляли Америку призадуматься над своим положением.

Несмотря на то, что наш флот был заперт, наша маленькая регулярная армия была в Центральной Америке, а на резерв у нас имелся один миллион привоканных под знамена, страна все еще была во власти совершенно ложного предположения, что американскому материку ничто не может угрожать из-за его изолированности. Со времени 1812 года еще никому не удавалось посадить свои войска в Америке. Но эти времена изменились.

Мы съездили в Сиканг, чтобы возобновить записи бензина. На аэродроме наша машина оказалась единственной — город захватила паника, несмотря на то, что от фронта его отделяло горный крик. Мы расспросили местных людей и выяснили следующее.

Траншеры очистили залив от мин, японские транспорты под охраной крейсеров именовали разрушения укрепления форта Уордена и форта Ковей и были на пути к Сент-Лу.

Огни плавильных судов с нефтью встали на якорь, окорпированные прислаивать флоту.

Способности Карахана, сумевшего выставить столь большую силу на огромном расстоянии от своей базы, не могли не поразить наше командование. Карахан рассказывал, недалеко от нашего расположения огромной воздушной эскадры: это объяснялось тем, что каждый из транспортов одновременно был оборудован таким образом, что являлся базой для гидропланов. Такое положение дало возможность Карахану беспрепятственно маневрировать над морем и захватить при первом мировом флоте в свои руки. Во главе воздушных сил Карахана стояла японская эскадрилья, снабженная опытным личным составом.

После того, как успех операции был полностью гарантирован и в воздухе и на воде, началась высадка войск. Вдоль всего восточного побережья от Болинема до Эсмеральды, Карахан высаживал войска. На аэродроме побережья, в Порт-Анхелес, в Тойсенде, также шла высадка войск.

Канадско-американские части оказывали героическое сопротивление, но попытки их противостоять силам Карахана были тщетны.

Молодежь, вооруженная охотничьими ружьями, объединялась в отряды и выступала в походы, пополняя ряды милиции, вооруженной пулеметами и пытавшейся противостоять врагу в пыльном бою.

И почти повсеместно обороняющиеся постигла одна и та же участь. Сначала их позиции подвергались воздушной бомбардировке, а потом желтые орды заливали их своей численностью.

Американская артиллерия, вывезенная при помощи тракторов из позиций, служила для неприятельских бомбометов удобной мишенью. Команды летящих орудий, снабженных противогазовыми масками, тщетно пытались обезвредить несметное количество неприятельских аэропланов.

Карахан был в воздухе полными холмами, полками, а мы с Визингом после того, как мы вылетели из Спелкина на западном направлении, принуждены были сменить курс, взять на юг, и спуститься в Олмехи. Оттуда, на автомобиле, под охраной с аэропланов, мы поехали в Ташу, чтобы оттуда уже взять курс на обжитый пламенный Сент-Лу.

Дороги были забиты тысячами искавших спасения в бегстве жителей города. Безграничные полчища американской пехоты шли на северном направлении. На разрушенных, в подожженных железных дорогах и мостах работали инженеры с отрядами саперов.

Добровольцы из числа местных жителей — среди них было множество женщин — пытались расчистить от обломков подожженных бомбардированных улиц и дороги и тем самым облегчать движение.

Каждое новое сообщение с фронта свидетельствовало об очередной катастрофе. Блиней неустойчивость.

— Черт побери, какой толк от шлога, находящегося на земле, — возмущался он. — Я должен пробраться на фронт и попытаться привести какую-нибудь пользу. Что бы ни случилось, мы снова встретимся в стане армии. Похоже на то, что нам придется отступить из Калзасты.

Мы показали друг другу руки, и он присоединился к одной из колонн отправлявшейся на фронт пехоты.

Я попал в горящий Ситла впопыхах, — в моем распоряжении оставалось всего лишь несколько минут для того, чтобы осмотреться и снова поспешить убраться из этого города.

Огромный небоскреб был охвачен пламенем, — из окон его вырвались языки огня и клубы черного дыма.

В то время, когда я разглядывал оторвавшуюся часть главного корпуса, в один из верхних этажей дома ударил снаряд, и часть стены — уголки ада — рухнула.

Последние беженцы скрылись в хаосе направления.

Из центра города доносился приглушенный пушечный трескотня. Над головами со свистом проносились снаряды и разрывались над пыльными предместьями города.

Какой-то мальчишка, волочивший за собой мотоциклет, задал мне главный вопрос — он спросил меня, не могу ли я ему дать немного бензина. Уловив мой удивленный взгляд, он указал пальцем на резервуар покинутого танка, у которого я стоял.

— Можешь взять сколько тебе угодно, — ответил я. — Мне он не принадлежит. Впрочем, погода — я помогу тебе, — я схватившись за ручку насоса, принялся накачивать бензин в резервуар его мотоциклета.

— Все равно этот бензин достался бы китайцам, — сказал мальчишка. — Их теперь ничто не удержит.

Вот при каких обстоятельствах я познакомился с Бобби Перкинсом, доставившим меня из Ситла в Тихому. Это от него я узнал последние сведения о тайной популярной истории Ламберта, возмущавшую всю Америку.

Этот двенадцатилетний мальчишка был единственным

американцем, сумевшим избежать набравшего изобилие войскам Карахана города Эверетта. Он был младшим братом Винни Ламберта, получившим два года тому назад призыв на работу на конкурс тихоокеанского побережья. Вальтер Ламберт, владелец гаража в Эверетте, был убит на глазах у своей жены, Бобби была свидетельницей его смерти и рассказала мне все подробности случившегося.

— Винни и Вальтер после прибытия китайцев ухаживали за ранеными. Я помогал им. Вместе с нами были и докторы Кирквуд. Он оперировал раненых, заворачивал их в пластырь. Многие раненые принуждены были продолжать лежать на мостовой.

Винни принесла из аптеки Барлетта все имеющиеся там запасы перевязочных средств, и когда они у нас иссякли, мы стали рвать постельное белье и платки. Винни ухитрилась даже оторвать для раненых.

Наша команда дрались отлично. Некоторые из них умерли, и мы вынесли их трупы на двор. Неприятельская эскадра безостановочно продолжала обстреливать город. Уничтоженный магазин Гольдберга сгорел до тла. Поток большой снарядов ударил в Казиню, и оно рухнуло, похоронив под обломками сотни раненых. Вокзал обстреливали в течение всей ночи, и на утро он превратился в груду развалин. Все стремились на юг, но по дорогам с трудом можно было пробраться, потому что они были завалены грудами автомобилей, перевозивших солдат.

Вальтер хотел, чтобы Винни вместе с остальными направлялась на юг, но она ни за что не хотела покинуть на произвол судьбы раненых. Она продолжала работать круглосуточно.

Затем китайцы с севера проникли в город. Казалось, что их было неисчислимое количество — целый миллион. На улицах продолжали идти бои, и перестрелки стали такой горячей, что их больше не могли выжить на улицу. Наконец, китайцы проникли в гараж, и один из их офицеров направил их через боковую дверь в скобяную торговлю Бергдола.

На следующее утро бои утихли, и китайцы окончательно

вышли городъ. Въ течение всего дня и всей ночи они шли на югъ, и мы спали, такъ съ юга доносился грохотъ канонады и шумъ боя.

Въ тотъ же день они оставили отрядъ изъ сорока человекъ при одномъ офицерѣ. Солдаты расположились внизу, а офицеръ поднялся вверхъ и прошелъ въ квартиру Вань. То былъ какой-то литейщикъ, — возможно, что онъ былъ японецъ. И намъ пришлось съ нимъ есть въ одномъ столотъ.

Винни не представляла возможности о Вальтерѣ, а черезъ три дня спустя миссисъ Меттеффи сообщила намъ, что Вальтеръ вместе съ остальными пленными американцами находится въ лагерь, и что китайцы заставляютъ ихъ работать на починкѣ дорогъ и очисткѣ улицъ.

Какъ разъ въ то мгновеніе, когда я собрался уйти, къ намъ въ гаражъ пришли Дэвидъ Дервингъ, Вальтеръ, мистеръ Расмуссенъ, старый Бертоль и еще десятокъ человекъ. Ихъ сопровождалъ конвой — они получили приказъ вывести всѣхъ раненыхъ изъ гаража и освободить мѣсто для раненыхъ китайцевъ.

Въ то мгновеніе, когда Винни спустилась внизъ, къ дому подъѣхалъ на автомобилѣ китайскій офицеръ. Винни увидѣла, что Вальтеръ небрить, платье его разодрано и рубашка пропиталась кровью — то была кровь одного изъ раненыхъ, которыхъ онъ переносилъ. Увидѣвъ это, Винни вскрикнула и бросилась къ нему.

Китайскій офицеръ схватилъ ее за руку и оттолкнулъ. Вальтеръ выпустилъ изъ рукъ носилки, которыхъ онъ несъ, и бросился къ нему. Офицеръ выхватилъ револьверъ и наотстрѣливъ въ упоръ уложилъ его наповалъ.

Винни и я бросились къ Вальтеру. Кровяное пятно на его сорочкѣ увеличилось и расплылось — теперь кровь проступила у него на губахъ, и онъ тщетно пытался ее проглотить. Черезъ нѣсколько мгновений онъ вылинулся и замеръ.

Винни окрылась привести его въ чувство. Увидѣвъ, что онъ мертвъ, она вскрикнула и упала на его тѣло. Офицеръ подошелъ къ ней и принудилъ насъ съѣсть въ его автомобилѣ.

Мы вошли въ домъ Киртера, гдѣ онъ и заперъ Винни въ столовой первого этажа. Я хотѣлъ последовать за ней, но

онъ что-то сказалъ своимъ солдатамъ по-китайски, и тѣ схватили меня и отвели на чердакъ. Тамъ меня заперли.

Ночью я спалъ, какъ Винни закричала. Снизу доносился какой-то шумъ, потомъ я услышалъ, какъ Винни подѣлывала въ окно и заплакала... Затѣмъ все затихло.

На слѣдующій день солдаты выпустили меня и отвели меня на кухню. Тамъ мнѣ пришлось чистить картофель. Потомъ я выпелъ изъ дому и увидѣлъ у окна Винни. Она плакала.

Прокравшись къ окну, я заговорилъ съ ней, и она сказала мнѣ: — Понятайся убѣжать, Бобби, если тебѣ это удастся. Ступай къ миссисъ и расскажи ей, что сдѣлалъ съ Вальтеромъ, а со мною.

И я ей сказала, что пойду и расскажу обо всемъ губернатору, и что тогда онъ придетъ сюда съ остатками милиціи и прогонитъ китайцевъ. Но въ это время кто-то подошелъ къ двери, и мнѣ пришлось убѣжать.

Ночью я выбрался изъ дому и прокрался къ фермѣ Персона, — тамъ я раздобылъ себѣ мотоциклетъ. И съ той поры я ахалюсь непрерывно въ путь.

Съ одной изъ желтенодерзыхъ стаций на югъ отъ Такомы я дословно телеграфировалъ рассказъ Бобби Персона въ Чикаго, откуда это сообщеніе распространилось по всѣмъ газетамъ Америки.

Газеты вышли съ фотографіями премиражной красавицы, и возмущеніе населенія было безгранично.

Сидъ Банней возвратился съ фронта и двинулся ко мнѣ въ Орегонъ, какъ разъ въ то время, когда я получилъ изъ Вашингтона предѣланное исторично сообщеніе по радио все, что мнѣ извѣстно.

— Эти واشنطنскіе умники все еще не могутъ взять въ толкъ этого, — промърчалъ Сидъ. — Они воображаютъ, что все это подуманъ, такъ же, какъ и все то, что разсказывалось въ свое время о немцахъ и ихъ изобрѣтеніяхъ. Ваше сообщеніе подняло большой шумъ, и Вашингтонъ хочетъ переложить на насъ ответственность, если окажется, что сообщеніе это не соответствуетъ дѣйствительности.

Я вторично рассказывалъ о судьбѣ Ламбертова, и мы стали

ожидать, что радиостанция красных в Лондоне выступит с официальным опровержением.

На следующий вечер Вилли и я сидели передь громкоговорителем и приготовились слушать лондонскую передачу. Вместо того мы услышали по лондонскому радио следующее:

— В общем сообщении американцев о судьбе Ламбертов соответствует истине, — выказаны лишь несущественные сентиментальные детали, по существу ничего не изменилось.

Американец Валтер Ламберт был застрелен полковником Гарвеем Ву, командиром 248-го санитарного отряда северного тихоокеанского экспедиционного корпуса. Захваченный в плен Ламберт попытался убить на офицера.

Полковник Ву происходил из одной из родовитых семей Китая. В настоящее время он не христианин, хотя и был крещен и получил имя в честь именитого ученого, отпрыска кровосращения. Полковник Гарвей Ву получил образование в Оксфорде и является выдающимся медицинским специалистом, а также пользуется прекрасной репутацией в качестве офицера.

Полковник Ву и мисис Ламберт сегодня ночью в присутствии соответствующих должностных лиц экспедиционного корпуса вступили в брак. Новобрачные были прижжены ряд подражаний, в том числе и от красного командования, ибо подобный финал этого обычного для военного времени происшествия как нельзя более желателен и достоин внимания.

В течение ряда столетий белые войны отнимали жизнь у поблужденных или предостыженных черной, желтой и красной расы. Американцы не раз осаждали черных и краснокожих азиатов. Существующая в наше время в Америке раса негров и мулатов, как нельзя лучше свидетельствует об этом.

На Филиппинских островах после американского похода 1900 года родилось большое количество детей смешанной расы. Неменьшее количество азиатов, потомков белой и желтой расы, мы находим в Азии. Все они появились на свет от белых отцов и желтых матерей.

Подобное же смешение рас наблюдалось в Испании и в Америке. В Испании мавры облагородили расу своей кровью, а их обаяла культура своим развитием.

Пан-европейский союз борется за равенство всех рас и их единство на всем земном шаре.

Победа красных над Северо-Американскими Соединенными Штатами приведет к полному и окончательному уничтожению расовых предрассудков и пристрастий, так же, как все предшествующие войны привели к уничтожению религиозных и национальных привилегий.

Расе христиане и язычники умерщвляют немощных, приносят тысячи, католики и протестанты следовали тому же примеру. И это дало лучший результат — на земле больше не было религиозной нетерпимости.

После религиозных войн настала эпоха национальных войн. Народы в течение ряда столетий враждовали во имя отживших национальных преимуществ и владычества над миром.

В Пан-европейском союзе нет ни национальных, ни расовых, ни религиозных привилегий: мужчины, женщины и дети всех рас, на трех материках Азии, Европы и Африки — братья.

Введенное в заблуждение своим правительством население Соединенных Штатов ищет собою последнюю цитадель белой расы, арийского мифа.

Население Пан-европейского союза, объединяющее полтора миллиарда белых, желтых, черных и краснокожих людей, борется за единство рас и за уничтожение последней горсти человечества, отбрасывающей расовые привилегии. Мы признаем лишь одну расу, и эта раса — человечество! —

Америка с уважением приняла этот слоган.

И Сидд Вилли, притихший перед громкоговорителем, выразил мысль, которая в это мгновение обдула всех американцев, слышавших сообщение лондонской радиостанции.

— О, этот Карахан, этот восставший, желтый дьявол... Если бы я мог свернуть ему шею...

Возмущение Сидда было слишком сильно для того, чтобы

онь могъ его выразить въ однихъ лишь проклятіяхъ. Голосъ его прерывался, и онъ умолялъ. Вдругъ онъ схватилъ меня за руку и прошепталъ:

— Марго!... Господи, она осталась тамъ, во власти этихъ скотовъ!...

Въ то время, какъ я пытался восстановить въ своей памяти происшедшія событія 1934 года, этого первого ужаснаго года войны, когда жуткая война пыталась вторгнуться въ глубь Америки, ставшей послѣдней цитаделью белой расы, — я прихожу къ выводу, что совершенно невозможно перечислить всѣ эпизоды этой ужасной борьбы.

Популярныя книги воспоминаній, карты военныхъ дѣйствій, изслѣдованія и историческія изысканія съ успѣхомъ позволяютъ пробраться къ тому, съ которыми мнѣ приходится мириться. Въ военной копилкѣ, моею задачей является констатированіе о Красномъ Налёте въ связи съ моими личными исторіями съ нимъ и съ которыми мнѣ теперь приходится дѣлать различіе на одномъ языкъ, заглѣтыхъ солнцемъ острововъ Бермудскаго архипелага.

Мои переживания за годы работы военными корреспондентами были достаточно разнообразны и значительны, чтобы мои нервы не протрутились и я не научился быть равнодушнымъ свѣдѣтелемъ смерти, но ничто меня не потрясло такъ, какъ смерть моего любимаго племянника Дэвида Беркса, павшаго въ 1934 году. Онъ принадлежалъ къ первому милазіону американцевъ, вставшихъ противъ наступавшихъ орудъ Караханъ и павшихъ въ развалинахъ Такома, Сеттла, Олимпии.

Девяти моихъ ровесниковъ и друзей звали въ подростки Техуаникеми, тѣмъ пытался противостоять непріятелю, надвигающемуся съ Мексиканскаго залива. Въ теченіе цѣлаго года меня толкала мысль о прекрасной молодой англичанкѣ, находившейся по ту сторону океана въ рукахъ враговъ, и о двухъ юнкахъ, готовыхъ принести себя въ жертву, чтобы спасти ея жизнь.

И я, и лейтенантъ авіація Сидъ Винтей, и морской офицеръ Уайтъ Доджъ не иреставали бороться за участь Марго Демасовъ, спланировавъ снупиней жены Карахана и раздѣляющей съ нею плѣнь.

Уайтъ проклиналъ оборонительную тактику командованія, затинившую плѣнь флотъ въ Мексиканскій заливъ. Сидъ негодовалъ по адресу тѣхъ, благодаря которымъ Соединенные Штаты оказались безоружными въ воздухѣ. Это безсиліе на водѣ и на воздухѣ, въ сочетаніи съ "недостаточной подготовленностью" плѣнь силъ въ сумѣ, обличило наступленіе событий, въ изложеніи которыхъ я теперь перехожу.

Караханъ подъ прикрытіемъ своихъ авіаціонныхъ отрядовъ приступилъ къ высадкѣ войскъ на канадской побережьи, избравъ для десанта территорію Новаго Брауншвейга и долину св. Лаврентія.

Послѣ двухдневныхъ боевъ, красные удалось овладѣть дорогой, ведшей въ Новую Шотландію въ Квебекъ, — въ руки красныхъ перешли всѣ порты и промышленные центры отъ Пикту до Кебелетона.

Остатки разбитой канадской арміи въ смятенномъ обилии ужасовъ традиціоннаго населенія бросилась на югъ.

Гидропланы красныхъ воздушными бомбардировками разрушили подѣльные пути и разстроили железнодорожное движеніе. Въ то время какъ инженерныя работы надъ восстановленіемъ путей, переброска американскихъ войскъ на снѣгу приостановилась, и тысячи обманцевъ продолжали стремиться на югъ, замыкая шоссевыми дорогами автомобили, повозками и телегами.

На третій день красная флотія, предшествуемая цѣлою трайлеромъ, сильно проникла въ устье рѣки св. Лаврентія и послѣдняя попытка десанта на побережьи.

Теперь войска Караханъ располагали цѣлымъ побережьемъ длиною въ сто тридцать километровъ; высадившіеся отряды состояли главнымъ образомъ изъ сибиряковъ и монголовъ. Они овладѣли желѣзнодорожной линіей, ведущей вдоль канадскаго берега рѣки, и продолжали высаживаться на берегъ несчетнаго количества снаряженія, посуды, орудій и т.п. Американцы принуждены были лишь ограничиться единично-

ни авиации и партизанскими подразделениями, которыми особыми результатами достигнуть не удалось. Частичного успеха достигли американские подводные лодки, которым удалось потопить четыре неприятельских транспорта.

Успехи Карахана на северном фронте американские военные обозреватели объявляли:

- 1) Перевесом воздушных сил;
- 2) отсутствием береговых укреплений на канадском побережье, которое должно было охраняться британским флотом;

- 3) слабостью канадских территориальных войск, главнейшие силы которых были сосредоточены на фронте Британской Колумбии;

- 4) успешными действиями красного воздушного флота, подорвавшего правильное действие железных дорог, и замедляя прибытие на фронт американских воздушных сил;

- 5) перевесом Карахана на воде, мешавшим возможности безпрестанно поддерживать сообщение с Ливерпулем, Кинстоуном, Гамбургем, Шербургом, Булоном и Лиссабоном.

На основании живых наблюдений, слышанных мною за время путешествия по фронту с лейтенантом Бивасом и за время оккупации с канадской армией, я могу утверждать, что все вышеперечисленные пять причин сводилось к одной причине, а именно к организационному и стратегическому гению великого полководца, сумевшего использовать все обстоятельства.

Карахан сумел использовать даже природные условия театра военных действий. Он не видел препятствий в непроходимой чаще северного побережья реки св. Лаврентия. Его речные флотилии прикрывала хвойный фланг его ополчен, укрепившихся правым флангом в горный край.

Обеспокоенный фланги Карахан бросил свои полки на наступление на протяжении фронта в пятьдесят километров, а теперь его войска необходимо продвигались к Клебеку.

Оборонительными средствами города, находившегося в очень выгодном стратегическом расположении, устарел и не могли

противостоять современной военной технике, имевшей в распоряжении Карахана.

В течение столетия канадские колонисты привыкли полагаться на то, что британский флот гарантирует им политическую безопасность. От озера Онтарио до овеинского побережья не было ни одного хоть сколько-нибудь соответствующего современным требованиям укрепления.

А теперь, когда Британского флота больше не существовало, широкое устье реки св. Лаврентия превратилось в просторную, ничем не запертую дорогу, ведущую прямо к сердцу Канады.

Слева от реки тянулся горный и лесистый берег, принадлежавший штату Монт, а Карахан сумел использовать даже эти лесистые непроходимые леса, в которых не ступала нога человека и в которых не было еще дорог.

Сей маленький озер превратился в водный базис для его гидропланов.

Круглая суша базиса грузовой авиации подвозила в базис карады и горючие вещества. О том, чтобы захватить эти базис с суши, не приходилось и мечтать — они были совершенно неприступны, а река находилась в распоряжении Карахана. Отсюда полководцы могли властвовать над районом в триста километров радиусом.

Я говорил с американцами, который были доведены тем, что канадские Караханы поставили перед нами ряд столь тяжелых задач.

Полковник Виллоуби Уаткинс, в прошлом выдающийся береговой оборонительный сооружением Соединенных Штатов, улыбаясь, заметил:

— Почему Карахан вместо того, чтобы непосредственно направиться в Соединенные Штаты, предпочитает пробыть здесь столько времени на оккупацию территории, в которой ничего нет, кроме ферм, лесов, и рыбачьих поселков? Неужели вы воображаете, что он придет столько лет через восемь миллионов канадцев?

Его удар направлен против дяди Самы. Почему он не направился непосредственно в Массачусетс, Делавэр или Нью-Йорк? Почему он не пошел тем же путем, каким

ль свое время покинул англичане, когда они высадились на Бермудских островах и захватили столицу Вашингтон? Казно, по нашему, почему они не выбрали этого пути? —

— А чорт его знает почему, — ответил Винней.

— Да потому, что наши береговые оборонительные сооружения — это единственное, что хоть в какой-нибудь степени способствовало своему назначению, — ответил полковник. — Наше побережье защищено самыми тщательными образцы, — нет ни одного клочка земли вдоль всего побережья, на котором не было бы возведено фортов или батарей. На всех стратегических дорогах, и шоссе из них, имеются распорки бронеплана и автоматы, снабженные зенитными орудиями. Если бы они задумали высадиться на нашем побережье, то мы бы задали ему парю, и поэтому они пытаются пробиться сквозь Канаду.

Квебек пал 15 июня, и Карахан, перенес туда свой штаб; на флагишот замка Фонтенел, выдвинул его штаб-квартиру. — знамя уничтожения раст.

Это знамя, изготовленное по его проекту, изображало многозначный солнечный диск, от которого во все стороны исходили радужные лучи, символизировавшие полное уничтожение существовавших на земле рас и зарождение одной новой и единой расы, единственной признаваемой просвещенной диктатором.

Французы, проникшие в Квебек, осмелились возмущаться повсюду на то, что в домах, в которых проживали бывшие немцы, были расквартированы целые части Карахана. На это последовало официальное указание, что во время мировой войны французы точно так же расквартировывали в пререйных деревушках своих сенегальцев. И немцы Америки пришли по радио этому штабу.

Сиди Винней и я, выходя из Квебека в штаб Монт, захватили с собой скарпированные бронежилеты, броню и др.

Один из них, блондин французский, с раскрасившимся от усталости лицом, рассказывал нам следующее:

— Вы и не представляете себе, что там происходит. — на полях сражения наши солдаты лежат непогребенными.

Наши сестры и дочери захвачены в плен и удерживаются в лагерях. Наши мужья и братья принуждены работать на железных. В течение каждого дня происходили расстрелы, — они не знают жалости. Наши духовные вставили плакаты на телеграфных столбах. Господи! То, что я видел, неопровержимо!

Отряд Хемпкин Фергюсона, состоявший из двадцати тысяч человек, вынужден был сдаться в плен, и этим закончилось сопротивление, которое можно было оказать в этой области.

Галифакс был занят с суши, и гавань наполнилась судами крестных.

И снова возобновились нападения неприятельских войск, на сей раз захвативших самые крупные и оборудованные порты мира. Карахан отныне располагал отличной базой для своих морских операций.

Американская армия, посаженная на автомобили различных систем, начиная от грузовиков и кончая элегантнейшими автомобилями, принуждена была отступить — в дальнейшем удерживать в своем распоряжении железнодорожный путь Вудсток-Сент-Андре не представлялось возможным. По мере накопления у автомобильного транспорта бензина, — самый дорогой горючий материал был невозможен из-за непрерывных воздушных атак неприятеля, — войска принуждены были отступать и отступать на юг, уходя за Великую Тихоокеанскую дорогу.

Завоеватель захватил первый клочок земли в Новой Англии. Два дня спустя после занятия Квебека он занял Бангор.

17 июня линия фронта, судя по отснятым картам, начиналась в горах друидских племен, проходила в направлении километра восточнее Жекмена, Юэли Квебека и заканчивалась в Вальфрангу в штаб Монт. Бангор попал в руки неприятеля, и теперь американские войска отступали на шоссе, идущее от Ангульи к городку Армстронгу в штаб Квебек. Этот участок фронта был приращен к трети двадцати километров.

Создание американцев, было нанесено коррумпированным

ударь. Музыкина съ содроганием взглянула на вытпанные во припахъ свода и линию фронта.

Ежесекунно выходящія изстрелы телеграфныя огромныя пачки, прицѣпленныя буквами вырѣзали о сильно преувеличенныхъ, успѣхахъ американцевъ, но казенный успѣхъ не могъ никого успокоить. Паника продолжала расти.

Въ слѣдующіе пять мѣсяцевъ войны президентъ Смитъ призналъ подъ оказкою еще пять милліоновъ американцевъ. Страна запылилась людьми, именными походные свѣщеніе. Но на каждого счастливца, которому было выдано обмундированіе прѣта ханъ, имѣлось по крайней мѣрѣ двое, продолжавшихъ носить штатское платье и ограничившихся лишь узенькой полоской заплата прѣта на рукавѣ, свидетельствующей о томъ, что они зачислены въ ряды арміи.

Казарны были переполнены новобранцами. До отказа, и повсюду чувствовался недостатокъ не только въ обмундированіи и въ снаряженіи, но и въ инструкторскихъ кадрахъ.

Большинство призванныхъ, иногда въ званіи не держало въ рукахъ огнестрѣльнаго оружія, а въ распоряженіи правительствъ не имѣлось потребнаго количества ружей, и большей части новобранцевъ приходилось коротать время въ строевыхъ занятияхъ и въ гнѣвн солдатскихъ гнѣвн.

Всѣ театральныя и концертныя постановки были рекли-
мированы для нуждъ арміи и превращены въ казармы. Въ нѣ-
которыхъ городахъ для расквартированія войскъ были рекли-
мированы театры.

На фронтъ безпрестанно бросались эшелоны выходящюму обученныхъ новобранцевъ. Они перебрасывались по на-
правленію къ Орегону и Новой Мексикѣ, поступая въ распоря-
женіе командованія, использованнаго нхъ для постепеннаго убав-
ленія на позиціяхъ.

Воинскій духъ въ потрепанныхъ пачками американскихъ числахъ заставлялъ желать много лучшаго. Всюду слышались упреки по адресу авіаціоннаго вѣдомства, не сумѣвшаго огра-
дить армію отъ воздушныхъ атакъ неприятеля, и на слабѣе арміи, остро чувствующей недостатокъ въ боевыхъ предпа-
сать и въ продовольствіи.

— Ахъ, вы летчики? — презрительно протянулъ какой-то

лейтенантъ, котораго владѣлецъ земли въ августѣ познакомилъ со Службой Виснвеемъ. — Я кое-что читалъ о васъ, летчикахъ, во Франціи. Тамъ вы занимались только тѣмъ, что распыляли шампанское. А воевать вы предпочитали въ магазинахъ, де-
лать лѣтъ спустя послѣ окончанія войны. Вотъ сен, наши герои воздуха!

Единственные летчики, которыхъ мнѣ суждено было вѣ-
дѣть на фронтѣ, удирали отъ китайцевъ на югъ, не оказывая имъ сопротивления.

Служба Виснвеемъ густо поблаговѣла.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи вы правы, — признался онъ, — труднее, выпадѣтъ. ообщо. — Вотъ уже три недѣли, какъ я не съѣлъ въ аэропланѣ. Ужъ, нѣтъ больше у насъ не су-
ществуетъ.

— Что вы хотите сказать, признавая его правоту лишь въ нѣкоторомъ отношеніи? — запылился въ бесѣду владѣлецъ земли, инстеръ Лайт. — Въ чемъ онъ неправъ? Почему вы-
ни летчики не способствуютъ нашей оборонѣ?

— Во всемъ нивалта наша идіотская система, — отвѣ-
тилъ Служба. — И поэтому наша воздушная флотъ болѣе не существуетъ. Каждый дивизионный командиръ на фронтѣ авіаціи, былъ вынужденъ себѣ аэропланы для защиты своей дивизіи. Такъ было на сѣверѣ, такъ было и въ Новой Мек-
сикѣ. И вотъ, поэтому намъ и пришлось терпѣть пора-
женія.

Въ Европѣ я имѣлъ возможность наблюдать, какъ дѣйстви-
тели воздушныя силы Карахана. Онѣ уничтожали все, что нхъ
попало на пути. Онѣ добивались этого тѣмъ, что каждый
командиръ отряда имѣлъ возможность проявить наступатель-
ную инициативу. Въ воздухѣ такъ же нало нивалта играть
сраженіе оборонились, какъ и на сушѣ и на морѣ. Побѣда при-
надлежала тому, на чьей сторонѣ инициатива, и кто наносилъ
сокрушительный ударъ.

Мы разбиты были воздушными силами и превращены нхъ въ
стаю голубей. Вы знаете, какова участь голубя, когда на него
выбрасываютъ корнунъ? Вотъ вамъ, и результатъ — наши
голуби погибли.

Но все же нѣкоторая часть американскихъ воздушныхъ

онь уцѣлѣла. Но ихъ берегли для активной операции. 18 июня заготовки газетъ извѣстили население объ этой новой тактичѣ слѣдующимъ образомъ:

„Воздушная эскадра Соединенныхъ Штатовъ бомбардируетъ Галифаксъ. Огромный транспортъ красныхъ съ десятью тысячами тоннъ триглицерола потопленъ. Разрушительные порывы въ городъ и въ газани. Огромныя человеческія потери. Морской базисъ Караканъ въ Атлантическомъ океанѣ болѣе не существуетъ.“

Опубликованныя сообщенія сильно преувеличивали достигнутые результаты и умалчивали о томъ, что большая часть американской воздушной эскадры была уничтожена на обратномъ пути, подвергшись нападенію превосходящихъ силъ противника.

Ликование населения по поводу одержаннаго надъ Галифаксомъ „успѣха“ оказалось очень непродолжительнымъ. Уже на слѣдующую ночь Караканъ отлетѣлъ на палеты на Галифаксъ налетомъ на Востокъ. Военной и я началъ развѣ въ эту ночь находились въ этомъ городѣ, куда мы прѣхали проводить родителей Уайтъ Доджа, жившихъ на Беймонъ-Стритъ.

— Разрѣшите доложить вагъ, сэръ, — невозмутимо заявилъ дворецкій, обращаясь къ хозяину дома, — что мы только что сообщили о томъ, что по вырванному къ городу летитъ несправедливая воздушная эскадра и что въ ближайшемъ будущемъ городъ подвергнется воздушной бомбардировкѣ.

Позиція сообщенія по всѣмъ телефонамъ о тревогѣ и предложена потупить всѣ огни, не выходить на улицу и по возможности укрываться въ подвалахъ. —

— Хорошо, Ходжа, — столь же невозмутимо отвѣтилъ дворецкому мистеръ Доджъ. — Позаботитесь о томъ, чтобы въ подвалѣ были снесены диваны для миссъ Доджъ. Для меня принесите пресло, чайникъ и настоящую лампу. И не забудьте снести въ погребъ вечернюю газету.

Мы посѣщали вопрошались со стариками и шали на улицу.

По улицамъ проносились пожарные автомобили, навозили

ихъ ревомъ сиренъ и тревожнымъ звономъ. Городъ погружался во мракъ. Сотни людей стремительно бросались къ автомобилямъ, чтобы поскорѣе выбраться изъ города, но улицы были погружены во мракъ, и автомобили могли продвигаться лишь съ большимъ трудомъ. Кое-гдѣ произошли столкновения.

Первая бомба красныхъ разорвалась недалеко отъ Паркъ-Стрита. Сотрясение воздуха было такъ сильно, что не только полетѣли всѣ стекла въ ближайшихъ кварталахъ, но и рухнулъ свода подземной желѣзной дороги.

Нападавшие бросали живыя ракеты, въ которыхъ были прикреплены маленькіе парашюты. Пржектора, установленные на окраинахъ города, шарили по небу, пытаясь уловить сносами свѣта противника. А затѣмъ на городъ направились смерти. Одна изъ бомбъ упала на дворъ Коппинъ-отели, взорвалась, разрушила часть здания и убила сто восемнадцать человекъ, обитателей отеля.

Другая бомба разорвалась на крышѣ станицы подземной желѣзной дороги, — на станицѣ этой тѣсно вместились три тысячи человекъ. Нѣсколько сотъ человекъ были оглушены и убиты силой взрыва, а большая часть спавшихся тамъ людей пошла отъ послѣдовавшей за взрывомъ паники.

На густо населенные кварталы Чарльстона, Восточнаго и Южнаго Бостона бомбы сыпались десятками, и тамъ, гдѣ они взрывались, вспыхивали пожары, довершая разрушеніе, произведенное взрывами.

Одна изъ бомбъ обратила въ груды обломковъ огромное здание издательскаго тракта „Атенеумъ Прессъ“. Другая бомба разрушила Харвардскій стадионъ.

Послѣ того, какъ бомбардировка прекратилась, Бостонъ облегченно вздохнулъ и приступилъ къ подсчету своихъ потерь.

Паники любознательныхъ вылезли изъ своихъ укромныхъ угловъ на заваленныя обломками улицы.

И тогда началась вторая бомбардировка. На этотъ разъ несправедливіи воздушный флотъ ринулся на городъ внезапно. Несправедливіи аэропланы летѣли на очень большой высотѣ и спустились надъ городомъ съ приглушенными моторами.

Высшимъ на улицахъ населеніе охватила дикая паника,

— все постигнули скрыться в погребах и туннелях, подземной железной дороге. Одна из бомб повредила канализационную трубу, и восемьсот человек утонуло в затопленных южных потоках погребах. Следующие бомбы разрушили газовые трубы, и пожары довершили разрушение Чикаго.

Нанесенный материальный ущерб не имел особого значения; столь же сравнительно незначительны были нанесенные разрушения и в стратегическом отношении, но гибель семи тысяч человек заставила содрогнуться всю Америку. На правительство обрушился град упреков, в том, что американская держава оказалась безмощной ограбить жизнь граждан.

Часть американского воздушного флота, состоявшая из пятидесяти четырех истребителей, пыталась противостоять неприятельскому натиску и помешать воздушному налету, но участвуя в бой с превосходящими силами противника, большая часть была уничтожена.

Лишь четырем пилотам удалось выбраться живыми из этой воздушной битвы.

Очень значительным было то обстоятельство, что из огромного числа сброшенных неприятелем бомб только три упали в порт. Широкие слои глубины не отдавали себя отчета в значении этого факта. Карахит, однако, понимал, что, пока американский флот заперт в Мексиканском заливе, портовые сооружения не имеют для Америки никакого значения, и потому не хотело их разрушить. Карахит рассчитывал их использовать для своих нужд.

Результаты бомбардировки Востока явились та, что собравшиеся на конгресс бургомистры и губернаторы всех штатов и городов сурово потребовали принятия мер для обороны населенных пунктов от воздушных налетов неприятеля.

Но генеральной штабу, не располагавшей достаточными средствами в его распоряжении оборонительных средств для нужд отдельных городов подвергся ожесточенным нападкам, и у президента Смита хватило достаточно гражданского мужества для того, чтобы признать своим авторитетом прекращение военных действий.

Объяснить провинции, прутам населения, что остатки погибших средств должны были быть бережены для охраны населенных пунктов страны, — то есть для защиты незащищенных рудников и лесов, Ниагарской железной станции и стратегических железных дорог — не представлялось возможным.

Налич в распоряжении Карахита были все порты и железнодорожные сооружения Квебека, Галифакса и Сент-Джонса и имелись полная возможность продолжать наступление вдоль реки св. Лаврентия в Восточный Монт. Решительный удар нанесен был канадцами в направлении.

Вокруг американский и канадский флоты почувствовали на себе сокрушительный напор неприятельских войск, продолжавших теснить линии фронта в итоге коридора шестидесяти километров шириной.

Пути сообщения во тьму зимних отрядов беспрестанно подвергались воздушным атакам. Фронт был прорван, и линии части принуждены были податься назад. Небольшой речной суд, идущий вверх по реке, обстреливали из части с тыла.

Отход нашего главного флота открыл доступ неприятельским силам к озеру св. Петра. На юге линии фронта отступили к Шербруку, в противном случае наш главный флот мог быть отрезан от основных сил нашей армии.

Налич истребители в направлении из Монт, несколько ослабли, но все же они, поддерживаемые своей авиацией, продолжали развертывать наступление.

Праздничное население Августа постигло счастье быстрой из Левистоуа, и, после длинного зимнего дня, красная война заняла главный город штата.

Полки американцев и канадцев были очень велики. Отопавшие в тьму передовых позиций резервы не принялись даже продвигаться вперед: на линии боя, — Карахит продолжал линию боя из тьмы. Канадцы оказывали ожесточенное сопротивление. Застывшие с пулеметами отряды, разбегавшиеся в сражении, переходили в пехотную бой, тесно пытаясь противостоять в неравной борьбе.

Теперь наступление Карахита развернулось по обе сто-

роны от рѣки. Едва танкеры успели направить жертвами дороги, ведшей на западъ къ Монреалю, какъ повторные воздушные налеты снова привели ихъ въ негодность. Шоссе въ тѣлу американскихъ войскъ превратилось въ рядъ опротивѣвшихъ веревочекъ, лишавшихъ возможности использовать эти дороги для сообщения.

На утро 20 июня передовые отряды красныхъ достигли Монреаля. Войскамъ Карахана, продвигавшимся вдоль Тихоокеанской дороги, удалось переправиться черезъ рѣки Оттаву и Бакъ, несмотря на то, что переправы обстрѣливались легкой франко-канадской артиллеріей.

Караханъ, лично руководившій переправой, использовалъ свои неисчислимые авіаційные резервы для создания дымовой и газовой завѣсы, подъ прикрытіемъ которой ему и удалось совершить оперцію. Красныя суда, находившіяся на рѣкѣ, бомбардировали Чемблеръ двадцатисантиметровыми снарядами. Артиллерійская дуэль разрушила до основанія университетъ Макъ-Гилла и госпиталь Викторіи. Солдаты раненыхъ въ тѣстахъ повязкахъ, съестныя погубили.

Прежде чѣмъ покинуть городъ оруженцы, они попытались, хотя и безуспѣшно, поджечь мастерскія Тихоокеанской дороги, артиллерія Карахана тщательно пыталась не шикать въ нѣтъ разрушеній.

Большинство результатов удалось добиться подрывами каминаровъ, взорвавшими шоссе рѣки св. Лаврентія и задатого ливневыхъ возможности плаванія по рѣкѣ.

Монреаль капитулировалъ 21 июля послѣ обѣда — пять тысячъ канадцевъ и тысяча американцевъ, помыли въ парѣ.

Линія фронта отошла на юго-западъ по направлению къ рѣкѣ Ринелле — старой границѣ между Канадой и Вермонтомъ — къ городамъ Филлипсбургъ и Ричфордъ.

Въ теченіе предыдущихъ шести дней ожесточеннѣйшихъ боевъ, красные развинули свой фронтъ напередъ на 320 километровъ и продвинулись впередъ на 270 километровъ.

Американцы и канадцы отлично понимали, каковы образомъ въ свое время въѣзжать, удасть осуществитъ свой быстрый наступленіе въ Великій, но для того, чтобы они поняли, что то

же самое могло осуществиться въ Канадѣ, имъ пришлось испытать ужасы войны на дѣлѣ.

Наша военная оппозиція, отбѣчая, что наступленіе Карахана разсѣивается въ Канадѣ медленнѣе, чѣмъ прошлогднее выступленіе его въ Европѣ, пытались изъ этого сдѣлать выводъ, что сопротивленіе, оказываемое американскими войсками, было упорнѣе сопротивленія, оказаннаго Европой. Впервые жгучей лавной суждено было испытаться съ нацией, свободной отъ классовыхъ противорѣчій.

Но въ слѣдующіе четыре мѣсяца и десять дней борьбы съ Караханомъ Америка пришлось испытать больше бѣдъ и потрясеній, чѣмъ въ всю исторію ея существованія. И несмотря на это, по мѣрѣ продвиженія Карахана росла и способность американцевъ къ сопротивленію, росъ ихъ воинскій духъ. Если американцамъ и не удалось приостановить продвиженіе Карахана, то во всякомъ случаѣ тѣмъ же неслучайнымъ образомъ удалось замедлить его наступленіе. Караханъ не сталъ наступать въ Монреаль.

Въ то время, какъ тысячи военныхъ и гражданскихъ пѣхотинцевъ надъ прииспрохъ желтыхъ надсмотрщиковъ работали надъ возстановленіемъ разрушенныхъ дорогъ и средствъ сообщенія, Караханъ использовалъ непосредную въ его распоряженіи рѣшную власть отъ Монреаля и продолжалъ наступать вдоль рѣки Ринелле.

Передовые отряды желтыхъ уже вторгались въ штаты Нью-Йоркъ и Вермонтъ. Американскія войска у Платтсбургъ не выдержали непріятельскаго натиска, а Саутъ-Альбази и Милтонъ на берегу Вермонтскаго озера перешли въ руки непріятеля. Городъ Берлингтонъ на границѣ Вермонта подвергся ожесточенной воздушной бомбардировкѣ.

Монтионская кавалерія прорвалась въ тѣлу и въела разстройкою въ ряды отступающихъ американскихъ войскъ. Въ ожесточенныхъ бояхъ эта кавалерія пошла до послѣдняго члена, но ей удалось задержать прорывъ американскихъ подразделеній въ городъ Монпелье.

Попрежнему непріятель разрушалъ въ тѣлу американцевъ желѣзнодорожные магистралы, — непріятельскіе летчики бомбардировали не только жѣлѣзные дороги, но и порты на по-

бережья. Сл флангов наступавших войск Карахана обстреливались артиллерией из горных добрых ствольниками и пулеметчиками. Против этих стрельб Карханы выдвигали отряды своей кавалерии. Действия неприятельской авиации мешали американцам возможности сконцентрировать свои войска и собрать их в более мощную боевую единицу. Горы лишали возможности развернуть боевые операции, и война приняла характер партизанской войны, воспринятая в современную эпоху воспоминаниями о „Кожаном Чулсе“ и героях Фемора Кулера.

Кресный Насеонты решили перебросить главные силы на юг, по ту сторону водного пути, в свое время прозванного проходами и мостиками „Военной троной народов.“

Этим путем в свое время продвигались лишь Бурбоны, имея же путь развирывалось никогда выступление англичан, когда они полтора столетия тому назад сделали попытку повернуть молодую заокеанскую республику; путь этот стал для американцев неразрывно связанным с именами Стюарта, Роджерса, Пуинета. На этой дороге шли безчисленные количества американских, английских, французских, голландских и прусских войск, и снова повторялись истории, — снова по этой дороге сгружались потоки завоевателей, объединивших в своих руках представителей всех рас, мира.

На линии фланга своего фронта Караханы продолжали наступление. Его оборудованная по последнему слову техники береговая укреплённая могла противостоять любому нападению из моря. Потери Америкой стратегических и экономических портов, играющих такую большую роль в мировой торговле хлебом, была болезненно воспринята общественными кругами. Несмотря на то, что американскими подводными лодками и удалось потопить несколько транспортных и рейсеров. Караханы, безспоря, оттаивалось то обстоятельство, что два дня спустя после занятия портов Караханы уже получили возможность засидеть на территории шата Мавь большой десант. Построенная по последнему слову техники жёлобо-бетонная портовая конструкция оказалась очень прочной, и попытка

американцами разрушить их при отступлении потерпела неудачу.

На атлантическом побережье американцами удалось добиться частичных успехов и вблизи Портленда приостановить наступление противника, но и этот частичный успех не дал возможности перейти к контр-наступлению. Караханы прочно держали в своих руках означенную юг-западную линию Портленд—Монреаль.

Страдания смерно обучивших, терпевших недостаток в снаряжении и боевых припасов, американских солдат, мужественно пытавшихся противостоять наступлению Караханы, не поддаются описанию. Списки павших в бою под Саратога были настолько ужасны и многочисленны, что правительство в течение ряда месяцев не решалось опубликовать их. Во время боя под Саратога американцы неожиданно обрели двух союзников. Выпав снег, в 30 ноября рёк Лаврентия замёрз, — тогда самцы Караханы заняли своей главной военной стратегией, по которой развивалось его наступление. А во-вторых, в эту его войну вспыхнула жестокая эпидемия инфлюэнцы.

Во всех церквях Америки по этому случаю возмолвлены благодарственные молитвы.

Но у Караханы в Европе и в Азии имелись неисчислимые человеческие резервы, а незамерзающие в течение всего года порты Галифакс и Сент-Джонс давали ему возможность продолжать переброску войск из американской колонии и обратно. Особое значение для Караханы приобрели незамерзающая гавань Портленд. Но склады Портленда не смогли принять все количество потребного для четырёх-миллионной ассоциативной армии Караханы боевого снаряжения.

Когда бы в северном направлении от Нью-Йорка несколько утихло, американские войска заняли позиции по линии озера Онтарио, безчисленного множества островов на этом озере и долины Черной Рёк—до Гудзона. В западной части штата Нью-Йорк спорными пунктами американцев были Сиракузы, Альбани и Утика. Города эти подверглись воздушным налетам, но линия фронта продолжала находиться в

северу от этих городов, и последние находились вблизи зоны обстрела неприятельской артиллерии.

Силы Бостона позиции американцев подвергались нападению со флангов, и американцы были принуждены податься назад под угрозой обхода. Карахань отлично отдавала себе отчет в создавшемся положении. Они усилили свои войска фланговой, находившейся в Портленде, послали на участок фронта у Атлантического океана сибирских части, привели к морозам, и начал наступление, завершившееся в ночь на Рождество в 1934 году занятием Бостона.

Америка не могла остановить его наступления. Генеральный штаб в Вашингтоне полагал, что гораздо важнее задержать Нью-Йорк, подверженный старым кулуарным центром, каковы являлся Бостон.

Наступление Карахана от Монреаля на Саратогу длилось сто тридцать два дня. За этот срок Карахань продвинулся на 320 километров.

На долю Америки выпало безрадостное Рождество. С трех сторон неприятель вторгся в страну — Новая Англия была захвачена, и враг угрожал промышленному сердцу страны — угольному району Пенсильвании.

Восемь миллионов американцев были призваны в армию. Пять миллионов американцев находились на канадском фронте. На западе, — в Орегоне два миллиона американцев пытались остановить желтую лавину, несущую с Тихого Океана. И наконец один миллион бойцов заняли подступы к суше в Мексиканскому заливу.

Вечером после Нового Года в Нью-Йорк прибыл Уайт Додж. Явившись ко мне в „Нью-Вестерн-Тел“, он изложил мне следующие сообщения:

— Марго находится в Америке, — сказал он.

— Откуда вам об этом известно? — спросил я.

— Две недели тому назад я насадился на ирландской побережье на Боннри Бай, где находится со времени начала похода женой Карахана. Этот остров дымил все еще не жалеет подить свою жену. Лишь обещала ему не беспокоить его при условии, что он позволит ей и Марго уехать в Америку. Она просила разрешения отправиться в Портленд,

по тому что ее очень беспокоила судьба ее родителей, проживавших где-то на севере от Бостона. Карахань позволил ей отправиться в Америку. Несмотря на то, что она не имела к ней никаких чувств, она не могла отказать себе в тщательном желании познакомиться с его действиями. Когда я рассказывал им, они тотчас же к отъезду. Я подробнейшим образом описал им один из пунктов на побережье, служивший базой для многих подводных лодок, и тем, мы должны испытаться через пять ночей.

— Но откуда они смогут уехать, в какую ночь мы являемся за ними? — спросил я.

— В этом мы им поможем, — ответил Додж. — Она будет в Портленде принимать сообщения по радио, и мы прибудем к помощи нашего старого шифра. В передаче сообщения по радио сообщения незамысловато оставят и наше сообщение. Она будет стенографировать всю передачу, и потом расшифрует ее.

— Уайт, это чертовски опасная работа. Если она обнаружится, то нам не сдобровать!

— Я знаю, — сказал Додж. — Но вот уже год, как она живет между жизнью и смертью. Ведь я был лишь ее курьером. Сообщения ее об организации английской промышленности и внутренней политике Карахана были самыми важными сообщениями, которые Вашингтону удалось получить из петербургского лагеря. Марго отдает себе отчет в том, какой она подвергается опасности, но она знает, что другого выхода нет.

Ползание Марго, которое мне удалось включить в радиосвязи по радио сообщения, гласило:

„БУХТА ГРЕЯ, ПОЛНОЧЬ, 7 ЯНВАРЯ.“

В течение следующих пяти дней сообщение это передавалось ежедневно.

Озбоченный всем происходящим, и с трепетом ожидая до середины января возвращения Уайта Доджа в Нью-

Юрис. Получил ли Марго Дежиссон мое сообщение и удалось ли его опешить агитатора? Удалось ли ему безпрестанно провиниться в тьме неприятелиского расположения?

Удалось ли американской подводной лодке незаметно пробраться к побережью, сундла ли Уайты высадиться на берег и затем снова возвратиться на лодку?

Для того, чтобы хоть отсколько заботиться, я попытался сь головою уйти в изучение положенія на материкъ. Была ли мы подготовлены кь восстанию возобновлению военныхъ дѣйствій? Не было никакого сомнѣнія вь томъ, что сь наступленіемъ весны Караханъ, начнетъ разивать операциі на нѣкихъ трехъ фронтахъ: и вь Новой Англіи, и на Тихоокеанскомъ побережьи, и у Мексиканскаго залива.

На территории Соединенныхъ Штатовъ отнынь находились дѣи неприятельскія армиі общей численностью до шести милліоновъ челоуѣкъ. Однако это обстоятельствомъ особаго значения нашихъ южно-американскихъ сосѣдей не пришло.

Со дня начала войны вь Америкѣ вь распоряженіе Карахана перешли главнѣйшіе южно-американскіе порты, каковы: Ріо-де-Жанейро, Буэнос-Айресъ, Вальпараісо и рядъ болѣе мелкихъ.

Разрозненныя боевыя единицы чилийскаго, аргентинскаго и бразильскаго флотовъ, попытались оказать сопротивленіе флоту Карахана и были разгромлены. Лишь двумъ чилийскимъ крейсерамъ, одному аргентинскому крейсеру и одному бразильскому броненосцу удалось избежать печальной участи остальныхъ судовъ и проватиться вь Мексиканскій заливъ и присоединиться кь флоту Соединенныхъ Штатовъ.

Овладевъ южно-американскими портами, Караханъ гарантировалъ сѣбѣ безперобильный подвозъ сырья для нуждъ своей европейской и азіатской промышленности, — особое значеніе имѣло то обстоятельство, что отнынь болонійскій каналъ переходилъ вь распоряженіе Карахана. Для Соединенныхъ Штатовъ это было тяжелейшій ударомъ.

Южно-американскія государства, до сего времени обслуживавшіяся американской промышленностью, теперь принуждены были искать рядъ промышленныхъ издѣлій изъ Европы и цѣплялись подчиниться воли Карахана. Сопротивленіе было

бы бесполезнымъ, ибо Караханъ безраздѣльно властвовалъ надъ морями.

Отношенія между Канадой и Соединенными Штатами, на первыхъ порахъ носившія натянутый характеръ вь связи съ происшедшими пограничными инцидентами, наладились: единство интересовъ обмѣстъ государствъ заставило ихъ сплотиться, несмотря на различіе ихъ политическихъ системъ. Эдуардъ VIII, сынъ повобнаго короля Георга V, вь свое время сталъ популярней принцъ Уэльскій, послѣ паденія Оттавы переходя вь Вашингтонъ. Туда же прибылъ рядъ европейскихъ монарховъ, лишившихся троновъ. Присутствіе этихъ королевскихъ особъ вь Вашингтонѣ было исключительно вь цѣляхъ пропаганды и для привлеченія вь ряды армии множества бѣлнцевъ, изъ Европы, наводнившихъ Америку. Подъ руководствомъ американскаго командованія были сформированы англійскіе, французскіе, нѣмецкіе и скандинавскіе иностранныя легіоны, утѣчавшіе сѣбѣ кь вою, сражаясь бокъ-о-бокъ съ американскими войсками.

Но вскорѣ популярности Эдуарда вь Вашингтонѣ пришелъ конецъ. Красное командованіе опубликовало по радио секретныя документы, показавшіе ему вь рукахъ при заливѣ Лондона. Неприятельское сообщеніе гласило:

„Рѣше бывшаго англійскаго короля и японскаго монарха, снзволнншихъ, какъ сообщаютъ американская радиостанція, обратиться кь Америкѣ съ призывомъ воевать противъ Панъ-европейскаго Союза, приобрести особую шиканность при ознакомленіи съ секретными документами, обнаруженными вь японскомъ и англійскомъ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ.

Речь идетъ о планѣ секретнаго договора между Великобританіей и Японіей, предусматривающаго возможность войны одной изъ этихъ державъ съ Соединенными Штатами. Вь случаѣ конфликта съ Америкой обѣ договаривающіяся стороны обязуются совместно выступить противъ Америки. Тайный договоръ предусматриваетъ англійское вторженіе вь Америку черезъ Монреаль и насадку японскихъ войскъ на Тихоокеанскомъ побережьи. Одновременно съ выходомъ черезъ Канаду вь Вашингтонъ объединенныя воздушныя силы Японіи и Англіи совершаютъ налетъ на Панъевскій каналъ.

Военное ведомство здесь, заняв, получило в свои руки разработанные до мельчайших деталей планы вторжения в Соединенные Штаты и проекты уничтожения американского морского флота, и Карахану пришлось лишь внести в эти планы ряд незначительных изменений. Вторжение в Соединенные Штаты осуществлялось на основе военных планов обхода мелихов, являющихся гостеприимством Ванинговского правительства.

Наконец-то, 15 января моему безпокойству за судьбы Уайта Доджа и Марго Денносов. наступил конец: по миф, по обыкновению своему улыбался, вопел молодой моряк и спавал:

— Все в порядке! Никто не проследил за мной, и я добрался на лодке до берега и настал Марго в условленном месте. Мы проехали вместе целый час. Она на своем деле исключительная девушка!

Карахану повести. Лизы и Марго в маленьком заброшенном коттедже на берегу озера Себаго. Они играли свободно передвигаться и в их распоряжении имеется даже небольшая автомобиль. К условленному месту она прибыла в автомобиль с предосторожностью огня.

Лиза рассказала своим родителям, что Салем, в штате Массачусеттс и на этой неделе перебрался к ним вместе с Марго. Я говорил с ней о том, чтобы встретиться она не одному из пустынных уголки побережья — а именно между Салемом и Гючестером, у так называемой Скалы Омаров. В двете я там живу, этих пугающих рамок.

— Карахану уже видел Марго? — спросил я. Меня забавило это обстоятельство, и я хотел его показать для Олди Ванин.

— Хвали Богу, нет, — ответил Додж. — Желтый домик не видел ни ее, ни Лизы. Похоже на то, что ему доставляет радость терять свою жену. Вы ведь знаете, что прежде чем разлучить ей прийти в Америку, он взял с нее слово, что она не станет безбожничать его в стране. Надеюсь, он никогда не увидит Марго.

— Но кто находит там с ними? Неужели они живут там в полном одиночестве?

— О, там находится наш многогранный приятель полковник Бойер. Он больше чем когда-либо убежден в успехе плана Карахана. Никто из бывших в стране и тогда сопровождает верхов Карахана на его утренней прогулке. Он рассказал с чем много любознательного о вечернем плане каппинг, и Марго все признала из сведения и сообщила мне. Еще сегодня вечером я сообщу обо всем, нашему генеральному штабу.

На долю Нью-Йорка, Балтимора, Вашингтона и Филадельфии упадут ужасные воздушные налеты и бомбардировки. Главный удар Карахану готовить в западной от Гудсона направлении. Марго предполагает, что он попытается прорвать нашу фронт, призывающий каппинг. Эри.

Во что бы то ни стало он хочет овладеть рудниками и копями Пенсильванского района. Срок начал наступления еще не определен, потому что он принужден выждать, пока не испросят риза с. Лаврентия. —

И словно в подтверждение правдивости информации Марго в ту же ночь Филадельфия стала жертвой ужасного воздушного налета.

На следующую ночь неприятельский воздушный флот подверг трехчасовой бомбардировке Вашингтон. Если число человеческих жертв и было не особенно велико, то спарядили разрушили ряд общественных зданий и нанесли большой ущерб железнодорожному сообщению. Тут же за налетом на столицу Соединенных Штатов, не подвергнувшись нападению со стороны 1814 года, когда англичане сожгли город, последовал приказ об эвакуации и перенесении столицы в штат Миссури в Сент-Луис.

Когда я возвратился через три года после окончания войны в Вашингтон, я увидел в этом городе, никогда не имевшем 540 тысяч жителей, всего лишь десять тысяч обитателей. Вашингтон, бывший исключительной административно-политическим центром и не имевший ни культурного, ни промышленного значения, опустел и превратился в маленький городок.

Карахану повести, днем начала весенней кампании 21 апреля. На рассвете 21 апреля 1935 года артиллерия Кара-

«Восточный Пенсильванский»

хана отряды на протяжении всего фронта сократительный артиллерийский огонь, за которыми последовала воздушная бомбардировка.

И в то же самое мгновение желтым войском Карахана возобновили штурм американских позиций на тихоокеанском побережье. Одновременно сь, зная на мгн приближал войска возобновил попытку пробиться сь суши кь Мексиканскому оазису.

Восстановление операций на двух трех фронтах военных действий имело своим целью известное сь ради американского командования и затруднить ему выяснение того, на каком именно изь этих трех фронтов будет нанесен решающий удар.

Карахану удалось бы скрыть свои подвиги штурмов, если бы Марго Денасонь не пришла кь его плану. Предупрежденное сь американское командование сконцентрировало все свободные силы на фронте озера Эри, готовясь отразить наступ мексиканского полководца.

В течение трех последних зимних месяцев американцы непрерывно работали надь укреплением своих позиций, и основной американский фронт имел последнюю барьерную, отбрасывавшую наступавших оть промышленного сердца страны.

Глубокие подземные коридоры, крытые бетоном, соединили четыре линии укреплений и открывали возможность плавно отступить вь случае необходимости оккупить одну изь оборонительных линий. На этот участок фронта была переброшена вся артиллерия, которую можно было безь особого ущерба снять сь остальных фронтов.

Несмотря на то, что американская авиация подвергалась реорганизации, Карахан все еще сохранял за собою преобладание вь воздухе, и действия американских летчиков ограничивались лишь нанесением воздушной разведывательной службы, по возможности не входя вь непосредственное сь неприятельскими воздушными силами.

„Чикаго Трибюн“ удалось предоставить вь мое распоряжение аэронавиг, и вь качестве летчика по нмь был прикомандирован, по моему настоянию, мой старый приятель

Сидди Винней, находившийся на нмь за то, что я своим ходатайством позволил его отовое сь фронта.

Разумеется, наши аэронавиги, не причисленные кь военной авиации, должны были остаться безоружными. На крыльях своего аэронавиг красовались огромные красные инициалы ии зеленая шаль. Разумеется, мы не были столь наивны, чтобы полагать, что неприятель не осмыслит изь уважения кь международным законам ведения войны опасность на нмь, но все же оказалось, что неприятельские авиаторы следили за нмь пристально, сь поразительной точностью.

Начало весенней кампании возмужало на меня война обаятельности. Отныне я был не только военным корреспондентом, но и весь радиослушу. Наши аэронавиги были снабжены небольшой радиостанцией, и я регулярно посылал по радио сообщения, признававшиеся ставкой вышней военачальнической армии, во главе которой стоял Френкис Х. Меллмейер.

Радиостанция ставки принимала мои сообщения, которая и доставляла вь микрофон, установленный на аэронавиг, и затем передавала по всей радиосети страны.

Пегги Стеглы, stenografistka, работавшая вь бюро отъа Сидди, слушала мои сообщения, stenografировала ихь и затем присылала мне копию моего сообщения для проверки. Так как речь вь сообщениях шла о военных событиях первоостепенной важности, то я позволял себе привести отрывок изь одного моего сообщения, вызвавший за его краткость.

„У микрофона Флэди Гиббонс. Нахожусь на наблюдательном аэронавиг „Чикаго Трибюн“, прикомандированном кь западному фронту. Мы летим на высоте трех тысяч метров, курс взять на запад оть Шеншипеда. На этой высоте очень холодно и туман препятствует наблюдению. Вь горах, вь тьму неприятеля еще неясно видно.“

Артиллерийская дуэль вот уже два дня длится сь неслыханной силой. На востоке надь камп-то населением, пылится виднеется большое дымящее облако. Это — Малта. Город находится вь руках красных. Остань оть Малты большой пожар.

Огонь неприятельской артиллерии не ослабевает ни на минуту. Поединком, красивые сконцентрировали свои силы именно на этом участке фронта. Доза... Вы слышали?... Не знаю, как звать поправился этот звук, но во мне они вызвали приятных чувств не вызвали. Это просветила граната, выпущенная одним из американских тяжелых орудий. Сидя Бинней, сидящий у руля самолета, утверждает, что они пролетели, как проносящийся по улице трамвай.

Сидя остановить самолет, свиниться, и теперь мы находимся вблизи предполагаемой досягаемости для американских орудий. Если мое сообщение неожиданно оборвется, то это будет означать, что одна из гранат достигла своей цели.

Нельзя отсюда в такую темную полосу звала Эрн. Мы летим по направлению к каналу. Сидя Бинней тщательно следит по сторонам, не появился ли неприятельский самолет. Наши самолеты безоружны. Мы берем курс на север.

На одном из участков фронта — недалеко от американского расположения — видны столбы дыма и земли. Широкая полоса проводочных заграждений охватывает этот участок. Я беру бинокль — теперь я смогу разглядеть, что там происходит.

Здесь неприятель переходит в наступление. Тесно сплетается сеть пробитых проводов заграждения. Беспрепятственно двигаться здесь невозможно. Порой дым рассеивается, и картина боя проясняется, чтобы через мгновение все снова занеслось дымом.

Мы летим назад. Сидя Бинней повернул и развил полную скорость.... Одно мгновение... на горизонте показались самолеты вражеские, — они приближаются к нам справа. Мы сворачиваем влево.

Я очень надеюсь, что мне не придется дальше наблюдать за сражением — отсюда я с трудом различаю проводочные заграждения. На vých, появились глыбы желтых — наши ребята удерживают позиции. Но желтые повторить атаку. Я знаю, они не откажутся от своего замысла — я наблюдаю за Караканом во время боя, в Европу и знаю — от бросить в

область смерти десятки тысяч своих людей, лишь бы достигнуть намеченной цели.

Мы летим над Сент-Джонсвиллем. Кажется, это Сент-Джонсвилль, — но он весь разрушен. Или это Ричмонд? Надеюсь, мы избежим сафиды за нашим полетом по карте? Мне несколько затруднительно установить наше местонахождение — в воздухе это не так-то просто. Для того, чтобы ориентироваться, я должен смотреть на канал Эрн. Теперь мы взяли курс на запад.

Подъём горы какой-то горы — это, если я не ошибусь, Миддлсвилль. Около здесь я вижу несколько неприятельских батарей. В Миддлсвилле творится нечто ужасное. Город окутан дымом и пламенем. Одну минуту... Бинней переключает курс, и я не могу ориентироваться. Я сейчас попытаюсь установить по карте, где именно мы находимся. Теперь мы летим на юг... юг, на юго-восток. Справа от себя я вижу несколько столбов пламени. Слышите ли вы шум моторов? Бинней увеличивает аппарат свиниться — мы ускоряем на скорости. Слышите ли вы замывание ветра?

На опушке леса под углом выветрившейся земляной укреплении. Я вижу несколько орудий — это американская артиллерия. Теперь мы находимся в полу нашего расположения. Наши батареи в лесу охватывают, частый огонь. Я не могу разобрать, куда они стреляют, да если бы я даже и знал это, то мне же не было бы никакой пользы сообщать об этом.

Мы летим на восток. Сидя, кинул головой. Совершенно верно, — мы вторично направляемся на фронт. Мы пролетаем над каналом — далеко на неприятельском расположении, за горами блеснула узкая полоска воды. Разглядев, я взглянул на карту и определяю, где мы находимся. Совершенно верно, эта полоска воды озера Хенсли. Я предлагаю бы своим слушателям, последовать моему примеру и также взглянуть на карту. Теперь передо мною снова проводочные заграждения... красные... неприятель... подожгите... позиция прожигает... теперь я вижу..."

На моем спидометре много сообщений неожиданно обрывается. Причиной столь неожиданного перемены в моем сообщении является рваный толчок — наш аппарат стремитель-

но идти, в сторону, чтобы избежать столкновения с неприятельскими аэропланами, открывшим по нашему аэроплану пулеметный огонь.

После ряда стремительных эволюций Бинней удалось избавиться от преследователя, и мы свесили удерживать на юг.

Впоследствии просматривая плененные своим сообщением, я начал, возможно, убедиться в том, что мои последующие послы этой встречи с неприятельским летчиком, сообщенные мной, не отличались от предвещающего — я не учла, что спешность и спешность часто заставляют происходить.

Примерно, дважды в неделю мы предпринимали полеты над неприятельскими расположением, и я описывал по радио происходящие сражения. В дальнейшем неприятельские летчики на нас не нападали, и я из этого сделал вывод, что мои сообщения по радио достигли слуха не только наших станций, но были услышаны и неприятелем. Позднее, штаб Каракана распорядился не чинить препятствий моей корреспонденции деятельности в воздухе.

А я со своей стороны был достаточно предусмотрителен, и в своих сообщениях не упоминал ни о чем, что могло бы иметь какое-нибудь стратегическое значение для неприятеля.

Так же, как мы решили не покидать судьбы и при полетах неприятельских боевых аэропланов сбитыми улететь в свое расположение. Май и июль истребители летали над нашими позициями. Количество извергнутого неприятельскими батареями металла и взрывчатых веществ, производило много шума, фигурирования во всех предшествующих войнах и краях. Воздушными силами противника непрерывно разрушались наши стратегические железные дороги, и тут же эти дороги снова восстанавливались тысячами рабочих рук, — безграничное количество инженерных частей было размещено вдоль железных дорог и шоссе, и тут же после того, как неприятельские аэропланы, совершив свое разрушительное дело, свалились на горизонт, наши отряды принимались за восстановление разрушенного. В силу этого сообщение с фронтом не прекращалось, что имело для нас огромное значение.

В некоторых направлениях, действуя удалось добиться частичных успехов, — так, у Уатертона нам удалось продвинуться в направлении на западу Дри, но на флангах наши позиции устояли, и под перекрестным огнем летимых с нас пришлось отойти назад.

При этом накрывавшие потери боялись потерь, но убавлять линиях состав была все же меньше, чем у противника, убавлявшего из этих боих сотни тысяч людей. По мере того, как наши позиции оказывали сопротивление упрямому натиску Каракана, построение в тылу становилось все больше и больше борозды.

Американский фронт стал устойчивее — тыл Каракана не достиг своей цели. Впоследствии стратеги и тактики объясняли неудачу Каракановского плана его честолюбием и самоуверенностью. Имевшиеся в его распоряжении коммуникационные пути были слишком недостаточны для того, чтобы они могли, при наличии их, перебросить на фронт все то количество людей и снаряжения, которое было необходимо для его успеха.

В день празднования 4 июля население встрепало на оптимистический лад. Выходя с Бинней, я провел этот день у его родителей, проживавших в Сент-Луи, столице штата.

— У нашего Аль Санта есть еще много в голове, — заявил восторженно старик Бинней, — то обстоятельство, что он, великий бывший президент Соединенных Штатов Гровер, предпринимает военно-промышленного комитета, очень важный политический ход. К тому же Гровер единственный человек, который в состоянии реорганизовать нашу промышленность и вывести ее из тупика.

Он принял все меры к тому, чтобы сырье поступало только в те отрасли промышленности, которая работала на оборону. Проведенная им политика ускорила темп производства и позволила его от большого количества совершенно лишней работы. Совершенно изумительны его достижения в деле закупа недостающего нам сырья, как-то: резины, стекла, алюминия — другими веществами.

Что было бы с землей в это лето, если бы не проведенная нами система реконструкции, при которой райы производств, райы дружины промышленных центров были перенесены в сельские местности, и промышленности таким образом не была бы децентрализована, если бы система снабжения ее административной организацией не поддерживалась бы реконструкцией? После очередного воздушного удара, разрушившего нашу электростанцию у водопада Ниагара, и Аддисоновскую станцию, нам пришлось лишь переключить все предприятия на другие станции, и приток энергии возобновился. Наша промышленность работает усиленно, темп работы и теперь не снижается, распорядители снова получают большое количество аэропланов.

— Я что-то не замечала их на фронте, — замечала сын.

— Заткнись, глупка! — прикрикнул на него старик. — Ты воображаешь, что можешь судить по своему участку обо всем, что происходит на фронтах. В свое время, когда я оказался во Франции, я воображал то же самое. Подожди, не пройдет лето, так все динамичнейшим на всех фронтах и во всех местах будут работать на оборону, — произойдет военное оживление, аэропланы, танки, артиллерия, словом все, что может потребоваться для ведения войны.

Авиация Караканов может взорвать Питтсбург и Цинциннати, они могут разрушить крупные центры, в которых сосредоточены наши промышленность, но они не в состоянии подорвать деятельность всей страны. Гуверовская децентрализация промышленности с превращением каждой фермы в небольшую фабричку, работающую на оборону, единственный исход для нас.

Мы готовимся на различных фермах аэропланы и танки. Ночью в глубокой тишине из этих частей собираются молча и незаметно, а на утро они вылетают на фронт.

Караканов не может специально бомбардировать все фермы. Если его силы разрушат какую-нибудь ферму, то тут же производство возобновляется на другой ферме. Теперь он больше, чем когда-либо, сосредоточивает свое внимание на воздушных бомбардировках. — мы еще не достигли Гуверовской про-

граммы, но зато только нам удастся ее выполнить, потому этому делу придется признаться, что мы еще живы.

— Ты прав, отец, — замечала младшая Виллиамс, — а теперь послушайте, что делаем мы, женщины. Мы больше не играем в покер и не пьем, охочемся. Эти времена прошли. Я часто адекватно реагирую на подруге углы. В моем распоряжении имеется четыре тысячи женщин, и мы ежедневно работаем, чтобы вагоны и машины для баранов с углем. Теперь нам придется признаться, что и мы, женщины, кое-что сделали для спасения страны.

Но оптимизм американцев был несколько преувеличен. По плану артиллерийская дивизия на Нью-Йоркском участке фронта ослабела, и 20 июля на восточном участке фронта около Гудсона Караканов перенес с себя решительный удар.

Он сосредоточил на этом участке большие количества тяжелой артиллерии — у американцев были прекрасные бетонированные позиции, но чувствовался недостаток в артиллерии. Все, что можно было, американцы перебросили на западный фронт, где Караканов ранее развил ожесточенный огонь.

Неожиданное перенесение инициативы на восточный участок фронта дало ему значительный перевес в силах. Караканов начал наступление на юг в двух направлениях: во-первых, между рекою Гудзон и Беркширскими горами, во-вторых, вдоль реки Коннектикут. Сосредоточив на этих двух направлениях огромные силы, он начал свое неудержимое наступление на Нью-Йорк.

Воздушные силы Караканов, не встретив сопротивления, взорвали железнодорожные мосты, перекинутые через Гудзон между Алибани и Нью-Йорком; и тем самым затруднили переброску подкреплений с фронта канала Эри на Нью-Йоркский участок фронта.

Теперь все переброски должны были совершаться кругом через Нью-Йорк.

После ожесточенных пятидневных боёв Караканов удалось сломить сопротивление и, несмотря на ожесточенный огонь американской тяжелой артиллерии, продвинуться вперед в направлении на Нью-Йорк.

Передовые его отряды достигли важного узлового пункта, захватили станцию Честер в штате Колумбия, продвинулись по дорогам на Восток и захватили город Гудзон.

В Коннестикутт враг занял разрушенный до основания Нортгемптон, а через надвину американцы принуждены прекратить тщетное сопротивление и отступить свои войска к югу. Теперь же представлялось возможным удерживать линию фронта, и все свидетельствовало о том, что Карахану удалось осуществить свой план и достичь конечного пункта своего наступления. Поэтому американское командование приступило к эвакуации восточного Массачусетса и к отступлению (пользуясь прибрежными железнодорожными дорогами) на Коннестикутт. Наступление было проведено Караханом блестяще, и приходилось водить долгие ослеп, стремительности и неожиданности, с которыми они выполняли свой план.

Скучу Ванию и миф пришлось быть свидетелем этого ужасного отступления, — мы были свидетелями бегства на юг американских женщин и детей, на сей раз то были уже не пленные, а граждане Соединенных Штатов. Дороги были забиты беженцами, задыхавшимися в облаках пыли. Бат на это, стояли жаркие июльские дни, — железные дороги были разрушены, телефонное и телеграфное сообщение прервано — то были полные разгром.

Несколько тысяч американских солдат и женщин граждан, вывезли с большим количеством орудий и военного снаряжения, попали в руки врага.

Подбитые отряды работали непрерывно — они выкапывали при отступлении фабрики и склады, поджигали силовые станции, разрушали железнодорожные сооружения и мосты. Но жалкая войска наступали с такою беспотопой, что многое попадало в их руки и неизбежно уничтожения. И все же стоимость того, что погибло в огне, не поддается исчислению.

Фланги войск Карахана, упиравшийся в море, лопали под обстрелом тяжелой береговой артиллерии, но даже она оказалась бессильной задержать желтую лавину. Одни за другими пали Пуэрто, Норвот и Нью-Лондон. Затем неприятель занял Миддлетон, Уотербурри сгорел до тла, а его население тесно пыталось пробиться на юг — красные от-

ряды обогнали город и служили его от американского разнаследования.

При дальнейшем продвижении Карахан, лишив Нью-Йорк жид и огромный город, ежедневное потребление воды которого выражалось в четырех миллионах галлонов, оказался в ужасном положении.

Командующий войсками участком фронта, генерал Амьс Пренд, покинул с собою, и командование перешло к генерал-майору Агону Розентау, распорядившемуся приступить к эвакуации гражданского населения.

Несмотря на ожесточенный огонь американских батарей, летчиков Карахана все же удалось потопить четыре баржи, перевозившие население. При этом погибло несколько тысяч человек.

Одна из двухтысячфунтовых бомб разорвалась перед отелом „Астерия“ и убила сотни человек, выпавших у ожесточенной битвы, в которой была выставлена карта военных действий.

Затем последовала ожесточенная воздушная бомбардировка, разрушившая ряд важнейших предприятий магистралей.

Центральный район превратился в лагерь, в котором под открытым небом расположилось огромное число беженцев. По улицам во все стороны бегали толпы обезумевших людей.

И снова американцы, пришлось отступить — тесно пытаясь пробиться на фронт перебросившие с других участков резервы — все дороги были заперты беженцами. Большинство дорог было отружено автомобильными обломками и непрерывно порождало от караванов. Паника при помощи граждан пыталась расчистить дороги, но усилия эти были тщетны и терли в муку под выстрелами беспрерывных толп беженцев.

Форта Лонг-Исланд развил ураганный огонь по наступающим частям Карахана. Двадцатидюймовый орудия форта Тоттен и Шейлер, внесли ужасные разрушения. В пространство шарахались огромные количества металла и варячатых веществ. Зенитные орудия подвергали

обстрелу каждой показавшейся над городом неприятельской аэропланы.

Но тяжелая артиллерия япон-корейских укреплений главным образом предназначалась для обороны города с моря — против наступления, развертывавшегося с суши, она была бесполезна. Воздушный флот Карахана понес огромные потери, но продолжал выполнять свое задание и осадить город и укрепления бомбами.

После шестидневного артиллерийского боя орудия финны-Исланды и обочьи фортов перешли в негодность. В то время, как неприятельская авиация и артиллерия делали свое разрушительное дело, неприятельские тралеры занялись очищением береговых вод от мин, отрывали неприятелю возможность посадить новый десант.

Вот тогда сказались слабость американского воздушного флота. — Только благодаря своему господству в воздухе, Карахану удалось осуществить во время боя высадку новых войск. Высадившийся на остров войск тут же перешел к наступлению, продвигаясь к западному направлению.

Теперь американское командование противопоставило лишь артериями боями, нагнанными целью задержать наступление врага и дать возможность укрепить следующую линию позиций. Одним за другим пали форты Джефферсон, Сикстоун, Нелли, Хеннингтон. Наступление жалких приостаивалось лишь на линии Лонг-Бач за побережья Атлантического океана — Гемпсидж и Милкоз.

Дальнейший ход событий на материке ознаменовался ожесточенными уличными боями во Бронксе. Американцы загрохали каждую пядь земли — наступающим приходилось бросаться в пыльную атаку, вытупать в рукопашную, оседать колючей дощечкой гранатами. По мере того, как нападающие удавалось занять какой-нибудь из домов, надрыли, они проламывали стены дома и расчищали путь на юг.

Каждый жилой дом превратился в маленькую крепость. Соседние дома бывали заняты воюющими сторонами. — В одном доме находились американцы, а в следующем доме враждебные. Стены дома служили линией фронта. Желтые по-

останавливались даже перед тем, чтобы проламывать стены и бросаться в образовавшуюся брешь в атаку.

Так, сражаясь в рукопашную, бери дощечку за дощечку, желтые добрались до реки Гаврмен. Это были последние водные преграды, отделявшие наступающих от Нью-Йорка. Город небоскребов стоял перед ними, вода обстрелом неприятельской артиллерии.

Форт Шойер в течение четырех недель обстреливал неприятельские позиции и, расстреляв все запасы снарядов, принужден был сдаться. Прежде чем сдаться, японцы снесли форт уничтожили свои орудия.

О непрерывной артиллерийской и газовой дуэли, развернувшейся в зимнюю кампанию 1935/36 года, написано немало томов. Все мосты, ведущие через Гаврмен, были разрушены. Остатки американских войск были переброшены на другой берег ночью — их перевезли на целой флотилии небомыслих судов.

Защитники Нью-Йорка получали пополнения и снабжались продовольствием и боевыми снаряжением с берега Джерси по аэрогазодорожным туннелям, проложенным под Гудзоном и Манхэттеном. Все попытки неприятеля разрушить эти важнейшие артерии потерпели неудачу.

Трехнедельная ожесточенная бомбардировка превратила величайший город мира в груду развалин. — Излишняя фотография с разрушенного города, в котором кое-где виднелись остовы разрушенных небоскребов, извещала всякому прохожему.

Никогда ни в Визинию удавалось подняться на заросший и сверху толбокопаться развалинами бывшего величайшего города. От острова Манхэттен до реки Гаврмен, виднелись лишь груда дымящихся развалин.

Улицы расщеплены улиц были завалены обломками, и город словно превратился в огромный лабиринт. Но уровень этого мусора не был убожеством существовавшего ранее города. Чем выше были здания этих улиц, тем выше была груда обломков, завалившая мостовую. Кое-где виднелись башни с черными провалами окон, — казалось, что эти башни взды-

жали свои головы надъ печальной картиной разрушенія и смотрѣли на нее торжми и бездлинными глазами.

Порой выдѣлялись сохранившіеся косяки небоскребовъ, задвигавшіеся на высоту нѣсколькихъ десятковъ этажей. Обстрѣлы не прекращались — непрерывно продолжались свое разрушительное дѣло, обращая остатки зданий въ груду биформившихъ обломковъ.

То, что я увидѣлъ, можно было лишь сопоставить съ руинами Иира, съ тѣмъ, во что они превратились послѣ многочисленнаго обстрѣла германцами.

Нью-Йоркъ превратился въ Ииръ огромныхъ размѣровъ. Исчезли все отличительные признаки города: улицы, площади, дома, скверы, — все сражалось. Разрушеніе заключалось лишь въ слѣдующемъ:

На маленькомъ островѣ Мангитанна небоскребы сгруппировались такъ плотно, что на улицахъ не было достаточно мѣста, чтобы принять все огромное количество обломковъ. Поэтому на здания рухнувшихъ на мостовую, а уровень улицы постепенно поднимался восходя изъ зданийъ.

Примерно та же картина открылась намъ въ Вулвудѣ. Рѣка Гарлемъ бѣжала между двумя грудами обломковъ. Съ западнаго берега Гудзона американская артиллерія продолжала обстрѣливать непріятеля, лишивъ его возможности пользоваться индивидуальными путями и образовавъ еавѣсу ураганнаго огня.

Американская войска, занявъ позиціи вдоль Гудзона отъ Нью-Йорка до Альбани, превзошли непріятелю переправиться черезъ рѣку. Генералъ Розенталь, принявшій на себя командованіе арміей и оборону Мангитанна, разбѣжился со своимъ штабомъ въ подвалахъ „Эксприессъ Трестъ Буилдингъ“.

Въ обломкахъ, занимавшихъ улицы, были проложены туннели и подземные ходы. Зданіе осаждалось электрической энергіей, поступившей изъ Диверсификей стимпін. Вспыльчивая проходима по пахотамъ нефти, введенныхъ до двадцатаго этажа. Подземная магистраль дорога, очутившаяся теперь глубоко подъ уровнемъ земли, снова была приведена въ дѣйствіе и обслуживала городъ.

Нью-Йоркъ сталъ подземнымъ городомъ. Нью-Йоркъ сталъ индустриальнымъ Вердунемъ.

Въ первый день Рождества я вышелъ со Сандомъ Биннсомъ совершить поездку надъ развалинами Нью-Йорка и попытаться въ микрофоны сообщить о томъ, какъ выгляды этотъ подземный городъ. Одновременно я попытался свѣдѣть непріятельскія позиціи, расположенныя въ сѣверу отъ Гарлема. Для этой цѣли мнѣ пришлось пересѣчь за передовыми линіи Карахановскаго расположенія.

Недалеко отъ городка Юнкеръ, въ штатѣ Нью-Йоркъ налетѣли аэропланы, рѣзко разинулся взрывъ. Я бросилъ быстрый взглядъ на Санду и увидѣлъ, что онъ бесцѣльно пошелъ на сломъ сидѣнія. Непріятельскій аэропланъ вынырнулъ изъ тѣни, и изъ летѣльни вылетѣлъ съ головокружительной быстротой.

Я схватился за второе рулевое колесо, и мнѣ удалось направить аппаратъ. Санду, стремительно нырнувъ, летѣла ко мнѣ земли.

11

Мнѣ почудилось, что я задыхаюсь. Горло мое пересохло, я не могъ дышать. Съ трудомъ открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собою печальную, блѣдную женщину. На головѣ у нея была косынка сестры милосердія. Она улыбнулась — жалкая улыбка.

— Вода, — прошептала я, и она подняла къ жмѣ губамъ стаканъ. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, я попытался выглотнуть на нее.

— Вамъ теперь лучше. Все будетъ хорошо, — сказала она.

Я хотѣлъ спросить ее о томъ, гдѣ я нахожусь, но вѣсто этого у меня вырвалось:

— Сестра, разскажите, что произошло потомъ? Я знаю лишь, что налетѣли аэропланы и рухнуло зданіе.

— Вамъ подѣлились гдѣ ты находишься сейчасъ? — спокойно отбѣдила сестра. — Вы ранены и находитесь въ пѣлу. Вы лежите въ госпиталѣ въ Бостонѣ.

— Съ какихъ поръ?

— Это произошло на Рождество, а на следующий день вест. достигли сюда. Вы лежите здесь уже два дня.

— А где Сиди?

— Кто?

— Мой папаша, юноша, который летел вместе со мной. Он жив?

— Он лежит рядом с вами, — откликнулась она, указав на соседнюю кровать. — Но он без сознания — проломил череп.

— Он останется жив?

— Этого мы не знаем. Вы ни о чем не должны спрашивать меня. Постарайтесь уснуть, — тогда вам станет легче.

Я снова уснула, и, когда по прошествии десяти часов проснулась, почувствовала прилив сил, и услышала где-то рядом с собою дикуую американскую ругань.

— Потрясающий человек, косоглазый дьявол, — я задам тебе парочку... теперь тебе захотелось бляху женщины... ах, ты, желтый горчичный пластырь!..

Сиди Бисней мешался в бреду, и двое сенегальцев, тщетно пытаясь удержать его в постели. Врачи-китомцы попросили его успокоительное средство и обратились ко мне на прекрасном английском языке:

— У нашего пациента серьезная рана. Помимо того он страдает столь распространенной среди нас, американцев, болезнью — ленивостью к крепким расам. Постепенно он от этого излечится, но потребуются некоего рода воспитательная работа. Только тогда он освободится от предвзятости, свойственных нашим землякам.

Я не склонен был пускаться в споры. Закрыв глаза, я задумался над своей ушастью. Итак, я был палачиком Карихана.

В предыдущие годы, пока военные действия развертывались в Европе, я не раз был свидетелем жестокости, с какой этот человек устраивал всех, кто мог бы опаздаться на его путь.

Последний год борьбы в Америке дал ряд новых случаев жестокости этого „палача мира“. На что мог рассчитывать теперь я, очутившись на лаву у него?

Не найдя ответа на этот вопрос, я снова открыл глаза и увидел перед собою что-то сложившееся лицо. Но лицо это было приоткрыто и улыбалось мне:

— Здравствуйте, товарищ Гиббонс, — сказала полковник Бойер, ибо то была она. — Вот видите, блудный сын снова возвратился домой. Вот уже около двух лет, как мы расстались с вами. С тех пор произошло немало приятных и печальных событий вичный покой. Но мы все продолжаем продвигаться вперед. Добро пожаловать к нам!

Я с удовольствием читал ваши сообщения. Когда я слышал ваши корреспонденции по радио, я вспоминал о жителях, проводивших лет в Европе. Вы знаете правду, а я вам выпущу руку и говорю вам: — мы мой друг.

— Я также очень рад-снова встретиться с вами, полковник. Последние два года были не из легких, — во всяком случае, и Карихану пришлось туго, чем он предполагал. С Европой он справился за течение одного года, а в Америке вот уже два года идет борьба, и американские силы все еще не одержали. Американские позиции все еще непоколебимы.

— Не всё, — заметил Бойер.

Его слова испугали меня.

— Неужели Вы-крест пал? Неужели вы хотите сказать, что вам удалось форсировать Гаардери?

— Нет, нет, это еще не произошло, — заметил улыбаясь Бойер, — мы попрежнему удерживаем груды развалин на Манганитини, а наши войска попрежнему занимают позиции вдоль канала Эри и озера Онтарио. Но из дела нашего развеша произошло нечто более серьезное.

— Пал, Сант-Франциско?

— Нет.

— Навь флот все еще в Мексиканском заливе?

— Да. Пока что он еще находится там, — откликнулся улыбаясь Бойер, — но вот уже два дня, как медленно продвигавшаяся красная армия достигла своей цели и вышла к

«Красный Наполеон»

Панамскому каналу. Американская войска, выправленная каналу, почти год, были лишены связи с Соединенными Штатами. Наше наступление заставило их прекратить сопротивление, и они отступили в Колумбию. Перед тем, как покинуть позиции, они взорвали плоты.

Связь между Атлантическим и Тихим Океаном прервана. Никто из океанов отделен друг от друга. И радужные знамя Карахаи победно развиваются на всем побережье от Вальбоа до Колона.

Объ этом событии я ничего не знал. Мне не раз приходилось читать сообщения из зоны хаоса, в которых говорилось о героической обороне американцев, во главе которых стоял генерал-майор Леонард В. Фостер.

Но постольку, поскольку американский флот был заперт в Мексиканском заливе, канал утратил для Америки свое былое значение. Если бы он достигал непредвидимых в русле красных, то тем самым красный флот получил бы большое преимущество.

— Не думаю, чтобы это могло сколько-нибудь изменить положение, — заметил я в ответ. — Раз канал уничтожен, то он не имеет для нас великого значения. Ваша победа сводится к тому, что вам удалось овладеть еще одним небольшим клочком Центральной Америки.

— Вы ошибаетесь, — напомнил я в ответ. — Порт Колона отныне отныне и превращая в нашу основную морскую базу в Карибском море. Этот порт лучше оборудован, чем Тринидад, да и ближе к Юкатану. Поэтому нам удалось перевести нашу охрану в более близкий пункт из нашей территории, потому что Мексиканский залив стал для нашего флота почти недоступен, как тюрьма. Помимо того, мы споримся с вами в Тринидаде и во Бермудских островах. Теперь ваш флот окончательно парализован. Карахаи удовлетворены. Заключенные условия операции на северных фронтах, пылающее знамя, было ему очень неприятно, и теперь он компенсирует себя на южном фронте.

Главнокомандующий слышал, о том, что вы захвачены в плен, и выразил желание увидеть вас. В данное время он отправился в инспекционный поход к вашему флоту в

Карибское море. Он повидает вас тут же после своего освобождения.

— Скажите мне правду, Вобер, что он думает обо мне? Не пора ли мне вернуться к путешествию на тот свет?

— Об этом, не может быть и речи, мой друг. Я думаю, вы лучше знаете своего командира. Он благоволил к вам. Примерно так же, как Николетт благоволил к своему Вудришу, как Цезарь к своим друзьям, оставшимся коммандирами к его походу. Карахаи вас очень высоко ценит, и очень хорошего мнения о ваших корреспонденциях.

Отныне вы останетесь у нас, и вам будет приятно и обязанность писать историю наших славных походов и побед.

Итак, месье, дорогой Гиббонс, вам не поставят в стеснение? Не вам ли Викинг подобная участь не означает. Но все-таки действительно приятно.

— Господа, кто? — спросил я.

— Легкий, подстреленный вас, пытался за это жизнью. Когда вы два года тому назад вылетели впервые в, вашем снабженном отличительными знаками аэроплане, ему пришлось после окончания войны. Вы напомнили его было, даже приказ, чтобы вам не препятствовали в вашей деятельности и не преследовали вас. Карахаи выразил желание, чтобы вас сохранили живым и невредимым. Вы биографию.

Бреши — полковник, подстреленный вас, пытался в оправдание сказать, что он не упустил ваших отличительных знаков, но это не спасло его. Непослушание и небрежность имеют один и тот же последствие. И ему пришлось покончить с жизнью. Вот и все!

— Мне очень жаль, что это так случилось, — ответил я. — Хотя он чуть не оправдал меня в Сиде за тот свет.

Но послушайте, Вобер, если вы хотите биографию, то мне следовало бы быть более осведомленным о нем. Скажите, он не такой же, как вы были, когда я встречался с ним в Мо-

ски? Видь я его не видѣлъ уже два года. Онъ не измѣнился?

— Разумѣется, онъ измѣнился, — отвѣтилъ Вейеръ. — Видь ему подвластны Европа, Азія, Африка, Южная Америка, всѣ моря и океаны, большая часть Канады... разумѣется, подобныя перемены не могли не повлечь перемѣнъ и въ немъ. Онъ продолжаетъ расти и развиваться. Видь онъ все еще очень молодъ — ему всего лишь тридцать пять лѣтъ.

— Въ какомъ отношеніи онъ перемѣнился?

— Прежде него перемена произошла въ сѣдушномъ. Теперь нашему міру понятно, что онъ не является случайнымъ примѣненіемъ и пождетъ. Караханъ больше не сынъ татарки и казачьего ослуха. Финтъ-Ханъ, нашъ величайшій ориенталистъ завладеи родословной нашего вождя и установилъ, что въ его жилахъ течетъ кровь Чингисъ-Хана. Онъ прямой потомокъ монгольскаго завоевателя. И онъ достоинъ своего предка.

— Магъ казался, что Караханъ не придаетъ значенія происхожденію человека, что онъ стоитъ за полное равенство.

Вейеръ улыбнулся.

— Это время прошло, давно прошло. Теперь въ Караханѣ пробудились гордость за своихъ предковъ. Чингисъ-Ханъ былъ величайшимъ полководцемъ міра. Караханъ слышалъ о немъ еще въ бытность мальчикомъ, когда онъ скитался въ периферіи общества по уральскимъ отрогамъ.

Чингисъ-Ханъ былъ его идеаломъ еще въ тѣ года, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Караханъ готовъ частично приписать свой умъ тому, что онъ является потомкомъ этого великаго полководца.

— Для меня все, что вы сообщаете, ново. Вѣдь, должно быть, известно, что до сего времени мы объясняли себѣ личность Карахана прежде всего стремленіемъ уничтожить расы. Мы знаемъ, что въ Европѣ онъ стремился какъ можно больше имѣть дѣтей отъ бѣлыхъ женщинъ, и поэтому были предположенія, что въ Америкѣ онъ будетъ стремиться къ тому же.

— Собственно говоря, у меня нѣтъ основаній скрыть отъ васъ принципъ. И не я повиненъ въ томъ, если это задѣваетъ вашу расовую гордость. Да, у него было много бѣлыхъ женщинъ и всѣ онѣ имѣли отъ него дѣтей.

Миссъ Рандольфъ Роквей родила ему двухъ сыновей. Она попрежнему живетъ въ Харборѣ. Ея мужъ погибъ въ бою подъ Нотамъ Браунсвейгомъ. Потому его женою была миссъ Вуллингъ, — вамъ вѣдь знакомо это имя, — она резидирующая жена каменнаго бумажнаго короля. Она назвала своего сына Кеннетъ Караханъ. Она живетъ въ Вангорѣ. Миссъ Лилианъ Эдхартъ изъ Нью-порта родила ему дочь. Всѣхъ ее перечислять.

— Неужели американскія женщины добровольно отдались ему? — спросилъ я. — Или онъ сталъ его личной добычей? Видь онъ не можетъ покорить его. Проникъ, этого должна была достичь ихъ проза. Американскія женщины гордятся чистотой своей крови и знаютъ, какою цѣною обходится ихъ дѣтей сѣверный расы.

— Я такъ и предполагалъ, что всѣхъ все это удивитъ. Но мы забываемъ о томъ, что Караханъ олимпіецъ не простой воинъ. Онъ и не сладострастникъ. Эти женщины принадлежали ему потому, что онъ его любилъ.

Вспомните о томъ, что первая женщина въ жизни Карахана также была бѣлая женщина, — американка. Вы вѣдь знаете, какъ любилъ его Лизъ. —

Я нагнетанно выждалъ, пока мой собеседникъ выскажетъ это имя. Теперь я могъ ему задать вопросъ, который готовъ былъ сорваться у меня съ языка съ самаго начала бесѣды.

— Гдѣ находитесь она въ настоящее время? И при ней ли находитесь попрежнему Марго?

— Нѣтъ, онѣ обѣ вотъ уже около года какъ находятся въ Америкѣ. Онѣ живутъ въ Прейстоу, недалеко отъ Салема.

— И Караханъ съ тѣхъ поръ больше не встрѣчался съ Лизъ?

— Онъ встрѣчался съ нею. Прошлой осенью онъ надѣлъ ее, и съ той поры нѣсколько разъ прѣлгать въ ней въ Прейстоу.

— Я радъ за Лизъ, — сказалъ я. — Она очень страдала отъ того, что онъ не хотѣлъ ее надѣть. Я радъ тому, что они снова примкнули другъ къ другу.

— Нѣтъ, нѣтъ, они не помирились, — поспѣшавъ заявить Вейеръ. — Они будутъ жить попрежнему, какъ жили въ Евро-

ей, радельна. Доць простого ирландскаго эмигранта не можеть быць подружкой великаго Карахана, и оць это понимазеть.

Я знаю, что вы не хорошихте съ нею отношенихте, и что поэтому вы стоите на исьключью иной точки зрѣнїя, чѣмъ я. Но я всецѣло согласенъ съ Карахиномъ. Его бракъ былъ цѣлѣобразенъ изъ первую пору русской революцїи. Но эта пора минувала. Этотъ бракъ былъ ошибкой.

— А что съ Марго? — спросилъ я. — Она попрежнему неразлучна съ Линъ? Какъ онъ коротаютъ время? Вадѣлъ ли ее Карахинъ?

— Да, Карахинъ не разъ встрѣчался съ нею. Они не разъ совершали иррегулярныя прогулки верхомъ. Вама былина секретарша очень хороша и прекрасная наѣдница. Но что стало съ Уайтомъ Даджемъ? Миѣ кажется, онъ былъ влюбленъ въ нее.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Она изумительная женщина.

— Могу васъ подправить — выгъ суждено увидѣть ее не только, тѣмъ черезъ часъ. Она прїѣдетъ сюда съ Линъ на автомобилѣ изъ Грейстоуна. Я сообщилъ вамъ по телефону, что вы в Синдъ находитесь здѣсь. Я оставлю васъ вединѣ съ Линъ, чтобы вы могли достойнымъ образомъ отразивовать эту встрѣчу.

На соседней койкѣ Синдъ продолжалъ метаться изъ бреду. Бойеры улеглись, и я снова уснулъ, но черезъ часъ меня разбудила сидѣлка и сообщила, что меня хотятъ видѣть двѣ дамы.

Сидѣлка привела въ порядокъ мою постель и возной столѣ, и затѣмъ по палату вошли Линъ, и Марго съ хрипавременъ въ рукахъ.

Я попытался улыбнуться съ расстрой, одвинуть наволочникъ на нозѣ, бандиать и протянуть имъ переманную руку.

Моя гостыя прїятельно улыбнулись, но, захвативъ неподвижно лежавшаго Синда, испугались и притихли.

— Слава Богу, вы живы, — сказала Линъ.

— Онъ выживетъ? — спросила Марго, съ опаской поглядывая на Синда.

— Я убѣжденъ, что онъ поправится, — сказалъ я, пожавъ ея руку.

Глаза ея увлажнились слезами, но она сдержала себя. На мгновеніе губы ея надорвались, но потомъ она овладѣла собой.

Обѣ женщины прѣстали около моей кровати — Марго заняла мѣсто между мною и Синдомъ.

— Когда мы услышали о томъ, что случилось, — сказала Линъ, — я стала молить Бога, чтобы вы оба остались въ живыхъ. Да, я стала молиться Богу, я — атеистка и радикально настроенная Линъ Ларсенъ стала молить Бога. Последнїе два года измѣненъ во мнѣ многое. Я снова возвратилась къ тому, отъ чего я ушла — къ религїи.

Марго коснулась руки Синда, и губы ея зашевелились:

— Синдъ, Синдъ, дорогой мой мальчикъ!

Вѣки Синда дрогнули, и онъ открылъ глаза. Въ нихъ зашевелилась усталость, недоумѣе, и потомъ все это сдѣлалось радостью. Улыбка промелькнула на его измученныхъ губахъ, и онъ прошепталъ:

— Метти!

Сознаніе вернулось къ Синду лишь на одно мгновеніе. Потомъ глаза его снова закрылись, но ровное дыханіе свидѣтельствовало о томъ, что теперь онъ снова глубоко и здоровымъ спитъ.

У меня не было возможности поговорить съ Марго вединѣ, но Линъ успокоило то, что я снова увидѣлъ ее. Прѣжде чѣмъ покинуть госпиталь, онъ вынулъ съ меня слово, что я в Бинней канѣ, только сможемъ покинуть постель, прїѣдемъ поправиться въ Грейстоунъ.

И действительно, черезъ два дня Бинней стало востаново лучше, что мы могли занять мѣста въ санитарномъ автомобилѣ и пастъ отъѣзды въ шалу, расположенную на окраинѣ стоянлаго на берегу Атлантическаго океана города Салемъ.

Бинней продолжалъ быть привоженнымъ въ постель, а я, по прощестїи ибсолютныхъ двѣй оправился востаново, что могъ разогнаться при помощи палки.

Въ домѣ находилось ибсолютно слугъ американцевъ, но въ большинствѣ своемъ служебный персоналъ состоялъ изъ молчаливыхъ индейцевъ, безмолвно выполнявшихъ приказанїя желтолицаго дворецкаго. Несмотря на то, что у воротъ стояли

часовые и сиди были обнесены высокой оградой, мы себя не чувствовали пленниками. Мы были вправе располагать променем по своему усмотрению, и никто не слыл за нами и не докучал нам. Наши тюремщики были убрены в том, что нам нехудо убивать из этого дома.

Миллионы солдат Карахана, сражавшиеся на этом фронте, лишились возможности метать о бегство по суше. Красный флот, бичуясь следом за побережьями и водами, и все же в моей голове неустанно рождался различные планы бегства. С. Виллемс я не говорил об этом, — прежде всего ему следовало восстановить свои силы.

Войска не раз настигали нас в Грейстоу. На третий недель пребывания в плену — это было 18 января 1938 года — они сообщили нам, что Карахан возвращается на Восток.

— Вот человек, энергия которого неисчерпаема, — сказала она. — Из Восточной Азии направился на Бермудские острова, оттуда в Тринидад, затем во Панамский перешеек. Затем он возвратился назад в свою страну, устояв против искушения встать три фронта и флоты. И вы увидите, как в последствии будет казаться его победой. Он, достигнув в людях энтузиазма, готовность уверить за него. Через недель он явится сюда.

Вечером, когда мы сидели в библиотеке и гуляли у камина, я рассказала Лине о предполагаемом посещении Карахана.

— Я хочу его видеть и в то же время я испытываю страх перед его приходом, — откликнулась она. — Я всегда буду принадлежать ему, но он больше не принадлежит мне. За последние тысячи лет я заглянула в нем разительную перемену. Его необузданная энергия и честолюбие стремятся ко все новым завоеваниям. Для него выдуманное сражение — нечто, что гонит в прошлое и за что не приходится больше бороться. Воспоминания об этом приносят лишь лишь дил. Мне кажется, я была первой женщиной в его жизни в единственном, на которой он женился. Теперь он хочет развестись со мной. Его обуревают его честолюбие

— Откуда взять известия обо всем этом? — спросил я.

— Хотя он и ничего и не говорил об этом, но я разгадала его планы. Он сильно измучился за последнее время. Он не признает ничьей воли кроме своей, ничьей власти, кроме его власти. Теперь его мучают планы о династии, власти, троне, предках, — всей этой буталкой жертвовать карьерой.

Для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие, он вел свой род от Чингиз-Хана. Если дальше так пойдет, то скоро мы будем свидетелями зарождения новой желтой и черной аристократии. Мы снова придем к кастам, к разграничению на маркородов и плебеев. Он все более становится схожим с Наполеоном, а мне отводится роль Жозефина.

Теперь нам повзросло, в каком я нахожусь состоянии, и потому надо мной безпрестанно висит опасность. Я не знаю, кто явится моим преемником, — я знаю, что преемник его не будет ни одна из женщин, до сих пор прилежавших его вниманию. Раню или поздно появится женщина, которая станет для него законной царицей.

Я не знаю, где он отыщет ее, но я уверена, что в поисках за ней он переберет всю аристократию старого мира, пока не найдет какого-нибудь знатного рода, достойного родить его сына, сына потомка Чингиз-Хана.

И что удивительно всего, этот величайший в мире властелин, наш властвующий над четырьмя пятнами всего земного шара, повторит ту же ошибку, которую допускали все властелины доселе. Он утрачивает самообладание! Он опровергнул все троны Европы, уничтожил все династии, заставил всех монархов искать убежища в демократической Америке, а теперь он сам ослеплен этой пылкой буталкой старого мира и хочет связать свою судьбу с одной из представительниц этого мира! Я знаю Карахана! И я знаю, к чему он стремится. —

Мнение мы помолчали, уткнувшись в огонь.

— Кто не интересуется его? — спросил я.

— Этому я не знаю, — откликнулась Лин. — Да и я не хочу этого знать. Должно быть, он будет кто-нибудь из бостонского общества. Я никогда не видела ее. В последние ми-

силы у меня была хоть радость, заключающаяся в том, что порой он признавал ко мне. Он признается во мне в провождении исповедных: офицеров штаба, с которыми взаимодействует обыкновенно на верховьях прогулки.

Не раз и я, и Марго сопровождали его на прогулку. Он рад случаю поблизить в ее обществе и я замечала, как издревле: блеском затронуло его глаза при взгляде на нее. И его внимание из ней, ставшей моею лучшей подружкой, все возрастает. —

— А Марго осведомлена об этом?

— Мне кажется, да. Ей очень неприятно его внимание, но она мужественно переносит его и не теряет самообладания. К ней я питаю больше доверия, чем к кому бы то ни было, и я твердо решила не допустить, чтобы Карахань овладел ею.

И я готова, если понадобится, принести в жертву свое закон. Не ради моих чувств к нему, как бы они велики не были, а из любви к ней. Я люблю ее, словно она была бы моею родной дочерью, и мне кажется, она питает ко мне то же чувство. —

Карахань прибавил в Префектуру. К воротам подыхали десятки больших штабных автомобилей с багажниками, и из машин вышли стройные высокие офицеры в сюртах, одетые в меховые пальто, шапки.

Вечером я узнала в обществе Карахана и его свиты. Во главе стоял сидеть Карахань, справа от него — Марго, а на противоположной конец стола — Ланг. Я сидела по левую руку от красивого главнокомандующего, и рядом со мною сидела Боверт.

Карахань подбирался со мною ланг, галопом и не удостоил меня ни словом. Он не удостоил ни о нашей встрече в Лондоне, ни о моей рабе, ни о том, что я живу на положении пленника в доме его жены.

Но на следующее утро в восемь часов он принял меня в библиотеку, превращенной в его рабочий кабинет. Теперь он не был сдержанным и вежливым. На большом столе, перед которым стоял Красный Наполеон, были разложены большие карты военных действий.

Видно он остался все тем же Караханом, с которым я была два года тому назад в Лондоне, но все же в нем произошла какая-то перемена. Его личные свойства стали несомненно, более значительными. Он больше не сдерживал себя.

Видно наша жизнь изменила характер человека. Он говорил, шагая по комнате. При этом я замечала, что он украдкой разглядывает себя в большом зеркале. В движениях его сквозила некоторая нарочитость — он контролировал передо мною.

— Вы были военным корреспондентом, — продолжал он, — а я очень сожалею, что вас подпрыгивали. Я очень рад, что вы остались живы — у меня имеется для вас работа. Я решил вам поручить написать мою биографию.

Война будет закончена этим летом. Ничто не устоит против моего всемогущего наступления. Я испытываю металл, из которого сделаны наши солдаты, и убедился в его достоинствах. Поэтому я никогда не пойду с вами на соглашение, и мир будет заключен лишь после моей победы. Я продиктую вам его.

Особенно тяжелых требований я не выставляю. — Америка станет частью нашего мирового союза, и наши соотечественники предстанут повелевать со мною победой. Эту задачу я возлагаю на вас — вы должны ознакомить американцев со мною.

Я читал ваши статьи обо мне и моей армии — далеко не все он говорит в мою пользу, но он правдив. Я собрал все ваши статьи и хочу, чтобы они легли в основу нашей книги обо мне.

После завоевания Америки я стану властелином мира. Тогда самым прекрасным существованием различных государств, народов и классов. Я отныне мир таким образом, что все это станет немаловажным — тогда самым я дарю миру мир.

Вместо национальной розни и вражды, на земле установится единство и общность экономических интересов. И это будет предвестием вечного мира на земле.

Къ этому сведится цѣль моей жизни, и я горжусь ею, — да, я горжусь ею и не считаю нужнымъ свирывать этого.

Вы знаете обо мнѣ очень много — отчасти, всѣ мои жизни должны быть вамъ известны. Быть можетъ, кое-что и удивитъ некоторыхъ, но мое рѣшеніе неизмѣнно.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ некоторымъ измѣненіямъ въ моей личной жизни. Мое положеніе требуетъ, чтобы я избралъ себѣ достойную подругу жизни, которая даровала бы мнѣ наслажденіе — брака. Поэтому я вынужденъ развестись со своею женой. —

— Разрѣшите узнать, когда состоится свадьба? — спросилъ я.

— Послѣ завоеванія Соединенныхъ Штатовъ. Свадьба состоится въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года въ столицѣ южного государства, въ Сентъ-Луисъ. Я намереваюсь превратить этотъ городъ въ столицу всего міра.

Я не хочу, чтобы вы писали въ своей книгѣ сентиментальныя глупости обо мнѣ, которые могли бы противорѣчить моимъ послѣдующимъ дѣйствіямъ. Прежде всего я хочу, чтобы вы остались здѣсь и отдохнули.

Я не требую отъ васъ честнаго слова въ томъ, что вы не съдѣлаете попытки къ бѣгству.

Если бы вы и рѣшились убраться, это было бы невозможно. Когда вы поправитесь, я направлю къ вамъ одного изъ офицеровъ моего штаба, и онъ поможетъ вамъ при сборѣ документовъ и матеріаловъ. Полковникъ Вейеръ будетъ въ вашемъ распоряженіи. —

— Если вы разрѣшите мнѣ самому избрать себѣ секретаршу, то я попрошу васъ предоставить мнѣ мое распоряженіе миссъ Марго Деннисонъ. Мы давно работаемъ вмѣстѣ, и я привыкъ къ ея работѣ.

— Это невозможно. Я хочу, чтобы она осталась при моей книгѣ. Если вамъ что-либо понадобится, то обратитесь къ полковнику. Я постараюсь васъ видѣть какъ можно чаще. Всего добраго.

Я отбѣжалъ ему поцѣлуй, но Карахитъ даже не удостоилъ меня отбѣгомъ, и я удалился.

Эта встрѣча впечатлѣла меня. Вейеръ былъ правъ, — этотъ человѣкъ совершенно переродился. Оковы Лизъ были имѣнно обоснованы, — онъ думалъ о томъ, чтобы сыграть свою жизнь съ предвѣстительно-звонкой пристопорити.

Въ тотъ же вечеръ Карахитъ поѣхалъ со своимъ штабомъ отбыть въ Востокъ. Послѣ его отбыта, Марго и я въ теченіе цѣлаго часа бесѣдовали со Слинди, который былъ все еще настолько слабъ, что не покидалъ комнаты.

Мнѣ показалось, что Марго была чѣмъ-то сильно возмущена и съ трудомъ сдерживала свое возбужденіе. Чувствуя, что она хочетъ что-то сообщить мнѣ, я сказалъ Слинду, что ему пора лечь въ постель и не злоупотреблять предоставленной ему свободой. Онъ недовольно проворчалъ, что-то, упомянувъ о томъ, что онъ лишился возможности побыть съ Марго съ глазу на глазъ. Я улыбнулся, а Марго покраснѣла.

— Хорошо, — сказалъ я, — я предоставлю вамъ для бесѣды съ Марго пять минутъ, — и удалюсь, дабы не дать Марго, что буду ожидать ее въ библіотекѣ.

Прошло добрыхъ четверть часа, прежде чѣмъ она появилась въ библіотекѣ. Я притворился, что не замѣтилъ блеска въ глазахъ и расшифрованныхъ щекъ, и спросилъ ее:

— Вы хотите что-то сообщить мнѣ?

— У меня наболѣло для васъ свидѣнія чрезвычайной важности, — спокойно отбѣсила она. — Мнѣ сообщила это сегодня послѣ обѣда сама Карахитъ. Я остался съ нею одинъ, и мнѣ показалось, что она хотѣла проговорить на меня впечатлѣніе тѣмъ, какою большой силой она обладала, и какъ велико было его вліяніе на людей моей расы. Она осмѣлилась у меня, не угодно ли мнѣ написать ему письмо. Я подумалъ, что желанію и сохранилъ у себя копию этого письма. Вотъ, она.

И она порала мнѣ ласточка букала. Я прочелъ:

„Верховное командованіе.

Адмиралу Диклофу Бриссону
Командующему Краснымъ Флотомъ.

Колоннъ.

1. Какъ я вамъ уже сказалъ при личной встрѣчѣ въ Колонбѣ, — я очень недоволенъ состояніемъ нашего краснаго флота и нашими понятиями въ Караибскомъ морѣ. Личный составъ нашей эскадры страдаетъ старымъ недостаткомъ, всѣхъ британскихъ моряковъ, — избыткомъ осторожности. Результатомъ этого является бездѣйствіе подчиненнаго вамъ флота и скудость достигнутыхъ за два года результатовъ.

2. Эта британская тактика въ свое время была своимъ слѣдствіемъ то, что превосходящая сила англійскаго флота не могла сделать въ Юландскомъ сраженіи значительно болѣе слабыя силы германскаго флота. Для подвластныхъ мнѣ созданий существуетъ лишь одна тактика, и эта тактика — наступленіе. Вы должны твердо помнить, что маневры и флоты нѣтъ для меня не большую цѣнность, чѣмъ моя армія.

3. На сѣверъ отъ стоянки нашего флота, въ Мексиканскомъ заливѣ укрѣпился уступившій намъ по численности американскій флотъ. Находящаяся въ нашемъ распоряженіи сила едва ли не цѣло превосходитъ непріятельскія. Я не потеряю, чтобы мой флотъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, и если вы не измените своей тактики, то я принужденъ буду изменить командовавшаго флотомъ.

4. Въ серединѣ апрѣля моя армія переходитъ въ наступленіе на всѣхъ трехъ фронтахъ. Одновременно съ этимъ предписано намъ атаковать въ Мексиканскомъ заливѣ непріятельскій флотъ. Вы должны пробиться сквозь минныя загражденія и проникнуть въ заливъ. Предоставлено вамъ для выполненія этого заданія двѣ недѣли срока. Немедленно же приступите къ выполнению моего предписанія и постарайтесь забыть объ устарѣвшихъ традиціяхъ англійскаго флота. Я предпочитаю одержать морскую победу, чѣмъ располагать бездѣйствующимъ флотомъ. Побѣда одерживаетъ тотъ, кто рискуетъ, а не тотъ, кто слишкомъ остороженъ.

Караибъ."

Я сложилъ письмо и возвратилъ его Марго.

— Это сообщеніе чрезвычайной важности, — сказалъ я. — Оно предвѣщаетъ полное измѣненіе морской тактики Кара-

ибана. Какъ бы намъ сообщить объ этомъ нашему командованію?

— Есть только одна возможность: Уайтъ Доджъ.

— Но какъ намъ узнать, когда онъ явится сюда? Видно теперь лишены возможности связаться съ нимъ.

— На всякій случай мы усилимся съ нимъ, — заштыковала она, — что если съ вами что-нибудь случится, то Квинтъ Райанъ приметъ на себя сообщеніе по радио. Нашъ аппаратъ ошнѣлъ будетъ всегда установленъ на вашу волну.

— Но если Уайту удастся пробраться къ намъ, мы должны будемъ бѣжать съ вами. Я не могу васъ оставить у Караибана.

— Я буду рада возможности бѣжать съ вами, — отштыковала она. — Его взгляды наивнѣе на меня ужасъ. Онъ ничего не сказалъ мнѣ, и я убѣждена, что онъ не приблизится ко мнѣ никогда, но онъ пытается все болѣе и болѣе приблизить меня къ себѣ. Вотъ и сегодняшнее письмо было нѣчто въ этомъ родѣ, какъ желаніемъ поддѣйствовать на меня своимъ молчаніемъ. Но я все же останусь съ Лизъ. Я не могу покинуть ее. Я выполняю свой долгъ до конца и останусь съ нею.

На слѣдующее утро Вайеръ включилъ громкоговоритель, и мы услышали голосъ Квинтъ Райана, описывавшаго артиллерійскую дуэль на Гаарлемскомъ фронтѣ и воздушные бои въ районѣ Уинчи въ штатѣ Нью-Йоркъ. Потомъ я услышала ирландское произношеніе Кенниа, за которымъ послѣдовало сообщеніе о происходившемъ въ этой мѣстности.

Кенниа — было важно ключомъ, и въ послѣдовавшемъ сообщеніи такъ же и такое сообщеніе, адресованное намъ въ цифровомъ видѣ.

Я вслушалась въ Марго и замѣтила, что она разсѣянно чертила карандашомъ на бѣлой скатерти стенографическія знаки. Мыслью она внимательно смотрѣла на нихъ и затѣмъ въ скользящихъ прикосновеніяхъ переплетала ихъ въ забавную парикатуру. Вайеръ не понималъ того, что происходило, изумленно слѣдя за ея движеніями и восхищаясь ея способностями.

Послѣ обѣда Марго послала насъ въ содержаніе полученнаго сообщенія.

— Подводная лодка Уайта прибывает к Сагал-Омаро на третью ночь.

В указанную ночь я вместе со все еще не оправившимся от ранений Сидом, отправился на берег и разыскал Уайта, — до последней минуты я опасался, что Сиди запротестует против намерения Марго остаться при Джин. Я не знаю, что именно сказала она ему на прощанье, но во всяком случае ей удалось убедить его в том, что она должна была остаться.

С тех пор мое сердце переносит мы на подводную лодку, и тут же после того, как мы спустились в нее, лодка погрузилась и вышла курсом к мысу Дюверсевоу берегу.

12

1 февраля с письмом Карахана в штаб и прибыл в Сент-Луи. Это письмо должно было решить судьбу войны.

Этот документ представляет для нас огромную ценность, — возмнил адмирал Уентворт, начальник морского штаба. — Любое количество золота не в состоянии оплатить нашей услуге, мистер Гиббонс.

— Это не моя заслуга, — поспешил я заявить в ответ, — в тулу неприятель выходящий схватил дѣвчушку — англичанку, которой единственно угрожает смерть, а быть может и нечто еще худшее. Если бы не она, это письмо не могло бы быть в руках.

И я рассказывал о том, как это письмо попало к Марго Дюверсе, как она вручила его мне, и как Уайт. Долго думал за мною на своей подводной лодке и высадила меня на берег в Атлантски-Сити.

Зная, что письмо Карахана предвещает в будущем столкновение двух флотов, я позволял себе осведомиться у адмирала о некоторых деталях.

— Я хотел бы в случае, если произойдет морское сражение, сопровождать американский флот в качестве корреспондента, но так как до сих пор мне приходится лишь наблюдать за сухопутными операциями, то я совершенно не

осведомлен в морских делах. Я был бы очень вам благодарен, если бы вы скомандировали во мне кого-либо из офицеров нашего штаба, могущаго информировать меня по некоторым вопросам.

Адмирал удовлетворил мою просьбу, и я познакомился с капитаном Вилимом Русселлом, одним из лучших моряков нашего подводного флота. Капитан поинтересовал меня в ряде вопросов, представлявших для меня интерес.

„Чикаго Трибюн“ так же, как и раньше, предоставило в мое распоряжение аэроплан, и оправившись от ран Сиди Вилим снова стал моим пилотом. Четыре дня спустя после моего прибытия в Сент-Луи, Рассел, Сиди и я вылетели по направлению к Мексиканскому заливу для ознакомления с нашим флотом.

Мы побывали в Тампе, Мемфисе, Новом-Орлеане, Галвестоне, Вера-Крус, а затем провели два часа во штабе командования американскими „Дарданеллами“ — у полуострова Кинтава.

Затѣм мы полетели на северо-запад, миновали минный заграждение залива и спустились в Гаванне на остров Куба.

Во время полета капитан Русселл инструктировал меня о состоянии наших морских сил.

— Вы стали неосведомлены в этом вопросе, — говорил он, — так и большинство американцев. Положение наше не так блестяще. Красный флот в Карибском море насчитывает тридцать одну боевую единицу против наших шестнадцати боевых единиц. Они превосходят нас не только численностью, но и мощью своей артиллерии, и скоростью.

Помимо того наш флот страдает еще от одного недостатка. Все наши базы расположены на тихоокеанском и атлантическом побережьях — превосходно защищены в воздухе, но дают нам возможность удерживать от нападения. Стратегическое положение вынуждает нас отсутствовать в Мексиканский залив, который трудно оборудовать для стоянки столь большого флота. Нам пришлось спешно строить островные плавающие доки. —

«Востокъ Наполеонъ»

— Мне представляется наше положение совершенно безвыходным, — сказал я. — Что можем мы предпринять при таком перевесе противника?

— Для нас существует только одна планка. Во-первых, мы оборудовали наши оборонительные сооружения по последнему слову техники. Постоянный переканн между военным и морским министерством канул в вечность — в этот же засада президента Смита. Департамент авиации надлежит из обоих министерств и превратить в самостоятельную организацию. Все дело нашей обороны на суше, на море и на воздухе сосредоточено в кабинетах министров в одном лиц в Майлленд Даннсон.

— А что стало с военным министром Уоллесом?

— Он подал в отставку и отставка его принята, хотя об этом публике еще не известно.

— Это меня радует, — воскликнул я, — он казался мне предателем и желтым жуликом. Это было два года тому назад после моего возвращения из Европы, когда правительство заинтересовалось моими сообщениями о Карахане. Уоллес утверждал, что мои сообщения — сенсационный вздор, направленный на рину противника.

— Еще больше известно, чем эта организация, является то, что в настоящее время мы снова располагаем воздушным флотом. Вот уже два месяца, как Гунеру удалось развить наши производственные силы настолько, что мы выполняем нашу программу полностью. У нас теперь больше зарплатников, чем летчиков, и мы в счастливом порядке готовим новые кадры авиации. До последнего времени наш воздушный флот бездействовал.

Армия настаивала на том, чтобы воздушный флот был виден в бой видно, когда начнется ожесточение на фронтах. А морское командование пожелало, чтобы наши воздушные силы согласовали свои действия с ними, потому что, пока неприятельский флот блокирует берега, победа над армией Карахана невозможна.

— Я вижу, что споры у нас прерываются. И как разрешится этот спорный вопрос?

— Споры разрешились благодаря письму, полученному от

Марго Дэвиссон. Статс-секретарь Дэвиссон надлежит авиацию в самостоятельную единицу и дать ей задание действовать вместе с нашим морским флотом.

— Я не могу понять, как существует связь между письмом Марго и подобным решением вопроса.

— Связь эта очевидна. Теперь мы осведомлены о том, что нам следует ожидать от адмирала Бринстона, командующего флотом Карахана. Нам известно его прошлое. Мы знаем, что в Ютландском бою, когда он командовал одним из английских истребителей, ему было нанесено порицание за недостаточную инициативу. Одним словом, этот человек всегда страдал от переизбытка осторожности.

Теперь ему суждено было выслушать замечание Карахана, обвинявшего его в том же. Наша контр-разведка тщательно вывела обличья в психологию каждого из неприятельских командующих.

Для нас эти сведения имеют немалое значение, чем сведения о боевом вооружении неприятельских судов. На основании этих сведений мы можем предположить, как неприятельские командующие будут действовать в том или ином положении. Мы знаем, что они предпримут, и знаем, что нам следует предпринять. Наши сведения о Бринстоне — первый шаг к этой игре, а второй шаг — косяк. — Это наш воздушный флот. На эти два косяка мы поставим все.

Кроме того к нашей выгоде говорит и то обстоятельство, что Карахан сомневался, а не боялся. У первого Наполеона было то же самое удивительное место. —

Для меня последние дни февраля, проведенные на Кубе, были полны особым смыслом и значением. Безпрерывно шли приготовления к величайшей битве эпохи. По началу транспорт доставлял в Гавану безчисленные подкрепления, которые направлялись в восточную часть острова и разбрасывались в Сантьяго и Сантьяго-де-Куба.

Острова Ганти, Доминика и Порто-Рико были оставлены без внимания. Несмотря на то, что гарнизоны этих островов были малочисленными, а оборонительные сооружения соответствовали требованиям современной техники, острова эти

не было удвлено вниманием, так как было ясно, что Карахана не ожидали развивать своего наступления на Вест-Индия. При желании они могли бы давно захватить эти острова, но не считали нужным расширять своего внимания.

Самой опасной для нас позицией Карахана являлся остров Ямайка, служивший в 1814 году вывешиванием для подготовки нападения на Новый Орлеан. Ямайка угрожала Панамскому каналу и для Карибского моря являла прибрежную то же значение, что Гибралтар для Средиземного моря.

Целью американских операций являлся захват этого острова.

Совсем плантации табака и сахарного тростника превратились в замаскированные аэродромы, из которых были спрятаны аэропланы, боевое снаряжение и припасы.

Верховное командование на этой операции было поручено генерал-майору Сенфорду.

Переброска флота и армий, заранее обдуманная объединенными штабами обеих сил, началась 29 февраля. Со всех сторон — из Кей-Вест, Тампа, Пенсаколы, Гальвестона, Тампико и Вера-Круза вышли сотни судов, направлялись к Юкатанскому полуострову.

На следующую ночь воздушный флот Соединенных Штатов, состоявший из двухсот самолетов и 3800 воздушных боевых единиц, вылетел на острова Куба и Гаити.

Несметное число аэропланов вилось в Гаванну. Ночью перед рассветом приходило на очень большой высоте и прежде чем наступил рассвет, воздушный флот достиг цели своего путешествия. В течение одной ночи все сахарные и табачные плантации были сожжены и превратились в аэродромы. Тысячи рабочих привели их в порядок и приготовили для приема воздушных сил. Тут же после того, как воздушные силы американцев сконцентрировались, место их стоянки было замаскировано.

Командующий воздушными силами, адмирал Рамзай смог в тот же день донести до сведения правительства, что весь воздушный флот благополучно прибыл на новое место сто-

яния и что, к сожалению, операция эта осталась для противника незамеченной.

В ту ночь на 1 февраля группа быстродвижных пароходов, под прикрытием ночной темноты, вышла в плавание и, обогнув мыс Кай-Анго, прибыла под прикрытием береговой полосы на остров Пинак.

Американские военные истребители продолжали крейсировать в береговых водах, тщательно следили за тем, чтобы подражаям эским пропеллера не выдавали переброев. Милых истребителей поддерживали американские легкомы, кружившие над островом. День 2 марта прошел спокойно. Неприятель не обнаружил американских сил.

После обеда американские транспорты под конвоем флота повелись поплыть вдоль в северному берегу Ямайки.

Несомненно до наступления сумерек в путь пустились морская флотилия с транспортом, на которые было поручено большое количество солдат.

А в ту ночь на третье марта, за два часа до рассвета, американский воздушный флот поднялся в воздух с шестидесяти различных аэродромов и также вылетел, курсом на Ямайку. Часом ранее в том же направлении вылетели аэропланы, разбросанные на Гаити.

И, в сопровождении капитана Росселя и Синда, поднялся на аэропланы „Чикаго Трибун“ и последовал за нашими воздушными силами с тем, чтобы сопровождать их в первый воздушный бой.

Битва при Ямайке началась на рассвете в ночь на 4 марта. Под прикрытием ураганного огня, разлитого нашей судовой артиллерией и воздушными силами, наши десантные суда продвинулись к берегу, вытеснив себя целью два выданных стратегических пункта на восточном и западном побережье острова. И Монтего-Бай и Аято-Бай соединились железной дорогой с Бангстауном, и от устья нового пролива вынесло очень много.

С высоты аэропланы наблюдали за операциями нашего флота и видели, как наши суда, остановившиеся в двадцати пяти километрах от берега, открыли ураганный огонь по выданным пунктам побережья.

Береговые сооружения разрушены, снабженные 7½, 15 и 20-сантиметровыми орудиями, были сметены гранаты откосы. Однако засадка была затруднена тем, что вдоль всего побережья неприятель засел в пещер с пулеметами и эти пулеметная метель была смерть и разрушение, шло на наших войсках большой урон.

На помощь нашим войскам пришла сменявшаяся корабля, в свою очередь порывали береговые позиции вражеских пулеметному обстрелу. Наши аэропланы, пролетая на высоте 150 метров, неслись со скоростью 250 километров в час, и во многих пунктах вынуждали противника к молчанию.

Примерно то же самое происходило и в Монте-Видео. Во многих пунктах наших войсках удалось захватить железнодорожную линию. Отступающий противник продолжал нести большие потери, и наши летчики вносили в его ряды смуту.

В сумерках наши превосходные истребители, воздушные силы наших войск, вступили в воздушные бои, продолжаясь на остров Ямайке, и сбросили большое количество бомб. Эта бомбардировка уничтожила неприятельские аэропланы. Склады боевых припасов взлетели на воздух, кое-где начался пожар. Некоторым вражеским летчикам удалось спастись на воздух, но они были обстреляны нашими боевыми аэропланами.

Валю курс на юг в Кангостон, мы заметили, что ряд аэродромов попал в руки наших оппонентов — теперь на аэродромах появились американские аэропланы. Адмирал Рамсей писал на авиационное дело важное сообщение — он не только уничтожил неприятельские авиационные силы, но и перебросил на неприятельские аэродромы множество американских аэропланов, засаженных десантом. Этот десант предназначался для охраны аэродромов.

— Вот там находится Кангостон, — воскликнул Вильям Рессель.

Над городом разнесся взрыв, свидетельствующий о том, что береговые батареи еще не были приведены в готовность.

Пролетая над устремленным полем Порт-Рояля,

наши флот подвергся ожесточенному обстрелу из зенитных орудий. Американские мощные аэропланы круто свисались и сбросили в стоявшие на рейде подводные лодки множество бомб.

Три подводные лодки быстро погружались в воду. В плавающем док стоял броненосный крейсер, в котором мы опознавали португальский крейсер „Васко де Гама“. Экипажи крейсера открыли огонь по нашим аэропланам, и вынудили двух наших летчиков, свисаясь. Удачное попадание бомбы бросило крейсера ниже горизонтальной линии, и он стал медленно погружаться в воду.

К вечеру часов для горды Кангостон превратился в груды дымящихся развалин. Лишь одиночные настилы свидетельствовали о том, что где-то неприятель продолжает оказывать сопротивление.

Американские моряки заняли вокзал и торгались в портах.

Португальский генерал Ламозин, Уильямсфорс, командовавший войсками неприятеля, был вынужден, сдаться со всеми своими штабом, а в вечеру из порта прибыли первые американские транспорты и приступили к выгрузке припасов и боевого снаряжения. То была первая значительная победа американского оружия. Наши новые воздушные флот, получивший в этой операции свое боевое крещение, показали себя с самой лучшей стороны и являлись в этом сражении решающей силой.

Впервые со времени начала войны воздушные силы снова показали себя, где еще недавно разбегалось радужное знамя Карахи. У крепкого Наполеона удалось вернуть свыше 12 тысяч километров территории.

Вскоре после того, как моряки вошли в порт, Вильямсвилль аппараты, и мы смогли присутствовать на импрессионированных торжествах, состоявшихся на рыночной площади.

В своем сообщении я подробно описал восторг, охвативший присутствующих, когда воздушное американское знамя поднялось вновь и зналось на флагштоке.

Но меня ожидало разочарование. Цезура запретила мое сообщение, и капитан Рессель объявил мне, почему сооб-

шение о первом, определенном успехе должно было быть скрыто от миллионов американцев, третью оккупированных частей от фронта.

— Дело в том, что наши успехи многими объясняли тому, что мы действовали решительно и застали красных врасплох. Они не предполагали, что мы рванемся вперед на них. Особенно важным было для них, в самом начале, нападение разрушить крепкую радио-станцию на Ямайке. Я надеюсь, что наши замыслы удалось и что связь с главными расположениями красных была прервана. Уилберфорс в последний раз, связавшись с главным штабом, лишь утром и в первом, спешно доставленном письме не мог сообщить что-нибудь о начинавшемся нападении. Мы надеемся, что красному флоту ничего не известно о захвате нами Ямайки. В наших интересах, чтобы Карахины полагали, что его войска все еще занимают остров, Ямайку и оказывают им сопротивление. Конечно, у нас, что нам приходится скрывать сообщение об этой победе от наших соотечественников, но сперва нам следует добиться более оптимистических результатов.

— Где-то там, вдали, — продолжал он, указывая на море, — потруженные в море, находится наш флот и флот противника... Точно известно, что они находятся друг друга и войны в соответствии. От их взаимодействия может зависеть исход войны. Мы взяли Ямайку, — теперь перед нами новая задача — мы должны удержать ее. Где-то на севере от Колонии находится прекрасный флот, величайшая из существующих на протяжении всей истории Армады. Она выступит против нас. Единственное, что нас отделяет от непримиримого флота, — это наши морские силы. От их маневров флоты зависят все.

Впоследствии удалось установить, что надежды нашего командования на то, что непримиримый не успел сообщить верховному командованию о начале стремительного нападения, были обоснованы.

Горный Пикс, бывший военный корреспондент, находившийся на Ямайке, пишет на 221 странице своей книги следующее:

„Результаты операции и исход войны писали на досках.

Генерал Уилберфорс сообщал о нападении непримиримых войск в Монро-Бай и Анжело-Бай, но передал американцам в воздух были настолько велики, что к моменту разгрома наступления врага на Кингстон. На острове Ямайке не оказалось ни одной радиостанции, которая могла бы подкрепить успех противника. Генерал Уилберфорс посылал сообщения в штаб о происходящем, используя радиостанции стоявших на рейде судов, но атмосфера была настолько забита радиосигналами противника и разрядами, что его сообщения не достигли цели. Американцы потопили все находившиеся на рейде суда, и даже подорвали лодку, не удалось удержать от обстрела противника.

Наши воздушные силы смогли противостоять превосходящим силам противника лишь в течение двух часов. Один из самолетов, слетавший по назначению на разведку, поддался после облета в воздухе и попытке доставить в штаб сообщение Уилберфорса о происходящем и требование о помощи. Этот самолет однако не вернулся из места своего назначения. Был ли он обстрел противником, или же потерпел аварию — сказать невозможно.“ („Судьба Ямайки“ Иеронима Пикса. Изд. Бэйтс и Гарризон Смит, Нью-Йорк, 1918, 12,50 долларов.)

На утро мы должны были снова пуститься в путь. Визит Рессель поспешно встал лишь поздно вечером, принес с собой множество сведений о предстоящем походе американского флота на Ямайку. В эту ночь он воевал до самого утра.

На разведку мы вылетели на юго-восток. При этом мы были свидетелями прибытия на остров новых воздушных сил, летавших на высоте двух с половиной тысяч метров, и через час очутились над какой-то эскадрой.

Командир Рессель сообщил из судна боевой единицы второй атлантической эскадры нашего флота.

— Вот там находится „Калифорния“, — сказал он. — Это флагманское судно — Адмирал. Вспомните, — далее четыре дредноута, четыре крейсера, отряд истребителей, дивизион подлодок, лодки. И, конечно, во главе эскадры плывущий авиационный базис. Если нам повезет, то мы сможем

запасы бензина, мы спустились на нее. Я знаком с ее капитаном.

— Мои резервуары полны, — сообщил Свид.

— Там, видится „Ореол“, — продолжал, свесив обильно ливень Рессель. — Это флагманское судно всего нашего флота — на нем адмирал Кеннеди. Там, на строй брошированной башни, находится мост, рывающий сегодня судьбу дяди Сама.

Видеть с флотской военной аэропланы, образованных в восток журмальной линии, мы летели на юго-восток. Стоял чудесный безоблачный день, в Карибское море, озаренное лучами солнца, блестя под нами ослепительной синевой. Вскоре после полудня на горизонте появились дымы, и наш авиационный отряд поднялся еще выше, не перегибаясь направились.

— Должно быть, это третья наша эскадра под командой адмирала Кестера. Флагманский корабль — „Техас“. В состав эскадры входят линейные корабли: „Пеннсилвания“, „Аризона“ и „Нью-Йорк“. За ними следуют дивизионы крейсеров, из состава которого входят: „Гильберт“, „Чатта-нога“, „Денвер“. Эта эскадра, подкрепленная дивизионом истребителей и подводных лодок, составляет самостоятельную боевую единицу. К ней приписана и плавучая авиобаза „Джон Роджерс“, под командованием капитана Уатсона. Мы спустились к ним и ознакомился с тем, что произошло за последние часы.

Капитан Уатсон, приняв нас на капитанском мостике и увидев его, я закончил о вехах часах, проверивших. В его обществе в 1928 году в Вашингтон. В те времена он командовал авиобазой в Алабаме. Он не переживался — я увидел перед собой все тот же издевательский пост, правдивые глаза, услышал все тот же радостный голос. Он сердечно подал мне руку.

— Мы ожидаем, что бой начнется еще сегодня, — сказал он, — хотя бы я знал, где плавают суда Карибского. Мы все время идем полем, ходим и до сих пор не обнаружили присутствия его флота. Ни одна подводная лодка не появилась на пути. Мы думаем, что встретим

его эскадру, стационарную в Венецианском заливе, но и ее не оказалось.

Капитан Рессель и я шли за стол в общество капитана Уатсона, тогда капитан Вилли раздался трапезу офицеров. Около часу мы покинули баню и поехали на юго-запад.

В три часа мы заметили на горизонте первую американскую эскадру — она шла курсом на юго-восток.

Капитан Рессель любезно сообщил мне, что эскадра эта плывет под флагом адмирала Аткинса и состоит из следующих линейных кораблей: „Западная Виргиния“, „Тенесси“, „Мериленд“, „Колорадо“.

Перед дредноутом плыли четыре крейсера: „Солонг остров“, „Честер“, „Чикаго“ и „Пенсакола“. На последнем развлекся флот корабель-адмирала Вереса.

За эскадрой следовали истребители, подводная лодка и линейка „Лентил“.

Мы летели за нашей авиационной отрядом на юг, но не могли угнаться за ним. Мыслили лишь истребителей, поднимая впереди эскадры, мы увидели примерно в 15 километрах перед собой и больше подводных лодок. Нам показалось, что лодка или плывет с той же быстротой, с которой шла эскадра.

На некоторое время мы потеряли из виду нашу авиационную отряд, но мы не забывали курс, рассчитывая, что нам удастся догнать его или встретить его на обратном пути. Рессель предполагал, что отряд вылетит на разведку в юго-западном направлении.

Его предположение оправдалось, и когда мы снова увидели нашу отряд, то оказалось, что девять наших аэропланов вступили в упорный воздушный бой с семью неприятельскими аэропланами. Воздушное сражение длилось двадцать минут, и из него погибло шесть неприятельских аппаратов и два наших летчика.

Подводная лодка эскадры адмирала Аткинса должна была находиться где-то поблизости, но, насколько хватало глаз, их не было видно.

В то же время, когда первая американская аэроплана была обстреляна неприятелем, и рухнула вниз, Вилли заметил

ваши парашютисты круто снижались. В ушах засвистели вихри — мы стремительно неслись вниз, к стройной толпе индейцев на поверхности моря. Вихрей оксалат, ибсальмо оксалей, и мы спустились на воду в ибсальмох десятиных метрах от подстреленного аэроплана.

В то мгновение, когда мы приближались к нему, аэроплан машинаю стал погружаться в воду. И стали в дверях каюты возмущенно спасательными кругами. Но наши старания были тщетны. Привыкший к резким изгибам сидения, пилот был мертв. Спустившийся на его аппарат, Рессель сказал что-то с левой руки летчика, с правой — предвещая в рот, и окатившись язвами. Окутанный снова среди вихрей, он вынул из рта тоненькую серебряную палочку, вставил ее в щечку, и сказал:

— Выходи мертв, — три пуха поехали ему в голову. Вот его окончательный жест, — мы его перевернули к его страсти. Умер, смертью летчика и обрел мотилу мира...

— Внимание, — воскликнул Вилей, — вот еще кто-то падает.

Снова заработали наши мощные моторы, и мы зависли по воде. Прежде чем второй американский аэроплан, погрузившись в воду, мы успели развить полную скорость. В последнее мгновение машина выскочила и зыбко рухнула остовом вниз в воду. В то мгновение, когда хвост машины заметнулся в последний раз, из аэроплана вылетело что-то белое.

— Вот он! — вскричал Вилей, круто поворачивая аппарат влево. Еще ибсальмо секунд, и Рессель, глубоко перегнувшись, схватил летчика за шиворот и с моей помощью втащил его в нашу кабину.

Летчик не был ранен, — он потерял лишь сознание и вскоре пришел в себя. Лишь с трудом смог он сообразить, что произошло, и где он находится.

Неожиданно в пятидесяти метрах от нашего аэроплана поднялся целый большой водяной столб. В то мгновение, когда поднялся масса снова рухнула в море, мы услышали вой второй группы.

— Нам надо скорее убраться отсюда, — воскликнул Вилей, и наши аппараты снова взмыли вверх.

И безпрестанно ибсаль оксаление, мы повисли на свисте.

— Наш обстрел был неслучайным, — сказала Рессель. — Возьми они из десятков сантиметров ибсаль, и мы выжили бы с жизнью. Должно быть, это не единственный неслучайный обстрел в этом районе. Должно быть, за нами следуют и весь неслучайный флот. Но можем рассчитать, флот Карахана взял курс на север от Колоса. Если это так, то наш флот стремится к одному и тому же пункту и нам пора убраться отсюда.

Мы взяли курс на северо-восток, потому что Рессель предположил, что в этом направлении мы встретимся с передовыми силами третьей американской эскадры.

Наше же знание того, о чем тогда и не подозревали. В то мгновение, когда мы летели на северо-восток, стремились отыскать наши морские силы, врасной флот, встретился с нашей эскадрой и вступить в бой.

Этот исторический миг, с которого началась первая стадия морского сражения в заливе Уиндворд, был 4 марта 1936 года в 4 часа сорока пять минут полудня.

Передовые силы врасной флота находились в то мгновение на расстоянии восьмидесяти километров южнее Имайи.

Напротив дуги, образованной флотом Карахана, стояла первая американская эскадра. Курс ее был юго-восток. Неожиданно на юге, у Гови находилась третья американская эскадра. Ибсальмо далее на север, между двумя эскадрами, находилась главкомандующий американскими морскими силами со своей эскадрой и несколькими вспомогательными боевыми единицами.

Американские морские силы таким образом образовали три угла неравнобедренного треугольника. По южной стороне был перпендикуляр на юге, основание этого треугольника уменьшалось.

Все это разъяснил нам во время полета капитан Рессель. Наше построение атакующей группы, летящий на восток, и мы присоединились к нему.

Подъём на спокойной морской глади не было видно ни

одного дыхания. А через час это спокойное море превратилось в ад.

На наше отряды ринулся отряд неприятеля, состоявший из ордона аэропланов. В этот ужасный воздушный сражение на каждого американского пилота приходилось по два нападавших на него аэроплана красных. В первые же пять минут боя были оббиты четыре наши машины, — у неприятеля были подбиты только один гидроплан.

В то время, как Винней свисал на тяжелый аппарат, чтобы опустить нас из зоны боя, какой-то неприятельский гидроплан попытался обить нас. Град пуль изрешетил обшивку нашей кабины. Одна из пуль разбила альтиметр, как раз в то мгновение, когда я смотрел на него. Спасенный нами пилот был убит, пулей попавшей.

— Пробрать резервуар с бензином, — воскликнул, напряженно работавший Винней и сдвинул еще одну попытку ускользнуть из-под пулеметного обстрела. Тяжелый запах бензина наполнил кабину.

— Мы свисаемся, — предупредил меня Винней, и в то мгновение, когда аппарат наш коснулся воды, в лодке, которую вспыхнул пожар.

Винней и я попытались заглушить пламя противоскользящими приспособлениями, а уцелевшие три американских аэроплана, преследуемые десятком неприятельских аэропланов, поехали на север.

— Ст. отнес не справился, — сказал Россель, — все смонено бензином. Мы должны сбросить мотор в море и срезать крылья. Летать наша машина больше не может; быть может, она продержится на воде.

И мы ослепительно прыгнули освобождать остов, аппарата от тяжелого мотора и от плоскостей крыльев. Винней удалось раскрутить прикрутившие мотор проволочку, и мотор рухнул в воду, взметнув столб пара.

— Славная история, — сказал Россель, когда нам удалось освободиться от залорванных плоскостей.

Из воды, на проволочке, на плочке стали, из которой можно было бы соорудить парус. И мы обречены сидеть в та-

ком положении и бездействовать, в то время, как там, где-то, раздается величайшее в мире морское сражение.

— Больше нас за что не полету без пулемета, — подсаживал Винней. — Вот уже второй аэроплан погибает подо мной. И все это потому, что мы ослепели заглядывая против пулеметов, воздушными посылками. Славный счетчик представлял я „Чингиса Тряпича“.

Быстро спустились сумерки — наступила ночь.

13

В то время, как мы беспомощно плали савозь ночь по Карибскому морю, мысли мои возвратились к февралю 1917 года. Я вспоминал о памятной мне ночи, когда я плыл в лодке, спасшись после гибели „Лакзиса“, потопленного германскими подводными лодками.

С той поры прошло двадцать лет, и ничто не изменилось на земном шаре; непреклонному человечеству ринуло свои споры-припомни оружия и войны. Все еще люди убивали друг друга. Как странно, что мысли о мире приходят на ум именно тогда, когда чувствуешь приближение смерти.

Над нами из ночного мрака доносился грохот, оружейной канонады — мы не могли определить, с какой стороны они доносились. Винней Россель снова опанился.

— Господи, они дерутся и, кажется, бой приближается к нам, — слышалось. — Мы кажется, битва развертывается в нашем направлении. У нас есть надежда, маленькая надежда на то, что мы не утонем в воде.

— Теперь мы не только слышали ружейную канонаду, но и видели далеко на черном горизонте вспышки оружий.

— Тысяча джо вполне серьезна, — кричал Винней. — Вот только не пойму, как это они ухитряются разглядеть друг друга в такую темноту.

Потом мы услышали, как много нас с ужасным всем пронеслось какое-то чудовище. То была жуткая истребитель, чуть не протаранившая нашу хрупкую скорлупу. Наше изнеможенное управление кружил гидроплан наплывав на плавучих вол-

ных, образованных людей истребители. Мы записали это
всех сил, но наши книги не были услышаны.

Вина обвинялась к нам — справа и слева от нас
трески и орудия, над нами с жужжанием парили. На-
которые из них рухнули в воду недалеко от нас, обда-
ли нас водяными брызгами. Ужасный шум, справа чуть не
опустился нас. Вокруг нас стало светло, как днем.

— Говори, что это? — вскричал Бешей.

— Что-то страшное произошло. Должно быть, меня по-
ручили заложить судно, — пояснил Рессель. — Будем на-
даться, не являюсь.

Многие наши проносились истребители. На расстоянии два-
дцати метров от нас я видел, как один из истребителей
начал погружаться в воду. До нас доносились крики его
команды, прыгающей в воду. Непроизвольно мы окликали
исчезнувших из виду, и помогали им, возвращаясь к нам.

То были морские истребители Д 201,
принадлежащие к третьей эскадре второй флотилии, состо-
явшей под командованием вице-адмирала Хельмгольца. Неда-
леко от нас второй истребитель подбирал останки и
затопил морями. Мы окликали его и нас подобрали — мы
очутились на борту истребителя „Уршань“.

Вот каковы способности судна переброшены нас в самую
гущу ужасного морского сражения, разразившегося в ночь с
4-го на 5-ое марта, исключительного названного „Второй фазой
сражения в заливе Уиндзор“.

Рессель и я записывали из салюту Хельмгольц на наштан-
ский мостик. Всплоти, которую разрывали истребители, ка-
зались слабой. Сопровождение парных кораблей и наших не-
спешно на всех парках судна было немалосильно. Обещав-
шись с погребенными хоронили боям капитаном, несколькими
словами, Рессель объяснял нам следующее:

— Три группы нашего флота, повернувшись нам ове-
дья, отходить на север: для того, чтобы сконцентрироваться.
Против флота преследует наши силы. Наши истребители
падают на него. Сегодня мы будем свидетелями про-
исшествия.

— Но я не могу понять, почему наш флот разбит на

три отдельных группы, — заметил я. — Почему мы не
сосредоточили свои силы? Мне казалось, что эбушное требо-
вание морской тактики заключалось в, наоборот, помехе со-
средоточения всех сил.

— Не мы одни виноваты нашими действиями. Не же-
лели поражения быть и противник, когда он сегодня напо-
нулся на восток на одну из наших эскадр, а потом в
отрешках двадцати километрах на запад встретил вторую
нашу эскадру. Неприятельское командование предполагало,
что ему удалось разбить наши силы, и попыталось войти
лишь между нашими двумя эскадрами. При выполнении этой
операции они потонули в, центр на основную силу нашего
флота.

Наша планка была, самый раз преимущество.

Во первых: каждая из наших эскадр располагает
полной независимостью и свободой маневрирования. Мы имеем
возможность в случае столкновения вступить в бой с
потребной силой.

Во вторых: при подобном расхождении сил мы мо-
жем в полной мере использовать скорость наших истреби-
телей, крейсеров и гидропланов.

В третьих: мы увеличиваем эффект внезапного дей-
ствия наших подводных лодок.

В четвертых: каждая из отдельных взятых эскадр
имеет возможность вступить в бой и поддержать соседнюю
эскадру, в которую имели превосходства ее силы против-
ника. Короче говоря, имея планку, мы имеем возможность
легко сконцентрировать наши силы и двинуть их более по-
движными.

— А не чем отличается неприятельская система? —
спросил я.

— Они пользуются старой английской тактикой, пред-
ставившей еще во времена Нельсона. Военные суда объединены
в один отряд, крейсера в другой, истребители в третий.
Подобное единство сил очень благоприятно в стадии боя, но
сильно затрудняет маневрирование.

Понимая Рессель представляли для меня большой инте-

рост, но еще бо́льший интерес представляли для меня размышления передо мною события.

Последующие часы превратились для меня в какой-то чудотворный сон, сотканный из восторга на вслах парадных судов, грохочущих орудий, врывов, смерти и разрушения.

Ночное сражение, разыгравшееся в Карибском море между нашими флотом и преследовавшим его флотом Кагана, оканчиваясь в разгаре трудоты. И все-таки мы принуждены بودند долгие танкетты адмирала Космича, не переставшего превосходить неприятеля, бросая ему навстречу свои легки суда и уводя крупными боевыми единицы к резервному пункту, на котором должно было произойти объединение всех морских сил для решающего боя.

Результаты ночного сражения линий раз подтвердили, насколько правы были его планы сражения. При атаках на громады неприятельского флота наших истребителей уничтожено десятков последних потерю, и ко дню пошли тысячи наших моряков. Однако некоторым нашим истребителям удалось прорваться сквозь неприятельских истребителей и подорвать три неприятельских драгута.

Как, мне потом стало известно, выполнение этой задачи облегчила хитрость, примененная одним из наших офицеров.

Оба флота пользовались условными световыми сигналами, так, как это принято и в сухопутных частях. Сигналы эти служили для оповещения своих судов, и состояли из чередующихся вспышек света, соответствующих знакам азбуки Морзе.

Один из наших истребителей, повстречавшись с американским истребителем, дал световой сигнал, который был, конечно, и записан американскими офицерами. Американскому истребителю удалось в темноте прощупать незнакомца и, когда он повстречался с другим неприятельским судном, он использовал неприятельский сигнал и красное судно откликнулось на сигнал.

Капитан американского истребителя сообщил по радио об ударе своим командующему флотом, который в свою очередь сообщил о нем остальным боевым единицам.

Благодаря этому, в течение ночи нашим истребителям удалось несколько раз обмануть бдительность неприятеля, пробравшись за линию истребителей красных и нанести свои удары на неприятельские драгута.

Одновременно ночное сражение имело целью сократить численность неприятельского флота. И действительно, неприятельский флот, вышедший в поход в состав тридцати одного драгута, на следующий день насчитывал двадцать восемь драгута.

Помимо ряда истребителей, американский флот потерял лишь один линейный корабль, отделившийся от остальных судов своего типа и вынужденный неприятельскими истребителями. В три часа утра он был подорван минами и потонул.

Как впоследствии выяснилось, в ночное сражение неприятель потерял драгута „Айраш Дюль“, „Ройал Сесерс“ и „Марш“.

Наш флагманский корабль на рассвете, не утратив скорости, достиг разломов основной силы американского флота, только что закончившего концентрацию своих сил и развернувшегося в боевую позицию.

Хотел приблизиться к флагманскому драгуту „Орегон“ и просигнализировал флажками, что я, Сидни Винней и Россель находимся на борту „Оурмена“ и просим разрешения перейти на драгута. Тут же нам были брошены чалы и переходные лестницы, и мы пообрались на палубу драгута.

С наступлением дня на мгн мы услышали канониду. Россель сообщил мне, что красный флот превосходит нас скоростью и что он вытесняет нас. Так началась единственная в истории человечества битва на заливе Уиндворте.

Наша крейсерка прикрывать тыл, — продолжал Россель. — Они вошли теперь в сопредельное с наслаиванием вперед крейсерам противника. Неприятельский флот медленно продвигается на восток и приближается к назн. Это означает, что он займет позицию между нами и восточными берегами Ямайки. Мы находимся в настоящую минуту примерно в сорока пяти километрах на восток от мыса Морая и направляемся к проливу Уиндворте.

Американский флот растянулся длиной пятьсот сорок миль — между судами было расстояние в 450 метров.

На западе армянский флот построился правильную линию из образцов. Выстрелами на разведку авиации сообщали, что они находятся примерно в тридцати километрах от нашего флота. Обе стороны начали на разведку авиации, и в воздухе началось сражение. Россель переговорил по телефону с дежурным офицером и уловилась замечать миф:

— Мы перехватили неприятельские радиотрансляции. Вокс-ссыл, потребовали от простого верховного командования, чтобы все внимание на остров воздушных сил было бы в помощь флоту.

Теперь ясно понятно, почему для нас было так важно скрыть падение Ямбика? Вы видите, какое значение для нас имеет это обстоятельство?

Бригадир не подкрывает, что остров находится в наших руках, и продолжает рассчитывать на поддержку воздушного флота, расположенного на острове. Он не знает, что аэродром острова находится в распоряжении нашего флота и его командует, приятный сюрприз.

Оба флота не изменили курса, и армянский флот медленно приближался к нашему. К концу часа мы были примерно в двадцати пяти километрах, восточнее мыса Морган.

Россель повел меня на линку „Орегон“, но даже из спящий бункер я не был в состоянии рассмотреть очертания приближающейся с запада неприятельской эскадры.

Несмотря на большое расстояние, я все же отчетливо слышал грохот орудийной канонады, это были орудия на крейсерах, вступающих в бой с неприятельскими крейсерами. Прошел еще один час — теперь неприятельский флот расположился параллельно с американскому флоту линией. Ровно в восемь часов напрохотили тысячи орудия красноты дредноутов.

Россель пояснил:

— Наш разрывистый расстояние в 25 тысяч метров — они стреляют, используя воздушными наблюдателями. Недо-

лет! — сказал он, указывая на восточный перед нами американский столб воды.

В ответ на огонь неприятель напрохотили наши орудия. Огонь наших пушек сосредоточился на головных кораблях красноты. С таким результатом работы наша артиллерия, и не знаю, — я даже был лишний возможности разглядеть цель, по которой они стреляли. Соросились орудия „Орегон“ издавали ужасный рев, и я почувствовал, что начинаю глухнуть. Я испытывал дикую головную боль.

Выстрелы сотрясли огромное судно, и при каждом раскаты наш корабль покачивался. Отрывные клубы дыма закрывали эти орудия и окутывали судно непроглядной областью. К счастью, ветер переменял направление и подул с северо-востока, отнес дым в сторону.

— Старшина Кеннеди отлично выбрал время и место, — крикнул мне из уст Россель. — Вот видите, за нами восходит солнце, — оно будет слепить глаза противнику.

Мне казалось, что обстрел беспрезультатен и что обе стороны не потеряли урона. Между линией дредноутов находились колонны крейсеров и истребителей, поддерживавших обстрел на более короткой дистанции.

— Смотрите, — вскричал Россель, — теперь вы можете видеть, что они приближаются. Они сокращают дистанцию между нами. Голуби, воздушный флот!..

И он похлопал из телефонному аппарату, и он начал рассматривать в бункер неприятельские суда, пытаясь своею фантазией догадаться происхождение на расстоянии двадцати четырех километров от нас. Единственное, что я увидел, — были испанцы среди клубов дыма.

Несколько раз слышали эти отдаленные отдаленный грохот, на который последовала ожесточенная артиллерийская канонада.

Лишь впоследствии Россель объяснил мне, что произошло в это мгновение.

Флотилия американских подводных лодок неожиданно маневрировала в расположение неприятельского флота и атаковала с фланга линию дредноутов Карахана. Неприятельский

флот, отступившись из непосредственной близости от этих сгустков огня, машина смерти, постигших перестроиться и повернуть назад. Одновременно с выполнением этого маневра, на неприятельский флот, с большой высоты, ринулись эскадры наших аэропланов, подвигавшихся с аэродромов Ямайки. Настрѣчу нашим воздушным судам, вылетѣли красные гидронавы, находившіеся на плавающих аэро-базах, и бросились в бой с нашими авиационными силами. Тѣмъ самым они хотѣли прижать свой флот от нападения сверху. Неприятельский флот, перестроить колонну, не могъ, использовать немедленно для борьбы с гидронавами свои зенитные орудія. Къ тому же число неприятельскихъ аэроплановъ значительно уступало въ численности нашимъ, воздушного склада, прибывавшимъ съ Ямайки.

Результатомъ этого двойного — воздушного и подводного — нападения явилось то, что уже въ первый моментъ времени были нанесены существенный уронъ: два дредноута Каракана — „Уорсайт“ и „Родней“ — были потоплены, а бывший итальянскій линейный корабль „Кавур“ выведенъ изъ строя. Въ послѣдующіе затѣмъ часы наши гидронавы потопили и этого дредноута.

— Стало еще тремя дредноутами меньше у неприятеля, — сказалъ Ресей. — Положение наше улучшается. Теперь мы имѣемъ пятнадцать нашихъ дредноутовъ противъ двадцати пяти неприятельскихъ.

Теперь в неприятельскіе сварады стала доходить въ непосредственномъ вѣдѣніи съ „Орегономъ“ и другими нашими дредноутами. Наши орудія услышали обстрѣлы. Неприятель добился изъвольныхъ попаданий, и адмиралъ Кеннеди отдалъ распоряженіе своему главному кораблю съ тѣмъ, чтобы измѣнить дистанцію, отблѣвную часть отъ неприятеля. Но неприятель, превосходявшій насъ скоростью, корабль снова сумѣлъ приблизиться и сократить разстояніе между обѣими эскадрами. Незадолго до восьми часовъ одинъ изъ неприятельскихъ сварадовъ попалъ въ башню дредноута „Оклахома“ и причинилъ большія разрушенія.

Дредноутъ лишился способности маневрировать и на водахъ

парахъ пошелъ навстрѣчу неприятельскому флоту, вырвавшись изъ линіи расположения нашего флота.

Когда этотъ безумный маневръ, шивавшійся слѣдствіемъ поспешнаго рулевого механизма, былъ замѣченъ неприятелемъ, на „Оклахома“ были сосредоточены огни двѣнадцати дредноутовъ, и корабль съ нашими дредноутами былъ потопленъ.

Раздался оглушительный взрывъ, и „Оклахома“ отълетѣла втрое вѣтрѣ.

Теперь адмиралъ Кеннеди выслалъ впередъ флотную эскадру, создавшихъ передъ нашими флотами дымную завѣсу. Подъ ея прикрытіемъ нашъ флотъ рѣзко повернулъ направо, и колонна нашихъ дредноутовъ свернула.

Неприятель превосходилъ насъ силой своей артиллеріи и быстротою хода — нашему флоту было не подъ силу принять бой на такомъ большомъ удаленіи. Закончивъ маневръ, адмиралъ снова приказалъ флоту сдѣлать поворотъ въ дѣлѣности правого, и флотъ началъ прежній курсъ.

Наступилъ полдень. Бой продолжался, развертываясь въ сѣверномъ направленіи, и теперь американская колонна была прикѣплена въ шестидесяти пяти миляхъ отъ береговъ Кубы.

Красный флотъ находился сѣвернѣе нашего флота и предпринималъ путь къ Кубѣ. Разстояніе между обѣими флотами сократилось, и я получилъ возможность наблюдать въ бинокль за всѣми перипетіями боя.

Теперь настала моментъ, когда неприятельскому флоту должно было быть нанесенъ второй ударъ. Двѣнадцать подводныхъ лодокъ подъ командой вице-адмирала Томаса бросились съ сѣвера въ атаку на неприятельскій флотъ и послѣ того, какъ неприятельскій флотъ перестроился и повернулъ на сѣверъ, въ бой были брошены второй авиационный отрядъ американцевъ. Сѣвѣмъ авиационныхъ силъ американцевъ приближились къ носу Кубы, съ Санти-Яго и Густанво-Вай. Затѣмъ американскій флотъ съ указанной силой сосредоточилъ оружіемъ огонь на первомъ дредноутѣ машины краснаго флота и...

— Еще одинъ! — закричалъ Ресей. — Еще одинъ потопленъ! Это „Малборо“. Мы подбили еще одного судна. Взгляните на главнѣйшій флагъ — тамъ одинъ дредноутъ

лишить способности маневрировать. Это „Эл“ — съ него покончено. А тот, что въ огнѣ — „Королева Елизавета“.

Но этихъ же ограничилось число неприятельскихъ судовъ, введенныхъ въ бой. Наши орудія поразили еще одинъ дредноутъ.

Славно боролся, итали наши гидропланы надъ неприятельскими судами, довершили разрушеніе и осилили ихъ бомбами.

Къ часу дня адмиралъ Бринстоу по результатъ самостоятельнаго нападенія нашихъ воздушныхъ силъ, флота и подводныхъ лодокъ, велѣлъ шесть кружныхъ боенныхъ единицъ.

Наши гидропланы спустили дымовую завѣсу, подъ прикрытіемъ которой адмиралъ Кеннеди прервалъ столь славно разграниченъ для насъ сраженіе и велѣлъ перейти курсъ.

Теперь соотношеніе основныхъ боенныхъ единицъ обоихъ флотовъ составляло двѣнадцать къ четырнадцати, причемъ наши перевѣсѣ въ воздухѣ не возбуждалъ сомнѣній, такъ какъ теперь наши силы почти уравнились. Адмиралъ Кеннеди оказавши въ состояніи возобновить артиллерійскую дуэль, и оба флота возобновили обстрѣлъ на дистанціи двадцати съ небольшимъ километровъ.

Мы превосходили неприятеля качествомъ нашей воздушной развѣдки, и Россель бокрестьянно угадалъ, что наши орудійный огонь оказывается болѣе ускореннымъ, чѣмъ, неприятельскій.

— Господа, что это за сраженіе? — восклицалъ онъ. — Вы замѣтили послѣднія попаданія? Кіе дѣлѣ неприятельскія посудины потоплены—бывшій немецкій пароходъ „Фонт Тирпицъ“ и японское судно „Мутсу“. Собственно, оба этихъ судна входили въ составъ крейсерской эскадры, но Бринстоу пришлось ихъ вызвать на помощь. —

Вскорѣ однако радость Росселя была опровержена. Американскій флотъ потерялъ второй тяжелый уранъ за этотъ день.

Сосредоточенный огонь неприятельскихъ орудій нанесъ имъ серьезный вредъ дредноутъ „Невада“, изъ-за неимовности на то, что наши истребители попытались вывести его изъ зоны боя и укрывать за дымовой завѣсой, неприятельские аэропланы и подводные лодки довершили свое дѣло и потопили дредноутъ.

Несмотря на то, что скорость обоихъ флотовъ, въ резуль-

татѣ артиллерійской дуэли, снизилась, японскій флотъ приближился къ нашей колоніи настолько, что адмиралъ Кеннеди, по приближеніи того, чтобы наша колонія была разбита на двое, приказъ перейти переменить курсъ и идти на югъ.

Убѣжденный въ перевѣсѣ нашей артиллеріи, адмиралъ отдалъ приказъ возобновить артиллерійскую дуэль. Бывомся вечеромъ — бой былъ перерывомъ итѣ съ разсвѣта. Въ результатъ маневровъ нашего флота, солнце снова садилось у нашихъ каннибровъ за спиною.

Теперь принадлежали американскимъ единицамъ противостоятъ семнадцать неприятельскихъ единицъ. Следующій часъ довершилъ уничтоженіе остатковъ неприятельскаго воздушнаго флота. Наши летчики сосредоточили всѣ свои силы на неприятельскомъ воздушномъ флотѣ, и вскорѣ остатки его были разгромлены.

Винной, наблюдавшей за боемъ въ обществѣ одного изъ офицеровъ авіаціи, находившихся на „Орегонѣ“, возбужденно крикнуть имъ:

— Наконецъ-то у меня изберется аэропланъ, вооруженный пулеметомъ! Бринстоу Россель, идите сюда — мы сейчасъ погонимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ бронированной куртѣ аэроплана и летали въ высь. Прежде чѣмъ намъ удалось достичь желательной высоты, имѣло пришлось вступить въ бой съ японскими летчиками, и Винной облетѣ его.

Достигнувъ высоты пятисотъ метровъ, мы стали наблюдать за послѣдней фазой этого рѣшительнаго морского сраженія. Теперь японскій флотъ выходилъ на дистанціи пятнадцати километровъ отъ западной оконечности острова Гавайи.

Американскій флотъ, расположивши въ пятнадцати километрахъ къ юго-востоку отъ маленькаго островка Навасса Исландъ. Къ концу сраженія, я долженъ признаться, что только тогда я узналъ, о томъ, что этотъ островокъ принадлежалъ Соединеннымъ Штатамъ.

Такимъ было расположеніе обоихъ флотовъ, когда адмиралъ Кеннеди приступилъ къ осуществленію своего рѣшительнаго замысла. Новая группа подводныхъ лодокъ атаковала тыловыиъ неприятельскій флотъ съ восточнаго фланга, и одновременно

в бой ринулись силами воздушных силы, спрятавшись на островах Гинни.

И снова воздушная и морская силы своими согласованными действиями нанесли противнику жестокий урон. В то время, как красный флот маневрировал, чтобы избежать морской атаки, наши вертолеты сбились и открыли бомбардировку. Поддерживая воздушную и подводную атаку, наши орудия развели ураганный огонь, извергая на неприятельский флот огромные массы металла и взрывчатых веществ.

Ресоль, не отходявший от меня ни на шаг, безостановочно продолжал говорить:

— „Венбоу“ поврежден из-за боя. В прошлом это — флагманский корабль великобританской эскадры минных кораблей. Рядом с ним „Реванш“. Поступила со стороны начальства то, что мне, как „Самра“ — флагманский корабль французского флота. Тот, что тонет, — „Юлий Цезарь“ из итальянского флота. Там же горюют сейчас лететь на воздух „Нагато“, а рядом, охваченный огнем „Того“. Оба принадлежали к восьмому японскому дивизиону. Никогда они были гордостью японского императорского флота. Мне кажется, что „Нагато“ был флагманским кораблем адмирала Ото, которому Вринстон передавал командование крейсерской эскадрой.

Вот каков был успех, достигнутый адмиралом Кеннеди в этом сражении. Потери, нанесенные неприятельскими крейсерскими эскадрами и дивизионами боевые машины, были еще многочисленнее. Остатки потрепанного японского флота направились на юг, пытаясь найти спасение в бегстве. Но Кеннеди не собирался закончить сражение. Теперь у нас было тринадцать линейных кораблей против неприятельских одиннадцати, и нас выходило из переполки.

Кеннеди приближался со своим флотом к воюющей неприятельской дредноуту, и на суверенных землях последили артиллерийская дым.

На наше счастье, северо-восточный ветер отгонял в сторону облака дыма, что давало нам возможность беспрепятственно наблюдать за всеми стадиями сражения, развернувшегося в ряды единоборств, отдельных дредноутов. Как нам

удалось установить, адмирал Вринстон дал со своего флагманского дредноута „Нельсон“, повешенного боковыми повешенными, приказ к отступлению, поручив подчиненным лодкам и истребителям прикрывать его.

В первый час преследования наш флот изматывался на флотилию неприятельских лодок, дымящих, выходящих с юга. Позднее их появление было совершенно необходимо, и мы стали испытывать опасения, что из последнего извержения победы может быть нанесена нам новая рана.

Два больших наших дредноута — „Идаго“ под командой контр-адмирала Атвуда и „Западный Вирджиния“ — были потоплены. К счастью, оставшимся судам удалось подобрать часть команды тонущих кораблей. Эти потери означали торжество нашего флота.

Адмирал Кеннеди собрал свои боевые силы и повел их к югу за отступившим флотом Вринстона.

Винный смеситель радует с „Орегоном“, и нас подняли на борт.

Я едва успевал, выхватывая из кипучей маневренной лавины со своим сообщением — Винней тут же подхватывал их и несся к радио-аппарату передавать их дальше. Непрерывное возбуждение и большое количество поглощенного во время работы кофе сказались на моих нервах, и я, совершенно обезумев, устал в кресло и забылся. Прозвеневший далеко вперед, адмирал Крауфорд Ноллсмена все еще перепарыв американскую территорию, но флот Каракана, обозначивший ему азиатское вид, морями был уничтожен. Ближился рассвет — рассвет, великий шаг победы.

— Господа, ну и сообщение! — кричал Винней. — Надеюсь, радио-станция передаст его дальше. Я тут, отдал, лав, лав бы был с Марго в, и, и, и, когда она узнала о том, что произошло. Господа, что-то будет?

Я был настолько обезумев, что не был в состоянии удостоить его ответом. Я не мог думать, и испытать лишь одно желание — спать, спать, спать.

Морское сражение в проливе Уизардита было самым значительным событием этого исторического 1938 года.

Многочисленные армии Красного Наполеона, (четыре миллиона людей, находившихся на канадском фронте, два миллиона в Вашингтон, Орегон и Британской Колумбии и два миллиона на мексиканском фронте и в Панаме) — были переброшены к нам через пустыню.

Уничтожение императорского флота открыло нашему флоту, до сих пор вытесненному в Мексиканский залив, свободу действий. Наши удивительные дредноуты, крейсера-истребители и подводные лодки получили возможность свободно маневрировать в море. Отныне мы властвовали над морями и могли прервать важнейшие коммуникационные линии Карахана, нарушаясь в беспрепятственном подходе сил и припасов из Европы.

После того, как американскому флоту удалось довершить разгром сил адмирала Бристона, наши суда блокировали порты Карахана в Атлантическом и Тихом океанах. „Вармуда“ и „Триптих“, после утраты флота, одолелись и были превращены в американские морские базы.

Наши флоты направлялись к берегам Европы и Америки и проходили среди портов материков, названных Караханом, уничтожая демонстрация. Эти демонстрации, свидетельствующие о том, что не все, предвещая Карахану народ сломан, послужили сигналом к ряду действий, позволивших за собой развал огромного политического и административного механизма, созданного Караханом на развалинах империи.

1934 и 1933 годы ознаменовались уничтожением империи и нашей силой, подчинившей под власть Карахана. Его победы достигались повсеместно в странах, дорогом ценой. Подавляющее большинство флота всего мира было рекинировано для войны, его армии и служило для переброски его войск в Америку. Это обстоятельство нанесло большой ущерб морской торговле всей страной. Особенно сильно это сказалось на снабжении населения теми предметами потребления, которые

одновременно являлись предметами потребления бесчисленных армий Карахана. Кое-где истощили запасы, чудовищные налоги и реквизиции вызвали недовольство, выражавшееся в открытой коммунизации, что свидетельствовало о том, что дух в поверженных странах начал даже не тот, какой был в начале эры Карахана.

Упорное сопротивление Америки, противоречащее общему мнению Карахана считать Соединенные Штаты в течение этого года, и гибель его морских сил вызвали большое смущение в тылу.

Несомненно иное настроение царило во его армиях. Там, среди его черноморских и желтых частей, равно как и среди коммунистически-экстремистских областей, частей, распределялись агитации, опровергающие все мифы различных классов.

Они гласили:

„Товарищи, мы находимся в чужой стране, оторванные от наших семей и нашей родины. Морское сообщение в помощь тылу прервано. Перед нами была капиталистическая армия, заданная целью добиться нашего уничтожения. Океан больше не принадлежит нам. Для нас существует лишь один исход: сложить предпринятое нами дальнейшее продвижение вперед, проливаться и захватить всю страну.“

Еще одно последнее рыцарское выражение, и мы уйдём, наше дело доброй!“

Дух американских армий воспрянул. Ценою большого напряжения тылу удалось добиться новых результатов, отпавших рекрутских, на провансальском фронте. Вызванный президент Гумер сумел добиться результатов, которые явились для него полной неожиданностью. Все это было достигнуто, потому что отныне наша провансальность была децентрализованной, что дало возможность каждому приносить максимум усилий и одновременно делало ее неуязвимой для планетарного контрреволюционного сигнала.

Теперь наши фронтальные войска уже больше не являлись скоплением необученных и слабо подготовленных новобранцев. Два года тяжелой борьбы, стояние американских армий двух миллионов человеческих жизней, оказались для них как ослепительная школа. Теперь у нас под

ружьем пахотилось девять миллионов человек. — Из этого количества пять миллионов было на ново-английском фронте, простиравшемся от озера Эри, Альбани на запад к Гудзону и Нью-Йорку.

Наше войско больше не испытывало недостатка в бое-ных припасах, и в сражении — наша востановившаяся армия была снабжена в достаточной степени всем необходимым, а теперь к ней присоединялась и поддержка немалого численно превосходящих воздушных сил.

Американский воздушный флот, так же сильно поработавший во время риджского морского сражения, в день разгрома флота Каракиса в Каракиском море, вылетел на север. Новые летчики и аэропланы заменили убитые, потерявшие за время сражения.

Отныне мы владели морем — теперь оставалось лишь решить в бою, кому владеть воздушными сферами. В первой половине марта обе армии ожесточенно готовились к началу весенней кампании.

Американский воздушный флот приступил к активным операциям 17 марта. Целью наших атак были Бостон, бывший не только важным стратегическим центром и местом нахождения Каракиса и его штаба, но одновременно и важнейшей базой неприятельского воздушного флота.

Операциями нашего воздушного флота руководил лично адмирал Рамзи. Флегматичный корабельный воздушного флота был очень быстрым и легким наблюдательным аэропланом.

Крошечный воздушный флот, состоявший из 7000 аэропланов, командовал красной адмирал Де Ланг.

Наш воздушный флот состоял из четырехсот эскадр, — в каждой эскадре было восемнадцать аэропланов. Итого, наш флот насчитывал 7200 аэропланов. Эти страшнейшие армией были размещены на аэродромах Меритленда, Делавера, Нью-Джерси, Пенсильвании и Нью-Йорка.

17 марта, вскоре после захода солнца, все это огромное количество аэропланов сосредоточилось в районе Филадельфии. Наш воздушный флот направился к морю и, исчезнув из виду, изменил курс на северо-восток.

Неожиданно часами падали наши флоты неожиданно появились над Бостоном. Они летели с Атлантического океана. И снова на землю обрушился ураганный ливень, несший смерть и разрушение. Неприятельские военные суда открыли ожесточенную стрельбу, но никто из неприятельских летчиков не рискнул, вступить в бой с нашими силами. Высланный адмиралом Рамзием воздушная разведка сообщила, что окрестные аэродромы потеряны неприятелем и что поблизости не видно ни одного неприятельского аэроплана. Это странное ичелование неприятельских воздушных сил разъяснилось в час дня, когда адмиралом Рамзием было получено следующее сообщение по радио:

„Подвешенная сила неприятельского воздушного флота и количество испущанных тысяч аэропланов над Буффало Точка Промышленная часть города уничтожена Точка Ниагарский аэропорт станица разрушена Точка Зенитная батарея повреждена и бездействует Точка.“

Раздав тут же отдал по радио приказать командирам своих воздушных подразделений, и наш флот пошел на запад к штату Массачусетс. Приблизно в то же время неприятельский воздушный флот, довершив свое разрушительное дело над Буффало, изменил курс на восток и направился по обратный путь.

Около четырех часов дня оба воздушных флота встретились. Встреча произошла в районе Альбани в штате Нью-Йорк. У обоих воздушных флотов были очень организованные запасы боевого снаряжения. Неприятельский флот не успел так же подготовиться после налета на Буффало, а наш флот, пролетая над Массачусетсом, по приказу адмирала, изобрел все лучшее для того, чтобы облегчить полет.

У большинства аэропланов обоих флотов резервуары были пусты. Позади были безыерный десятичасовой полет. Особенно далеко от своих операционных баз, находившихся в Бостоне, набрались проворные летчики. Выступая на глазах тысяч людей с высоты, следили за их полетом, воздуш-

ного боя. Множество машин было сбито; большинство пилотов было обьято пламенем. Пришел Развал гласить: сражаться до последнего патрона и до последней капли бензина. Воздушный бой развернулся на огромном протяжении и на различных высотах — некоторые из воздушных судов забрались на высоту семи тысяч метров.

Вскоре после пяти часов дня американцы пришли на помощь западной восточной группе, и постепенно линия воздушного боя стала отходить на запад. Некоторые из аэропланов, за отсутствием бензина, принуждены были свалиться. Теперь бой шел над расположенными американскими войсками, что несомненно составляло для Развала некоторое преимущество. Наш воздушный флот находился во сберном и юсточном направлении от неприятельского флота. По истре того, как бой переместился на восток, наступили сумерки.

Обе стороны начали свиваться. Сотни аэропланов, вынужденных свиваться в темноте, погибли. Неприятельские летчики, оказавшиеся вынужденными свиваться в районе нашего расположения, тут же были захвачены и, плетя напями солдат или гражданских. Некоторые из летчиков попытались приблизиться к той части и спрятаться. Тут, одному из летчиков, спустившихся в районе Куверстоуна, удалось засфилить какого-то автомашиниста, похитить запас бензина и снова подняться.

Воздушный бой не дал определенного результата, но все же американцам удалось достичь некоторых результатов. Две трети неприятельского воздушного флота были сбиты или вынуждены спуститься на американской территории. Мы потеряли в этот бой около двух тысяч машин.

Благодаря этому бою нам удалось первого апреля 1936 года перейти в решительное наступление, имея на своей стороне подавляющий перевес в воздушных силах.

Нашему наступлению предшествовал сокрушительный артиллерийский огонь по всем проявлениям фронта от Канады Эри до Гаврлема.

После двухдневной артиллерийской подготовки наша пехота прорвала проволоочный заграждение в районе Альбани, и уже первый день боя привнес нам результаты. После ожесточенных рукопашных боев нам удалось перейти не-

стоявших рукопашных боев нам удалось перейти не-
оризации из Уинтерфара и Трон.

Во этих боях свивались и преимущества наших пехоты, Риконбисеровских танков, разбитых свивательно большой скорости, истребительские танки Фоксхолла.

Танки уничтожили проволоочный заграждение и сметали неприятеля, пытавшегося приостановить их продвижение вперед. Эти машины, благодаря своей быстроте и подвижности, оказались решающей силой боя.

Наша пехота заняла одну линию окопов за другой. Ее наступление, подкреплённое танками, поддерживалось шквалом летящими аэропланами.

Первая неделя наступления нанесла американским войскам большой ущерб, убитым в состав была очень велика, но достигнутые, несмотря на ожесточенное сопротивление, успехи оправдывали эту утрату. В течение недели нашими войсками удалось продвинуться на огромные расстояния, и теперь линия фронта достигла границы Нью-Йорка и Массачусетса. Ряд городов и поселений перешли в наши руки.

Полковник Караким пережил в этот наступление на линии фронта потерю неудачу — наши воздушные силы внесли противнику большой урон.

Винный и я ежедневно наблюдали за развращающимися боями пехоты на разбегу. Нашей базой стал теперь Альбани, находившийся теперь в силу продвижения наших частей на достигавших орудий неприятеля. Из Альбани я посылал свои сообщения, и наш аэроплан постреленному был убит, отлителем истребителя на земле погиб. Но теперь мы не были безоружными. На наших перемещаясь спереди велись два пулемета, а сзади — третий пулемет, который управляли я. В крайнем случае наш истребитель мог поднять чепарех, пассажиров.

15 апреля армия генерала Меллеа, при помощи танков, аэропланы себя пух из Гринфилда в Коннектикут, и этот заволаше сзади нашего наступления, кончившаяся исторической «Битва в Берлингтонских горах».

Караким, оказав на линии фронта Коннектикут ожесточенное сопротивление.

Генералъ Зубровъ, имевший въ распоряженіи самыя сильныя на этомъ участкѣ фронты, былъ отстраненъ отъ должности и замененъ. Отнынѣ командование на этомъ участкѣ перешло лично Карахану, перенесшію свою ставку въ Уорчестеръ.

Но американскій паровой молотъ, приведенный въ движеніе, невозможно было остановить. Наши силы продолжали наступать и, прорвавъ непріятельскія линіи у Коннектикута, продвинулись настолько въ этотъ прорывъ, что подъ огнемъ нашихъ силъ непріятель принужденъ былъ очистить нѣкоторые опорные пункты.

Нашъ перевѣсъ въ воздухѣ теперь былъ неоспоримъ. Денно и ночью въ воздухѣ шли ожесточенные бои — наша воздушная развѣдка непрерывно корректировала работу нашей артиллеріи. Непріятельская артиллерія, лишенная поддержки въ воздухѣ, стала сдавать.

И тогда наступило начало конца — отступление красныхъ на южномъ участкѣ фронта. Желтые войска, удерживавшія позиціи противъ разрушеннаго острова Мангатауни на рѣкѣ Гаарлемъ, начали отступление. На первыхъ порахъ отступление проводилось планомерно и прикрывалось аррьергардными боями, — но послѣ того нашимъ войскамъ удалось переправиться черезъ рѣку Гудзонъ и войти въ соприкосновеніе съ противникомъ, отступление котораго начало принимать характеръ безпорядочнаго бѣгства. Все болѣе и болѣе людей отбивалось отъ непріятельскихъ частей и сдавалось въ плѣнъ. Дороги на Гарфордъ, Нью-Гафенъ и Фолль-Риверъ были забиты бѣглецами. Сотни тысячъ солдатъ непріятельской арміи пытались при помощи различныхъ транспортныхъ средствъ попасть въ Востонъ, прежде чѣмъ войска генерала Меллена займутъ фланговымъ движеніемъ городъ. Сопротивленіе красныхъ войска было сломлено, и оно превратилось въ бѣгство. Пятидесятитысячный отрядъ, занимавшій Лонгъ-Исландъ, сдался безъ сопротивленія. Застрашенные на забитыхъ дорогахъ и лишенные возможности продвинуться въ какую бы то ни было сторону, непріятельскіе отряды несли отчаянныя потери, подвергаясь обстрѣлу нашихъ летчиковъ. Въ концѣ концовъ, они принуждены были сдаться, просигнализировавъ

объ этомъ при помощи большихъ бѣлыхъ плитъ, которыми они выложили на землѣ слова: „Мы сдаемся“.

Наши войска заняли Уорчестеръ, затѣмъ Фичбургъ — разгромъ начался.

Въ разгаръ этихъ сенсационныхъ событій я получилъ изъ Востона шифрованную радиограмму. Уайтъ Доджъ сообщалъ мнѣ, что Марго Дениссонъ въ условленный часъ не явилась на свиданіе къ Скалѣ Омаронъ.

Его подводная лодка крейсировала вдоль берега въ теченіе трехъ ночей подрядъ, но Марго на условленномъ мѣстѣ не оказалось. Уайтъ опасался, что произошла какая-нибудь бѣда, воспрепятствовавшая ей придти на берегъ. Я посоветовался со Спидомъ, и мы приняли быстрое рѣшеніе.

— Я могу спуститься недалеко отъ Грейстона, — предложилъ Бинней. — Я знаю тамъ поблизости небольшую лужайку, расположенную въ укромномъ мѣстѣ и невидимую съ дороги.

За часъ до разсвѣта мы покинули Альбани и полетѣли на востокъ.

— Если этотъ желтый дьяволъ осмѣлится коснуться Марго, я вырву ему печеньку, — кричалъ Спидъ.

Меня беспокоила не только мысль о Караханѣ. Я съ ужасомъ думалъ о дикихъ ордахъ, отступавшихъ на сѣверъ и утратившихъ свою прежнюю дисциплину. Въ зависимости отъ исхода боя, будь побѣда или пораженіе — бѣлыми женщины всегда были желанной добычей для войскъ Краснаго Наполеона.

Во время полета я прочистилъ и привнесъ въ порядокъ наше оружіе. Мы отлично сознавали, какой мы подвергались опасности и какая насъ ожидала участь, если бы мы были захвачены въ плѣнъ въ тылу непріятельскаго расположенія, но игра стояла свѣчъ. Во мнѣ продолжало жить убѣжденіе, что намъ удастся похитить Марго изъ Грейстона и вмѣстѣ съ нею снестись бѣгствомъ на аэропланѣ.

Пролетая надъ Востономъ, мы видѣли, что улицы забиты схваченными ужасомъ человѣческими массами. Приближаясь къ берегу, я вспоминалъ о томъ, что недалеко отъ него должна была стационаривать подводная лодка Доджа и

мысленно разделил его опасения за судьбу любимой девушки.

За Салемом Винней снизил аппарат, и мы полетели надъ столь знакомой намъ дорогой.

— Она должно быть находится тамъ, — сказала Винней, указывая на дымокъ, видѣвшійся вдали. Менте тѣмъ черезъ минуту мы были уже надъ этимъ пунктомъ.

— Вотъ сторожка призватника, — воскликнулъ я. — Но куда дѣвался домъ? — и дѣйствительно, къ нашему удивленію я увидѣлъ подъ собою груды дымившихся развалинъ, обуглившихся стѣнъ и черныя зияющія отверстія оконъ.

— Онъ скрылся, — вскричалъ Винней, кружась надъ развалинами, некогда бывшимъ домомъ, въ которомъ Караханъ содержалъ въ плѣну свою жену и англійскую девушку, смѣлости которой мы въ значительной мѣрѣ были обязаны нашими успѣхами на фронтѣ.

Винней выругался.

— Какой негодяй! Сжегъ домъ!.. Но куда дѣвалась Марго? Мы должны спуститься и поискать ее!

— Это не имѣетъ смысла, — сказалъ я, — здѣсь все разрушено. А если она осталась въ домѣ, то теперь слишкомъ поздно искать ее. У насъ одна надежда — мы должны то что бы то ни стало отыскать Карахана. То обстоятельство, что онъ разрушилъ Грейстоунъ, свидѣлствуетъ о томъ, что онъ собрался бѣжать. Но куда онъ скрылся?

— У него нѣтъ только одна возможность, — сказалъ Винней. — Суша запержена его разбитой арміей, воздухъ въ нашихъ распоряженіи, — онъ могъ бѣжать лишь морскимъ путемъ.

— Господи, какіе мы идіоты! — вырвалось у меня. — Онъ бѣжалъ не морскимъ путемъ, а подводнымъ. Мы совершенно упустили изъ виду „Звѣзду Азін“. Совершенно вѣрно. Мы забыли о его большой подводной лодкѣ. Марго мнѣ въ свое время рассказала о ней. Эта лодка всегда стояла въ маленькой бухтѣ Манчестера. Бухта находится въ пятнадцати километрахъ отсюда. Мы должны немедленно же отправиться туда. Въ этомъ послѣдній нашъ шансъ.

Мы понеслись съ предѣльной скоростью къ названному пункту, а я продолжалъ вспоминать нѣкоторые детали, сообщенныя мнѣ Марго объ этой подводной лодкѣ краснаго диктатора. Я спросилъ ее, почему Доджъ Уайтъ своевременно не уничтожилъ эту лодку, но она отвѣтила мнѣ, что Доджъ Уайтъ намеренно не предпринималъ ничего въ районѣ Грейстоуна, чтобы не возбудить подозрѣній Карахана и не привлечь его вниманія на лодку, крейсировавшую въ береговыхъ водахъ.

Уайтъ опасался всего, что могло въ какой-нибудь мѣрѣ ухудшить положеніе Марго.

— Намъ не везетъ, — воскликнулъ Синдъ, — мы находимся надъ бухтой и воды ея чисты. Лодка ушла отсюда.

— Полетимъ назадъ по направленію къ Лонгъ-Исланду, — дадимъ знать нашимъ дозорнымъ судамъ, — предложилъ я.

— Слишкомъ поздно, — печально замѣтилъ Синдъ. — Должно быть, въ настоящее время онъ уже находится на пути въ Галифаксъ. Но онъ не останется подъ водою — онъ захочетъ выиграть время и вынырнетъ на поверхность воды. Быть можетъ, намъ удалось бы обнаружить его мѣстонахожденіе — въ этомъ кроется наша послѣдняя возможность, и я не хочу оставить ее неиспользованной.

Я согласился съ нимъ, но напомнилъ ему, что мы воть уже нѣсколько часовъ находимся въ пути, и что, должно быть, наши запасы бензина въ порядочной степени иссякли. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе Синдъ пожалъ плечами. Мнѣ показалось, что я нечаялъ обуреванія его чувства. Какой во всемъ этомъ былъ смыслъ, если ему суждено было нами утратить любимую девушку?

Мы полетѣли на сѣверъ, внимательно осматривая водную поверхность. Увы, мы не обнаружили ни „Звѣзды Азін“, ни какого-нибудь иного судна. Вдали, въ районѣ, гдѣ крейсировала американская эскадра, — вѣдь ли снова бы онъ оказаться. Я надѣялся, что если не суждено будетъ спастись, то какая-нибудь изъ нашихъ подводныхъ лодокъ,

— быть может подводная лодка Уайта Доджа, — подберет насъ.

— Тамъ вдали какъ будто бы виднѣтся рыбацья лодка, — вырвалось у Спидъ.

И действительно, въ указанномъ имъ направленіи я увидѣлъ маленькое пятно, походившее на рыбацью лодку.

— Это лодка, — сказалъ я, — а теперь ее разглядѣть. Должно быть, это спасательная лодка, смытая волной съ палубы, или оторвавшаяся отъ пристани.

— Кто-то въ ней находится, — продолжалъ Спидъ. — Мы спустимся и выяснимъ, что тамъ происходитъ. Быть можетъ, тѣ, что въ лодкѣ, видѣли „Звѣзду Авин“.

Мы летѣли теперь надъ самой водой. Въ бинокль я разглядѣлъ, что въ лодкѣ находилась какая-то женщина. Женщина замѣтила насъ и стала махать намъ платкомъ. Всего лишь какіе-нибудь десять метровъ отдѣляли насъ отъ нея, и мы узнали ее. То была Линъ Караханъ.

— Гдѣ Марго? — крикнулъ Спидъ, выключивъ моторъ.

Я схватилъ Линъ и втащилъ ее къ намъ.

— Въ подводной лодкѣ, — прошептала она. — Въ „Звѣздѣ Авин“. Онъ взялъ ее съ собою. Меня онъ высадилъ въ лодку.

— Какъ давно это произошло?

— Приблизительно часъ тому назадъ.

— Куда плывутъ они?

— Я не знаю. Должно быть на Галифаксъ, чтобы пополнить тамъ запасы бензина, и потомъ въ Англію.

— Мы должны быть очень бдительными, — сказалъ Спидъ, снова включая моторъ. — Теперь мы напали на вѣрный слѣдъ. И если намъ хватитъ бензину, то мы догонимъ ихъ. — Потомъ онъ спросилъ Линъ: — Онъ ея... онъ... что-нибудь позволилъ себѣ по отношенію къ ней?

— Нѣтъ, Спидъ. По крайней мѣрѣ, пока я была съ ними. Но онъ нѣтъ себя отъ ярости. Я никогда еще не видѣла его въ такомъ состояніи. Онъ приписываетъ свое пораженіе намъ.

И Линъ рассказала мнѣ, что Караханъ подъ вечеръ прибылъ съ нѣсколькими офицерами своего штаба въ Грей-

стонъ. Онъ принудилъ Марго и ее занять мѣста въ его автомобиляхъ, удалилъ всѣхъ изъ дому и затѣмъ взорвалъ домъ на воздухъ. Какъ Спидъ и предполагалъ, онъ поѣхалъ въ Манчестеръ, пересѣлъ съ женщины и полковникомъ Бойеромъ на „Звѣзду Авин“ и вышелъ въ море.

— Онъ бѣжитъ баскады, — пояснилъ мнѣ Линъ, — и плыветъ подъ водой. Но два или три раза онъ поднимался на поверхность воды, чтобы произвести наблюденія. Въ послѣдній разъ онъ оторвалъ меня отъ Марго и заставилъ подняться на мостики лодки. Меня посадили въ маленькую лодку и покинули.

Когда подводная лодка отошла отъ моей лодки, онъ крикнулъ мнѣ:

— Ступай обратно и скажи своимъ сородичамъ, что я скоро вернусь, и тогда владычеству бѣлыхъ настанетъ конецъ.

Мы неслись съ предѣльной быстротой. Спидъ внимательно осматривалъ растянувшуюся подъ нами водную гладь, а я не сводилъ глазъ съ горизонта. Линъ сидѣла спиной къ носу аэронавта и безучастно смотрѣла вдали.

Неожиданно она сказала:

— Я увидѣла облачко дыма.

Я повернулся и крикнулъ Спиду:

— Скорѣе переимѣняй курсъ! Я не знаю, что тамъ, но во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ выяснить, что тамъ происходитъ.

— Это подводная лодка, — пояснилъ Спидъ. — Но не „Звѣзда Авин“. Я бы отличилъ ее по подводной части. Эта лодка американской постройки. Должно быть, изъ нашего класса „В“. Но куда они стрѣляютъ? Я не вижу ихъ цѣли.

— Я вижу, вижу... — восклицалъ я. — Тамъ вдали виднѣтся вторая подводная лодка. Она находится приблизительно на разстояніи километра. Линъ, взгляните въ бинокль! Вы ее не видите?

Линъ подняла къ глазамъ бинокль.

— Я ничего не вижу... нѣтъ, нѣтъ, теперь я вижу...

Но я право не знаю... да, да, это „Звезда Ави“! Это Карахань!

Спидь услышал ее слова, и мы повесились к лодкам. Он свисел с аппарата, и наш самолет заскользил в воздух. Теперь я разглядывал в бинокль, что оба подводных лодки обстреливались выстрелами из установленных на их башенках орудий. То была своеобразный бой.

Обе лодки, или хотя бы одна из них, была настолько повреждена, что не могла погрузиться в воду. В противном случае она не приняла бы этого странного боя. Наш самолет несся с немиссирной скоростью.

— Медленнее, Спидь, — крикнул я, — плоскости не выдержат! — Но он не обратил внимания на мое предостережение, и я, застав дыхание, почувствовал, что мы коснулись воды. Наш самолет опустился на воду как раз между двумя лодками.

— Что вы делаете, Спидь? — закричал я. — Мы очутились между двух огней.

Не успев я договорить, как на американской подводной лодке прогремел выстрел. Наш снаряд сблизил орудие на башенке „Сердце Ави“. Я взглянул на наших моряков, так отлично пристроившихся к неприятелю, и заметил, что они собирались продолжать обстрел. Возбе всего меня порадовала быстрая надвигавшаяся на башенку нашей лодки „В-4“. То была лодка Уайта Доджа.

— Это Уайт Додж! — крикнул я.

— Он убьет Марго, если будет продолжать обстрел, — ответил Спидь, несся навстречу жеру пушки. Мы увидели, как орудийная прислуга зарядила орудие. Кто-то в синем мундире оторвал от глаз бинокль и досадливо махнул рукой, чтобы им очистили поле действия. Я узнал Доджа.

— Ради Бога, прекратите стрельбу, — проревел Спидь, прикрывая плоскостями своего самолета неприятельскую подводную лодку.

— Вы потопите лодку! — крикнул я. — Там находится Карахань.

— Надюсь, мне удастся потопить его, — донеслось в ответ. — Убегайте с дороги! — и обратившись к своим каютирам, он добавил:

— Вы должны попасть в корпус лодки. Бросьте бить по башне. Мы должны потопить ее.

— Идиот, да где же с ним в лодке находится Марго! — вопил я. — Вы убьете ее.

— Прекратить огонь! — командовал Уайт Додж, внезапно поблудив. — Господи, мы уже дважды попали в них. Она лишена способности передвигаться, и орудие ее сломано. Будем надеяться, она не утонет.

И он озабоченно стал разглядывать неприятельскую лодку в бинокль. Я последовал его примеру и увидел, что из носовой части лодки поднялось облако дыма, заволакившее лодку.

— Она горит, — крикнул кто-то из матросов.

— Не отходить от орудия! — командовал Додж. — Это что-то другое. Это не пожар, а дымовая бомба. Он что-то хочет предпринять.

— Примите на борт Линт. Мы посмотрим, что там происходит, — крикнул я и помог Линту перейти на подводную лодку.

В то же мгновение что-то взметнулось над облаком и взмыло вверх.

— Это самолет, — крикнул Бинней. — Он думает, что ему удастся ударить от нас. Но он принадлежит мне! — и содрогаясь всей корпусом, наш самолет бросился в погоню за самолетом неприятеля.

Спидь поднялся быстрее, чем его противник, и вскоре мы очутились над ним. Мы приближались к неприятельскому самолету, и я заметил, что Спидь готовится к бою.

Вскоре наш самолет настолько приблизился к неприятельскому, что я смог разглядеть, что у всех трех пассажиров самолета на спине были надеты парашюты.

Порой неприятельский летчик бокально оглядывался и стремительно менил курс, пытаясь уйти от нашего преследования. Потом я заметил, что находившийся на

корей аэроплана пулеметъ направился на насъ — расстояние, раздѣлившее оба аэроплана, было слишкомъ велико для того, чтобы обстрѣлъ могъ дать какіе-нибудь результаты.

Завидѣвъ склонившееся надъ пулеметомъ желтое лицо, я понялъ, что то былъ Караханъ.

— Готовься! — крикнулъ Сидъ. — Начинаемъ!

И Сидъ круто повернулъ машину носомъ внизъ и навелъ на непріятеля пулеметъ. Его пальцы легли на затворы орудій.

Караханъ открылъ обстрѣлъ первый. Градъ пуль пронизалъ деревянный кузовъ нашего гидроплана, — я увидѣлъ, какъ Марго, занимавшая второе сидѣніе въ непріятельскомъ аэропланѣ, повернулась къ намъ.

— Господи, я чуть не застрѣлилъ ее, — прошепталъ Сидъ и попытался вывести нашъ аэропланъ изъ предѣловъ досягаемости карахановскихъ пулеметовъ.

— Теперь я не смогу осмѣлиться стрѣлять по его аэроплану. Я боюсь убить ее. Господи, какое все это свистно!

Караханъ замѣтилъ, что мы неожиданно прекратили нападеніе, и догадался, что было причиною нашей внезапной перемѣны тактики.

Мы продолжали кружить спиралями надъ его аппаратомъ. Сидъ пытался уйти отъ огня карахановскихъ пулеметовъ, не осмѣливаясь отвѣтить на его обстрѣлъ.

И тогда произошло нѣчто неожиданное: дѣвушка, начиншавшая подъ руководствомъ Сиды летать, приступила къ дѣйствіямъ.

Караханъ былъ поглощенъ пулеметомъ. Спереди пилотъ цѣлкомъ ушелъ въ управленіе машиной. Дѣвушка улучила мгновеніе и, вскочивъ на сидѣніе, ринулась черезъ бортъ. Черезъ мгновеніе надъ нею расправился парашютъ, и она медленно стала опускаться къ водѣ.

— Вотъ молодецъ! — гордо вырвалось у Сиды, и онъ непроизвольно перемѣнилъ курсъ, последовалъ внизъ на парашютомъ.

Караханъ насъ болѣе не интересовалъ. Мы хотѣли во что бы то ни стало спасти дѣвушку.

И тогда произошло нѣчто ужасное. Аэропланъ Кара-

хана также смѣнилъ курсъ, и дуло пулемета направилось на кусокъ шелка, на которомъ висѣла жизнь Марго.

— Господи! — прорычалъ Винней и направилъ свой аэропланъ на аэропланъ противника. Теперь заговорили его пулеметы, и непріятельскій аэропланъ пронизалъ градъ пуль. Аэропланъ дрогнулъ и полетѣлъ внизъ. Караханъ тщетно пытался освободиться изъ пулеметной лѣнты, въ которой онъ запутался въ моментъ сильного толчка.

Нѣсколькими минутами спустя мы спустились на воду рядомъ съ Марго и втащили ее къ намъ. Она была бѣдна, но непрехидима. Сидъ заключилъ ее въ свои объятія.

Затѣмъ мы полетѣли къ останкамъ краснаго аэроплана. Аэропланъ безпомощно покачивался на водѣ. На переднемъ сидѣніи видѣлось бездыханное тѣло пилота. Караханъ неподвижно лежалъ на своемъ сидѣніи. При паденіи онъ ударился о пулеметъ и голова его была окровавлена.

— Онъ живъ еще, — крикнулъ я, сириснувъ его лицо водою.

Когда Караханъ пришелъ въ себя, мы перетаскали его въ свою машину. Я посадилъ его рядомъ съ собою, и Сидъ снова поднялся на воздухъ. Вскорѣ мы увидѣли вдали „Звѣзду Азия“, на которой теперь развѣвалось звѣздное знамя, и нашу подводную лодку „В 4“.

Американскіе матросы помогли намъ перейти на бортъ назначенной подводной лодки. Когда Доджъ увидѣлъ Карахана, онъ шепнулъ мнѣ, что Линъ заболѣла, и что ее пришлось уложить въ постель.

Увидѣвъ, что Сидъ обвиняетъ Марго, онъ поблѣднѣлъ и прерывающимся голосомъ спросилъ:

— Что это значитъ?...

И прежде чѣмъ ему дали отвѣтъ, онъ направился къ счастливому сопернику и протянулъ ему руку:

— Вы выиграли, Сидъ. Мнѣ остается лишь пожелать вамъ счастья.

Неожиданно мы услышали громкіе возгласы и ура. Оглянувшись мы увидѣли, что команда развѣсила разноцветные флажки. Къ намъ приблизился одинъ изъ офицеровъ и сказалъ:

— Война окончена. Мы только что получили следующее сообщение по радио:

„Начальник генерального штаба Красных из Новой Англии генерал Волинов сдался точка прибыл под защитой белого флага на американские позиции точка ведет переговоры о заключении перемирия точка Карахань бежал“.

Боже, какая сенсация! Вся американская и неприятельская армия тешно разыскивает Карахана, а я его захватил в плен!

Через несколько минут по эфиру понеслись первые слова моей радио-корреспонденции. Корреспонденция была помечена заголовком:

„На борту подводной лодки Карахана „Звезда Азии“.

Мы взяли курс на Нью-Йорк и через полчаса повстречались со сторожевыми судами нашей эскадры. Со всех сторон к нам неслись суда, — пист засыпали по радио сообщениями — радио-телеграфисты не успевали принимать все то, что сообщалось нам.

Нась подвинули на борт крейсера „Миннеаполис“, и всю ночь напролет я продолжал посылать свои сообщения о происшедшем. На утро мы получили предписание направиться в Норфолк. Нью-Йорк был превращен в груду развалин, и пройти в гавань было невозможно — доступ в нее был прегражден минами.

Нынче всем известно, что население Норфолка было настолько возбуждено против желтого диктатора, провозглашенного лозунг „Побейдай и плодись!“, что перевести его в город оказалось невозможным. Мы стали в порту на якорь, а Карахань был передан группой штабных офицеров под начальством генерала Смита.

В свою очередь мы перешли на дредноут „Орегон“, и красный диктатор был доставлен на Бермудские острова, где он и доживает свой век в изгнании.

Нынче все фазы, которыми завершилась война, известны любому школьнику. Все знают о последовавшей после пленения Карахана сдаче неприятельских войск в Цен-

тральной Америке и на северо-западном фронте. В Виль, Лондон, Париж и Берлин вспыхнули контрреволюции — образованная Караханом федерация распалась и перестала существовать.

Мне нечего рассказывать о том, что Европа снова восстановила прежний порядок, образовав единое государство, названное „Соединенными Штатами Европы“. Также излишне говорить о том, что для отправки желтых полчищ из Америки на родину потребовалось восемнадцать месяцев срока, и что для осуществления этой задачи пришлось прибегнуть к услугам всего мирового флота.

Для сотен тысяч карахановских солдат белой расы подобный исход войны оказался благом. Интенсивная колонизационная политика Америки снабдила их тем, чего они тешно добивались всю свою жизнь, — она дала им землю. Нынче бывшие солдаты карахановской армии — трудолюбивые колонисты и пионеры новых Штатов, вошедших в состав Соединенных Штатов. Они населяют Манитобу, Саскатчевань, Альберту (ранее бывшую Канадой), Ванкувер (из прошлого Британская Колумбия). Канада вошла в американскую федерацию по воле всемирного голосования, состоявшегося в ноябре 1917 года.

Политическое объединение обеих стран, после того, как Европа также объединилась в единое государство, стало насущной необходимостью.

Столицей всеамериканской федерации остался Сант-Луи, и нынче американское знамя развевается от полярного круга до границ Мексики.

Прежние английские базы — Ямайка, Тринидад и Бермудские острова — больше не принадлежат Европе. Британский Гондурас и три Гвианы вошли в состав южноамериканских республик Гватемалы, Венесуэлы и Бразилии.

Недавно меня навестили в Нью-Йорк Марго и Вилли. Марго нынче является членом конгресса от штата Саскатчевань.

Лишь после нескольких месяцев первой горячки поправилась и уехала за своими детьми в Россию. Сей-

часъ она вмѣстѣ со своими дѣтьми живетъ у своихъ родителей въ Востонѣ.

Полковникъ Вейеръ послѣдовалъ за своимъ вождемъ въ изгнаніе и живетъ на Бериудскихъ островахъ. При составленіи этой книги онъ былъ мнѣ очень полезенъ рядомъ свидѣній и указаній.

Караханъ боленъ. Теперь 1941 годъ, и ему минуло сорокъ одинъ годъ. Я часто гуляю съ нимъ по острову, и порой мы выѣзжаемъ съ нимъ на прогулку верхомъ. Но чаще всего мы вмѣстѣ отдыхаемъ на террасѣ его дома. Передъ нимъ обычно лежитъ карта Караибскаго моря — моря, въ которое закатилась его счастливая анѣзда.

Я являюсь на этомъ островѣ представителемъ всей мировой прессы и бесѣдую съ нимъ отъ ея лица. Его отношенія ко мнѣ ни въ какой степени не измѣнились. Онъ все еще продолжаетъ чувствовать себя диктаторомъ міра. Его армія распущена, флотъ его погибъ, его воздушныя силы уничтожены, государства его болѣе не существуетъ, но даже годы нагнанія и униженія не сломили краснаго Наполеона.

Для меня онъ всегда остается символомъ упрямой воли, непреклоннаго мужества, стальной рѣшимости и азиатской жестокости. Онъ ведетъ обширную корреспонденцію, проходящую черезъ цензуру генерала Смита. Цензура эта сообщаетъ мнѣ содержаніе писемъ, адресованныхъ бывшему властителю міра. Ему пишутъ бѣлые женщины, которымъ выпало на долю удѣлъ принадлежать ему — въ этихъ письмахъ сообщаются ему свидѣнія о его многочисленныхъ дѣтяхъ, рожденныхъ бѣлыми матерями, но въ жилахъ которыхъ течетъ монгольская кровь Карахана.

— Я не менѣе горжусь своей кеззой кожей, чѣмъ вы своею бѣлой, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то. — Кто смѣетъ утверждать, что гладкіе волосы лучше курчавыхъ волосъ, и что одна форма черепной коробки лучше другой? Вы, бѣлые, все еще болтаете о высшей своей цивилизаціи. И вы забываете, что было время, когда желтые и коричневыя расы дали цивилизацію, превосходившую вашу цивилизацію. Желтокожие люди строили пирамиды, изобрѣли порохъ и

бумагу, заложили основаніе для многихъ наукъ, создали медицину, хирургию, астрономію, математику. Все это они создали еще въ тѣ времена, когда вы, бѣлые, бродили по Европѣ, кутаясь въ зѣбрыныя шкуры и питаясь сырымъ мясомъ. Вы меня пропинаете за то, что я искалъ общенія съ бѣлыми женщинами и провозгласилъ уничтоженіе расъ. Вы меня осудили за то, что я приказалъ моимъ войскамъ побѣждать и плодиться.

— Мнѣ нечего оправдываться передъ вами. Въ томъ, къ чему я стремился, кроется будущее міра. Рѣшительные и непреклонные мужчины существовали и до меня. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось осуществить свою цѣль; другимъ выпало на долю лишь посѣять сѣмена грядущихъ исходовъ. Мнѣ суждено было ограничиться вторымъ. Есть только одно средство для улучшенія міра — это средство — сила. Моя ошибка заключалась въ томъ, что я не сумѣлъ оказаться на морѣ болѣе сильнымъ. Я горжусь своимъ жизнемъ и содѣяннымъ, я горжусь тѣмъ, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Чингизъ-Хана. Должно быть, мнѣ суждено будетъ умереть пѣнникомъ подъ надзоромъ Смита, но я останусь жить въ памяти людей не только какъ завоеватель, но и какъ борецъ за будущее человечества.

— Войны, сраженія, борьба — все это этапы на пути прогресса. Войны похоронили старыя предрасудки міра — національныя, религіозныя, сословныя и классовыя привилегіи. Но одинъ предрасудокъ продолжаетъ жить — это расовой предрасудокъ и расовыя привилегіи.

— Сравнительно небольшое число бѣлыхъ людей не можетъ вѣчно поработать своихъ цѣлѣвыхъ братьевъ. Вы, американцы, продолжаете вѣрить въ чистоту расъ, вы продолжаете возносить аріиство. И вы пытаетесь властвовать надъ міромъ. Вы захватываете себѣ лучшія страны міра. Чего ради вы устанавливаете намъ, цѣлѣвымъ расамъ, преграды? Я вамъ скажу, почему вы это дѣлаете: вы боитесь насъ, страшитесь нашей силы. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть лишь одна цѣлѣвая раса, для которой вы не устанавливаете различій. Въ жилахъ вице-президента Кертіса течетъ кровь индѣйца. Миссисъ Вудро Вильсонъ также

гордилась своимъ индѣйскимъ происхожденіемъ. Почему вы признаете этихъ людей людьми, если все сводится къ вопросу крови?

— Почему? Я дамъ вамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вы не боитесь больше индѣйцевъ. Вы побѣдили ихъ — ихъ племена разсѣяны, воины ихъ разоружены, ихъ жены принадлежатъ вамъ. Вы превратили индѣйцевъ въ зоологическіе экспонаты, заставляете ихъ пополнять ряды фокусниковъ, продавцовъ ковровъ, заклинателей змѣй. Но ваше отношеніе къ желтымъ и чернымъ сонѣмъ иное — вы ихъ боитесь.

— Я говорю вамъ это потому, что я желаю, чтобы вы написали объ этомъ. Для вашего блага слуха эти слова звучатъ ужасно, но я хочу, чтобы вы выслушали меня, потому что будетъ день и придетъ пора разрешить и эту задачу. Ненависть между расами должна исчезнуть.

— Заповѣди нашего Господа, заветы вашей вѣры, законы вашихъ правительствъ, основныя принципы вашей биологій — все это говорить о томъ, что люди всѣхъ расъ принадлежатъ къ одной семьѣ. И все это ложь и лицемеріе. Я признаю лишь одну расу — и эта раса — человечество.

— Карахану не суждено покинуть пустынный островъ. Для него не наступятъ дни возвращенія съ Эльбы. Красный Наполеонъ не доживетъ до своихъ „ста дней“.

Онъ отлично знаетъ, что на всей земномъ шарѣ живо воспоминаніе о понесенныхъ потеряхъ, о милліонахъ принесенныхъ въ жертву жизней и несмѣтныхъ богатствахъ, разбѣянныхъ войною. Онъ знаетъ, что онъ не можетъ рассчитывать на то, что ему когда-либо удастся снова придти къ власти.

Но онъ продолжаетъ вѣрить, что посѣянные имъ сѣмена недовольства дадутъ пышные всходы, и что придетъ день, когда множество людей смѣшанныхъ расъ, унаследовавшихъ его кровь, отомстятъ за него.

Конецъ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.